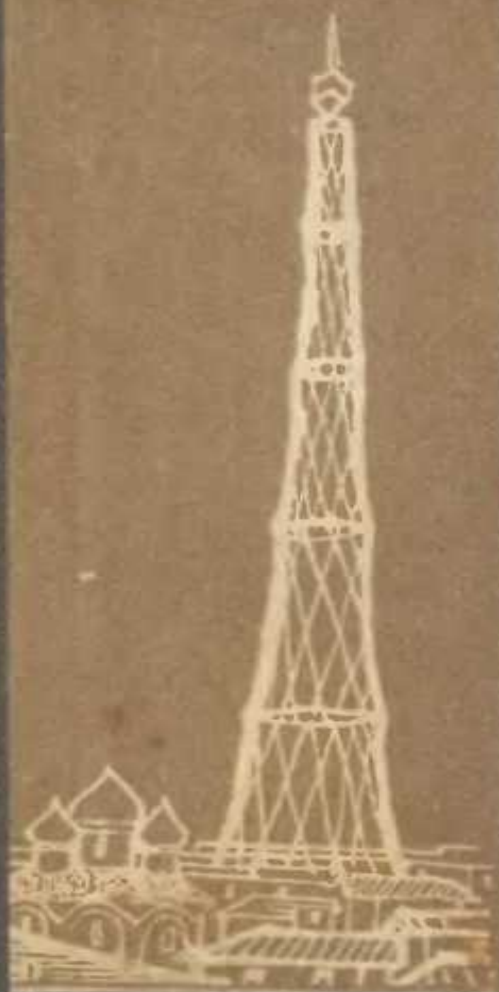

ПОДБЕЛЬСКИЙ

Б. Расин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

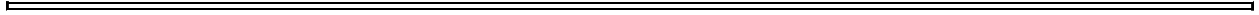
В энциклопедиях можно прочесть о Вадиме Подбельском всего лишь десяток скупых строк. Между тем короткая, но прекрасная жизнь Подбельского, профессионального революционера-ленинца, — это подвиг во славу революции. «Он хотел так жить и работать, чтобы рвались мускулы и скрипели кости», — сказал о нем А. В. Луначарский.

Книга Б. И. Расина — первая попытка показать жизнь этого выдающегося человека, талантливого журналиста, народного комиссара почт и телеграфов в первые годы советской власти.

- [Расин Борис Исаакович](#)
  - [НЕТ НА РУСИ ПОКОЯ...](#)
  - [«ТАМБОВСКИЕ ОТКЛИКИ»](#)
  - [В СЫТИНСКОМ «РУССКОМ СЛОВЕ»](#)
  - [СМЕЛО, ТОВАРИЩИ, В НОГУ!](#)
  - [КОМИССАР ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ](#)
  - [«НАРКОМАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ, ИМИ ДЕЛАЮТСЯ...»](#)
  - [ОСОБОУПолНОМОЧЕННЫЙ ЦК и ВЦИК](#)
  - [«ЧТОБЫ РВАЛИСЬ МУСКУЛЫ И СКРИПЕЛИ КОСТИ...»](#)
  - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. Н. ПОДБЕЛЬСКОГО](#)
  - [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
  - [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)

- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)

Расин Борис Исаакович
ПОДБЕЛЬСКИЙ

НЕТ НА РУСИ ПОКОЯ...

Бесконечно долго тянутся дни заключения.

За эти томительные дни Вадим передумал о многом. Чаще всего его мысли возвращались к отцу. Вадим совсем не помнил отца, но столько слышал о нем. Отец его, Папий Подбельский, был человек замечательный. Об этом говорят все знавшие его. Он был смелым, мужественным, и очень добрым, и удивительно разносторонним человеком: и философией занимался, и обладал блестящими ораторскими способностями, и стихи писал.

Вадим должен быть достоин отца. Как и отец, он будет бороться против произвола и насилия, за свободу и счастье народа. Кажется, он действует правильно— властям не понравилось его выступление. И вот он в участке.

Известие о расстреле в Петербурге мирного шествия рабочих, направлявшихся к царю, донеслось и до Тамбовской губернии. И здесь, как и повсюду, известие это вызвало гнев и возмущение. 17 января забастовали рабочие заводов Петтера и Махова в Тамбове, фабрики Асеевых в Рассказове. Через несколько дней к ним примкнули рабочие всех суконных

фабрик Рассказова. Бастовали рабочие депо в Сасове, телеграфисты в Сасове, Рассказове, Грязях. Начались выступления крестьян: поджоги имений, захват земли. Заволновалась и учащаяся молодежь.

В середине февраля на демонстрацию вышли гимназисты Елатьмы. Они настаивали на увольнении учителя, установившего за ними слежку. Для усмирения гимназистов пришлось даже вызвать полицию.

Сигнал был дан.

В конце марта прекратили занятия учащиеся тамбовского Екатерининского учительского института. Они требовали отделения церкви от школы, невмешательства учебного начальства в религиозные воззрения воспитанников, доступа в институты лицам всех вероисповеданий, привлечения студенческих делегаций к участию в педагогических советах, свободы собраний и кружков, неприкосновенности корреспонденций и квартир, разрешения организации товарищеского суда. Но, помимо этого, студенты поддерживали требования рабочих о немедленном созыве Учредительного собрания для рассмотрения нужд не только рабочих, но и студенчества.

В тот же день были заключены в тюрьму пятьдесят зачинщиков протеста. Весть об этом быстро проникла в учебные заведения города. Взбунтовались гимназисты и семинаристы.

На уроке «закона божия» протоиерей Вельский пригрозил ученикам отчислением из гимназии за непосещение церкви. Поднялся Вадим Подбельский.

— И это вы называете свободой?..

Гимназисты зашумели:

— Почему за нами шпионят?

— Где же свобода, если нам запрещают собираться?

Законоучитель побежал за начальством, а гимназисты, повскакав с мест, столпились у кафедры. Вадим взобрался на скамью.

— Товарищи! — начал он. — Давайте действовать организованно. Мы не станем заниматься, пока не будут удовлетворены наши требования.

— Забастовка! — послышались со всех сторон возбужденные голоса.

— Друзья, — продолжал Вадим Подбельский, — вы знаете, что вчера начали забастовку наши старшие товарищи — воспитанники учительского института. Так поддержим же их, поднимем и мы свой голос протеста против произвола. А сейчас разойдемся. Не поддадимся никаким провокациям. Давайте лучше соберемся вечером и пойдем к городской управе.

Стихийно возникший митинг кончился. Гимназисты разошлись.

А вечером почти все гимназисты старших классов, многие семинаристы и студенты учительского института пошли к городской управе. Тихий вечерний город огласился возбужденными молодыми голосами. Проходя мимо тюрьмы, где были заключены арестованные накануне студенты Екатеринбургского учительского института, демонстранты запели:

Солнце всходит и заходит,
А в тюрьме моей темно...

Песни, сменяя одна другую, звучали на улицах города.

Но настанет пора — и проснется народ,
Разогнет он могучую спину.
И на бар и царя, на попов и господ
Он отыщет покрепче дубину...

Поднятые песней, к демонстрации присоединились новые группы молодежи. Когда колонна подошла к городской управе, Вадим, шедший во главе ее, крикнул:

— Долой самодержавие! Да здравствует свобода!
Кто-то разбросал несколько прокламаций.
Подоспевшая полиция разогнала демонстрантов.

Ночью в квартирах многих гимназистов, семинаристов и студентов учительского института начались обыски. Нагрянула полиция и в квартиру Подбельских-Белоцветовых. Рылись в комнате Юрия и Вадима, в кабинете отца Гавриила Васильевича Белоцветова и даже в комнате девочек.

Потом Вадима увели в полицию.

А как все началось у отца? Как он попал в ссылку? Вадим пробовал представить себе тот годичный акт в Петербургском университете, когда Папий Подбельский с товарищами из центрального университетского кружка «Народной воли» выступил с протестом^[1]. В разгаре торжественный акт. Только что закончил читать годовой отчет профессор Градовский. Уже взошел на кафедру профессор Мартенс... И вдруг с хоров прозвучало:

— Из отчета ясно: единодушные требования всех университетов оставлены без внимания... Нас хотят подавить не только насилием, но и

хитростью... Но мы понимаем лживую политику правительства; ему не удастся остановить движение русской мысли обманом. Мы не позволим издеваться над собой: лживый и подлый Сабуров найдет в рядах интеллигенции своего мстителя!..

Это говорит друг Папия — Лев Коган-Бернштейн, тоже первокурсник-юрист.

В зале шум, переполох. Только ясно и отчетливо слышны отдельные выкрики:

— Тише!..

— Слушай!..

— Молчать!..

Пользуясь суматохой, быстро подходит к креслу министра Папий Подбельский. Миг — и крепкой рукой Папий дает затрещину министру Сабурову... С хоров в это время в зал летят прокламации. Любопытные ловят их на ходу и читают. Шум в зале усиливается. Такого еще университет не знал за всю свою многолетнюю историю.

Участников протеста сослали в далекую Якутию.

Смутно вспоминает Вадим и годы скитаний по ссылке. Ему не было и двух лет, когда жандармы убили отца. Это случилось 22 марта 1889 года.

До шести лет Вадим жил с семьей в холодной, суровой Якутии среди политических ссыльных. Его окружали смелые, стойкие люди, готовые до последнего дыхания отстаивать свои убеждения, свои идеи. Его мать, Екатерина Петровна Сарандович, — народоволка, осужденная на каторгу за участие в организации побега политзаключенных из Киевской и Харьковской тюрем. Здесь, в Якутии, она и вышла замуж за Папия Подбельского. Здесь в 1887 году родился Вадим. Он был третьим ребенком в семье Подбельских. После гибели Папия Павловича детей усыновил его брат Николай Павлович. В Якутске к Екатерине Петровне, оставшейся после гибели мужа с тремя детьми на руках, часто заходил ссыльный народоволец Гавриил Васильевич Белоцветов. Он очень привязался к Екатерине Петровне, которую не сломили годы изнурительных каторжных работ, к ее малышам и вскоре вошел в семью.

В 1900 году семья Подбельских-Белоцветовых переехала в Тамбов, и мальчики поступили в гимназию: старший, Юрий, — в третий класс, Вадим — во второй. Дети хорошо учились, жизнь шла спокойно. Неприятности начались с пятого класса гимназии, когда юноши увлеклись политикой.

В первое время братья с одинаковым увлечением тайно от взрослых и

товарищей читали книги Маркса, Энгельса, Вильгельма Либкнехта, Петра Лаврова, Ленина, Плеханова. Но постепенно взгляды Вадима и Юрия стали расходиться. Вадим все больше и больше замечал, что во взглядах старшего брата нет никакой последовательности: он пытается совместить несовместимое — марксизм с народничеством, его привлекает индивидуальный террор как метод борьбы с самодержавием. Вадима же все сильнее и сильнее притягивала марксистская теория классовой борьбы.

Нередко на почве политических разногласий между братьями бывали серьезные стычки. Однако кончались они довольно мирно. Братья любили друг друга и считали, что они вполне созрели для того, чтобы каждый мог самостоятельно избрать путь в жизни.

Мать не могла не замечать, что Юрий и Вадим ночи напролет сидят за книгами, что они где-то подолгу пропадают. Но что она могла поделать со своими мальчиками — они уже достаточно повзрослели, а интерес к политике, должно быть, передался им по наследству...

Каждый раз, когда Юрий и Вадим старались незаметно исчезнуть из дому, мать всегда почему-то оказывалась тут как тут. Она целовала их и с тревогой говорила:

— Только осторожно, дети... Умоляю вас...

Эти слова, взволнованный голос матери слышал Вадим и в камере, как будто бы мама была здесь, рядом. Но Вадим уже не мог отказаться от раз избранного пути.

Он вспоминал первую тайную сходку, на которую его привели. Вспоминал, с каким вниманием он слушал ораторов, пытаясь разобраться в разноголосице мнений. Потом было много сходок, много собраний. Часто на них выступал и Вадим, горячо отстаивая свои убеждения, яростно нападая на противников.

Споры на сходках и тайных собраниях молодежи возникали жаркие, так как собирались вместе социал-демократы и эсеры, рабочие, студенты и гимназисты, представители местной интеллигенции и ремесленники. Вадима Подбельского хорошо узнала революционно настроенная молодежь Тамбова. Когда летом 1904 года пришлось выбирать делегата на съезд учащихся в Москву, его кандидатура не вызвала сомнений.

А в каком приподнятом настроении вернулся Вадим из Москвы! Съезд показал ему, что по всей России поднялись учащиеся на борьбу за свободу, за свои права. Он с воодушевлением рассказывал землякам о решениях съезда. А зимой на каникулах съездил в Саратов и там встречался со студентами и гимназистами, рассказывая им о решениях съезда.

Потом опять Тамбов. Гимназия, сходки, тайные собрания, разговоры о

потерях русской армии на Дальнем Востоке, о проклятой войне, унесшей тысячи жизней. Бессонные ночи над книгами, споры с Юрием о будущей революции. Так прошел 1904 год.

Первый арест... Бесконечно тянется время.

Прямых улик для обвинения Вадима Подбельского в антиправительственной деятельности не оказалось. И его выпустили, продержав неделю в участке.

2

На ближайшей сходке железнодорожников Вадима окликнула прибывшая из Москвы Лидия Осиповна^[2], с которой он познакомился еще в прошлом году.

— Так что ж, Вадим, боевое крещение выдержали? Молодчина! Вас можно считать большевиком. Сегодня же и окрестим.

Вадиму дали адрес явки. И в тот же вечер на собрании тамбовских большевиков Вадим Подбельский был принят в члены социал-демократической партии.

В полночь, возвратившись домой, возбужденный и радостный, он сел за работу: надо было по заданию партии написать листовку-воззвание.

— Как ты думаешь, Юра, — обратился Вадим к брату, — так хорошо будет звучать? — И он негромко, чтобы не разбудить мать, начал читать обращение большевистской организации к рабочим: — «Устраивайте собрания, товарищи, заявляйте на них свою солидарность с петербургскими товарищами.

Будьте готовы встретить славную смерть за великое дело освобождения. Революция стучится в дверь, ее голос велик и прекрасен, она требует жертв, она несет с собой политическую свободу поднимающемуся из порабощения народу...»

Завтра на квартире учителя Михаила Павловича Рассказовского, где соберется большевистская группа, прокламацию обсудят. Потом ее отпечатают на гектографе и товарищи распространят среди жителей губернии. Условлено, что за прокламацией должен будет приехать учитель из села Пересыпкино. Пересыпкинский учитель — надежный товарищ. Он сам смастерил гектограф и сам печатает на нем.

С этого дня Вадиму приходилось довольно часто по поручению

организации писать листовки.

Их писали по различным поводам. В одном случае большевики разъясняли крестьянам, что реформа 1861 года не только их не раскрепостила, но, наоборот, еще больше закабалила и что поэтому единственный путь освобождения от кабалы — это революция. В другом случае требовалось осудить пагубную политику социалистов-революционеров, прибегающих к тактике индивидуального террора.

И каждый раз Вадим с воодушевлением принимался за работу. Его окрыляло доверие старших товарищей, поручавших ему такое ответственное дело.

3

Осенью 1905 года поднялась вся Россия. Начавшаяся 6 октября в Москве по призыву комитета РСДРП всеобщая политическая стачка превратилась во всероссийскую. Бастовало более двух миллионов человек. Встали фабрики и заводы, остановилось движение на многих железных дорогах, прекратили работу почтово-телеграфные учреждения.

«Могучая рука пролетариата, — писал Владимир Ильич Ленин в газете «Пролетарий», — поднявшегося в порыве геройской солидарности во всех концах России, остановила всю промышленную, торговую, и государственную жизнь. Страна замерла перед бурей».

Владимир Ильич призывал партию расширять революцию, завоевывать крестьянство на сторону рабочего класса, не идти на компромисс с царизмом, а бороться за его свержение.

Царь вынужден был издать так называемый манифест 17 октября и обещать народу «гражданские свободы». Но маневр не помог. Революционное движение в стране продолжало нарастать.

В Тамбов дошли слухи о восстаниях в армии и флоте, о создании первых Советов рабочих депутатов, о революционных выступлениях крестьян.

Тамбовский губернатор фон дер Лауниц в тревоге. Как справиться со смутой, которая охватила всю губернию? Как выловить всех бунтовщиков?

Губернатор рассчитывал на магическую силу «высочайшего манифеста» 17 октября. Но в городах и селах, видимо, не верят манифесту — должно быть, большевистские агитаторы всюду поработали. Недаром

Шацкий, земский начальник, просит прислать войска для усмирения крестьян села Петрова, которые рубят помещичий лес и наотрез отказываются прийти на сходку, чтобы выслушать разъяснения по поводу манифеста.

Только за два дня — 28 и 29 октября — в уездах было сожжено и разгромлено тринадцать помещичьих усадеб. По распоряжению министра внутренних дел Дурново 30 октября Тамбовская губерния объявлена на положении усиленной охраны. Но и это не помогло. Революционные выступления в городах и селах продолжались.

Восьмого декабря состоялся большой митинг железнодорожников Тамбовского узла. Участники его выдвинули требования: созыв Учредительного собрания, свобода слова и печати, свобода стачек и союзов.

Фон дер Лауниц окончательно растерян. В этой проклятой, неспокойной губернии можно в конце концов головы лишиться.

Как в калейдоскопе, перед ним мелькают события этого ужасного года. 19 января в Одессе был ранен полицмейстер Головин, 4 февраля в Москве убит великий князь Сергей Александрович, 21 февраля в Белостоке убит исправник Ельчин, 31 марта в Одессе ранен пристав Ольшевский, 24 апреля на Волыни убит пристав Куятов, а четырьмя днями позже в Нижнем Новгороде — начальник охранного отделения жандармский ротмистр Грешнер, 3 мая в Уфе — губернатор Соколовский. И так каждый месяц.

И кто разберет, чья рука направляет убийц?

Пятнадцатого декабря, в два часа дня, когда вице-губернатор Тамбова Богданович выходил из градоначальства домой, слесарь вагонных мастерских Максим Лукич Катин и крестьянин Иван Сергеевич Кузнецов смертельно ранили его. Это был один из очередных актов, произведенных по решению Тамбовского комитета социалистов-революционеров «летучим отрядом» этой партии. Черт возьми, и губернатора может не миновать та же участь! Пока не поздно, надо спасать свою шкуру, тем более что уже пошли слухи о его хлебных спекуляциях. Не лучше ли перевестись в другой город? Ему с его связями это совсем не трудно сделать,

В Тамбов прибыл новый губернатор — Клавер. Он сразу же ввел в губернии военное положение.

Но и эта мера не дала желаемых результатов.

В Тамбове арестован забастовочный комитет железнодорожных рабочих, а уже на следующий день тысячи человек в Тамбове, Козлове, Борисоглебске, Моршанске снова выступают с требованием политических

свобод. И, как бы поддерживая рабочих, крестьяне продолжают громить и сжигать помещичьи усадьбы.

Большевистских агитаторов в те горячие дни можно было видеть на собраниях ткачей, в железнодорожных мастерских, на крестьянских сходках. Кропотливо и настойчиво они разъясняли, что единственно правильный путь — это путь, предлагаемый социал-демократической рабочей партией большевиков. Они призывали рабочих, крестьян бороться за удовлетворение своих экономических и политических требований, бастовать против произвола властей, не бояться возможных неудач на первых порах, копить силы. Когда в конце 1905 года в ответ на подавление Московского декабрьского вооруженного восстания вспыхнула забастовка тамбовских и козловских железнодорожников, большевики были первыми, кто поддержал рабочих. И с каждым днем все больше и больше людей шло за большевиками.

Уже не только в Тамбове, Козлове, Моршанске, Елатье, Борисоглебске, Рассказове, Грязях, но и в ряде сел губернии большевики имели свои группы и своих сторонников.

Революция, в России революция! Вадим Подбельский выступал на митингах и сходках, под различными предлогами выезжал в села и в уездные города. В селе Царевка, что в десяти верстах от Тамбова, он создал социал-демократический кружок и почти каждое воскресенье проводил в нем беседы.

Собирались на квартире старого сапожника Ивана Петровича Петрова. Хозяин радушно встречал гимназиста.

— Что ж, отец, надо бы вам в партию, — как-то сказал ему Вадим.

Старик хитро прищурил глаза, потянул сигарку.

— А разве я не с вами? — спросил он.

Против этого нельзя было возражать. Старый сапожник не только внимательно, с интересом слушал беседы. Он оказался и замечательным конспиратором. В его доме надежно хранилась небольшая библиотечка социал-демократической литературы.

— Так-то так, Иван Петрович, — говорил ему Вадим. — А все же, когда состоишь в партии, и сил больше прибавляется, я это и по себе чувствую...

— Придет время, и приду к вам и скажу — принимайте старика в партию, — ответил сапожник.

За Вадимом Подбельским началась слежка.

Между тем после разгрома Московского декабрьского вооруженного восстания контрреволюция стала переходить в наступление. Еще продолжались революционные выступления рабочих, солдат, моряков. Летом 1906 года с новой силой вспыхнуло крестьянское движение, но уже орудовали карательные отряды, заседали военно-полевые суды, свирепствовали банды черносотенцев. Тысячи людей были убиты, брошены в тюрьмы, отправлены в ссылку, на каторгу. Власти расправлялись с революционерами и сочувствующими им, мстя за тот страх, который недавно пережили.

Репрессии начались и в Тамбове.

Вадим Подбельский был вынужден покинуть город. В августе 1906 года он эмигрировал во Францию, запасшись рекомендательным письмом к сердобской помещице Устиновой, жившей в Ментоне с больным сыном. Письмо помогло Подбельскому получить место репетитора.

Томительно медленно текли месяцы эмиграции. Вадима тянуло на родину, к живой революционной работе. В один из июльских дней 1907 года он оставил Ментону, даже хозяйке не сказав ни слова о своем отъезде. Он возвратился в Россию нелегально.

Осенью Вадим уже был в Тамбове.

Многое изменилось в городе за прошедший год. Как постарела мать!.. Лицо ее покрылось тонкой сеткой морщин, глаза воспалены, будто никогда не высыхают от слез. Нет Юрия... По приговору Саратовской судебной палаты, он уже почти полгода томится в Борисоглебской тюрьме. Ему грозит высылка. Нет многих товарищей. Но кое-кого из старых друзей Вадиму все же удалось разыскать. Учитель Рассказовский посвятил его в положение дел в организации. Организация жива, она действует.

На собрании у железнодорожников Вадим познакомился с товарищем, прибывшим из Москвы. Все его звали Никодимом^[3]. Совсем недавно он был на Лондонском партийном съезде. В свои неполные тридцать лет Никодим уже имел за плечами более десяти лет активной революционной работы, не один год тяжелой ссылки в Сольвычегодске, аресты и эмиграции. В 1906 году в Петербурге он встретился с Лениным. В Тамбов Никодим приезжал не однажды. За короткое время он завоевал всеобщее уважение, особенно среди железнодорожников, где чаще всего бывал.

Недаром козловские железнодорожники избрали его делегатом V (Лондонского) съезда партии.

С огромным интересом слушал Вадим Подбельский рассказы Никодима — Шлихтера о встречах с Лениным, о съезде партии.

Но Никодим — Шлихтер скоро уехал.

Вадим продолжал работу в организации. Много времени и сил он отдал созданию пропагандистских групп из молодежи.

В Тамбове Вадим жил нелегально. От зоркого ока полицейских властей не могло скрыться, что в дом Белоцветовых приехал гость. Этот дом всегда был на подозрении у полиции. Сейчас наблюдение за ним усилилось.

5

К дочери адвоката Кушенского — гимназистке последнего класса — часто приходили друзья. Вели они себя вполне достойно: танцевали, пели, музицировали» много о чем-то спорили.

Но то, что произошло вечером 14 октября 1907 года, крайне взволновало и озадачило адвоката. Молодежь уже собиралась разойтись и прощалась с хозяевами, когда в дом Кушенских нагрянула полиция. Всех гостей арестовали и повели в участок. Среди задержанных был и Вадим Подбельский.

В полночь в квартиры арестованных ворвались полицейские. У Белоцветовых-Подбельских обыск продолжался довольно долго. В комнате Вадима нашли несколько брошюр, «Капитал» Маркса, письмо старого товарища по подполью Ксении Украинцевой из Самары, еще письмо, за подписью «Огарок-Сокол», какие-то разрозненные записи — не то конспект книги, не то конспект лекции.

Из гостей Тани Кушенской Вадим Подбельский был особенно хорошо известен полиции. По заключению начальника губернского жандармского управления он представлялся «опасным для общественного спокойствия... Все задержанные уже до крайности распропагандированы». Среди них не было ни одного впервые попавшего на сходку, а в доме Кушенских регулярно проходили сходки. Все арестованные собирались и ранее и, по мнению жандармского начальника, составляли «одну сплоченную шайку».

И хотя результаты обысков не давали еще основания к возбуждению формального дела, встревоженные полицейские власти решили сделать все,

чтобы избавить Тамбов от беспокойных людей.

Решением тамбовского губернатора большинство участников сходки было выслано в Саратов.

6

Вадиму не стоило большого труда найти в Саратове тамбовскую подпольщицу Ксению Украинцеву, высланную туда в начале года. Через нее Вадим связался с большевистским подпольем. Первое задание, которое он получил, — агитация среди мельничных рабочих.

Уже через два-три месяца Подбельский стал своим человеком среди мукомолов города. Ему удалось организовать профсоюз мельничных рабочих, объединивший тысячу рабочих тринадцати мельниц города. А немного спустя его избрали секретарем социал-демократической группы мельничных рабочих.

Конечно, и в Саратове полицейские власти не оставили Подбельского в покое. Он ясно чувствовал, что и тут ему не дадут долго гулять на свободе. К тому же еще дядя Николай Павлович, у которого он остановился, высказывал недовольство: за его домом стали усиленно следить, а у него семья, дети, и незачем ему портить репутацию.

Подбельский вынужден был из Саратова уехать. И уже 30 мая 1908 года он был снова арестован в Тамбове.

Несколько месяцев продолжалось дознание и велась переписка тамбовских властей с министром внутренних дел. В середине октября Подбельскому было объявлено решение: его высылают на три года в Вологодскую губернию.

7

Московская Центральная пересыльная тюрьма была забита арестантами до отказа. Распутица на неустроенных российских дорогах задерживала отправку ссыльных по дальнейшему этапу. Между тем каждый день прибывали все новые и новые партии. Тюремная администрация сбилась с ног. Куда всех разместить? Как быть с «политическими», если по положению они должны содержаться в

отдельных помещениях, а таких помещений не хватает? Обитатели ряда камер уже объявили голодовку в знак протеста против неправильного отношения к «политическим». От неимоверной скученности в тюрьме начались болезни.

Не миновала болезнь и Вадима Подбельского. Тюремный врач не сразу распознал заболевание. Вначале он определил малярию, но спустя неделю, когда уже начался кризис, врач, наконец, признал возвратный тиф.

Вадима Подбельского поместили в неудобной тюремной больнице. Здесь ему пришлось проваляться почти два месяца. И потом еще долго болезнь напоминала о себе.

...Пока Вадим болел, уже не один этап был отправлен в ссылку. Подходил и его черед. Мать сообщила, что обратилась к министру с просьбой не отправлять Вадима далеко, но ответа никакого еще нет. Узнал Подбельский и о том, что его тамбовская приятельница, товарищ по подполью Ксения Украинцева, выдавая себя за невесту ссыльного, тоже просила не отправлять его в глушь, мотивируя эту просьбу плохим состоянием здоровья Вадима. Но власти остались глухи к просьбам «невесты» и матери.

Гиблые, суровые места избрало царское правительство для ссылки политических «преступников»: край вечной мерзлоты — Якутию, суровую архангельскую тундру, дикие, нехоженые места Вологодщины.

Из года в год росло число ссыльных и заключенных в Вологодской губернии. Только в 1908 году в десять тюрем Кадникова, Яренска, Усть-Сысольска и самой Вологды поступило более восемнадцати тысяч заключенных. За этот год на содержание тюрем было потрачено более ста тринадцати тысяч рублей, а на содержание школ, в которых обучалось двадцать семь тысяч детей, — только около восьмидесяти семи тысяч. Нет школ, нет больниц, зато много церквей. Без них официальным властям никак не обойтись. Даже в самом захолустном уездном городке, Яренске, на полторы тысячи жителей — пять церквей, монастырь, но ни одной школы и всего лишь одна заброшенная больница на сорок коек.

Все ссыльные, направляемые в Вологодскую губернию, прежде всего должны были пройти «карантин» в тюрьме. В это время губернатор знакомился с «делом» каждого и по своему усмотрению определял, кого

куда направить. В самом губернском городе почти никого не оставляли.

Вадиму Николаевичу Подбельскому местом ссылки губернатор назначил Кадников — небольшой городок на реке Содиме, в сорока двух верстах от Вологды. Подбельский прибыл туда этапом 29 января 1909 года.

Не прошло и двух недель, как исправнику доложили, что новичок подолгу беседует с другими ссыльными и местными жителями, передает им какие-то книги, а на замечания отвечает дерзко.

Последовало распоряжение обыскать виновного. В вещах Подбельского не пришлось особенно долго рыться. Несколько запрещенных в России произведений Л. Н. Толстого, изданных швейцарским отделом «Свободного слова», и брошюр издательства революционно-социалистической группы «Свобода» было достаточно, чтобы обвинить Вадима Подбельского в хранении нелегальной литературы и заключить в местную тюрьму.

«Направьте ссыльного Подбельского в Яренск», — телеграфировал вологодский губернатор в ответ на запрос кадниковского исправника.

7 мая 1909 года Вадима Николаевича Подбельского отправили этапом в Яренск.

Яренск населен плотно. Здесь большая колония ссыльных. Почти нет дома, где бы не квартировал ссыльный.

В колонии собрались люди различных политических убеждений — большевики, меньшевики, эсеры, бундовцы; люди разных возрастов — от зеленых юнцов до убеленных сединами стариков; люди разных профессий.

Вадим Николаевич Подбельский сумел быстро освоиться с обстановкой, сдружиться с ссыльными. Человек он был общительный, легко сходилась с людьми, сразу располагал их к себе. Немалую, должно быть, роль в этом сыграло то обстоятельство, что он рос среди ссыльных. Они были его первыми друзьями и воспитателями.

Подбельский особенно подружился с Иваном Фиолетовым, большевиком-подпольщиком, человеком, непримиримым к врагам партии. В эти края Иван Тимофеевич Фиолетов попал в начале сентября 1908 года. До этого он содержался в Бакинской тюрьме, затем больше трех месяцев провел в Сольвычегодске, пока не добился перевода в Яренск, куда была сослана его жена Ольга Ивановна Банникова.

Поначалу большевики составляли небольшую часть Яренской колонии. И это сказывалось на настроении, на образе жизни ее членов. Люди жили замкнуто, почти никогда не собирались.

Приезд в Яренск большевиков — Ивана Фиолетова, Петра Смидовича, Вадима Подбельского, Сусанны — Х. Л. Гольдиной, несколько позже —

Александра Воронского резко изменил течение жизни Яренской колонии. Энергичные, деятельные люди, убежденные революционеры-ленинцы, они заставили многих товарищей встрепенуться от спячки, взяться за дело.

Жилось политическим ссыльным трудно: работать по найму им категорически запрещалось, а прожить на восемь и даже одиннадцать рублей без помощи от родных и друзей было сложно.

И вот большевики решили заняться устройством бытовых, житейских дел колонии.

В последних числах мая в лесу состоялась сходка. После долгих споров и обсуждений решили объединиться в коммуны по шесть-десять человек. В такой коммуне питание для каждого обходится дешевле, да и проще решить ряд других вопросов устройства быта. Секретарем колонии на той же сходке избрали Вадима Николаевича Подбельского.

10

Яренск не мог вместить всех ссыльных. Часть из них расселяли в близлежащих деревнях. В деревне Паладино вместе с семьей Серебряковых сначала поселился и Вадим Подбельский. Оказалось, что Вадим и Анна Николаевна Серебрякова встречались еще в 1905 году. Гимназист Подбельский по заданию тамбовской организации приезжал тогда к одной сельской учительнице, чтобы установить связь с ее братом, бежавшим из ссылки. Он зашел в класс и разговорился с учениками. Среди них была и Аня.

Вадим охотно помогал Анне Николаевне по хозяйству: носил воду, колол дрова. Делал он все это быстро и весело.

По деревце разносился его звонкий голос:

В Паладине рыбы много,
Ее некому ловить.
В Паладине ссыльных много,
А их некому любить...

Подбельский никогда не унывал, всегда был бодр, жизнерадостен, весел, хотя ему приходилось довольно туго: даже в лютый мороз он ходил в истоптанных сапогах и старом, поношенном пальто.

В ответ на сочувственные слова и взгляды Вадим только отшучивался:
— Мое пальто обладает особыми свойствами. В мороз оно заменяет шубу, а в дождь — плащ.

Свободного времени здесь было достаточно. Вадим Подбельский не тратил даром ни минуты. Он читал запоем, доставая книги, где только мог. Он поспешил наладить связь со старыми тамбовскими друзьями и стал получать от них партийные газеты, журналы, книги. Конечно, пересылка такой литературы была сопряжена с большими трудностями, с риском для обеих сторон, и все-таки товарищи шли на это.

Центром общения ссыльных была почта. Небольшой и неудобный дом, где находилась почта, по пятницам — в Яренск корреспонденция приходила в этот день — с трудом вмещал посетителей. Все стремились побывать на почте; узнать новости «с воли», повидать нужных людей, просто поговорить. На почте обычно знакомились с новичками.

Яренскую почту особенно хорошо запомнил Вадим Подбельский, так как именно здесь он впервые встретил Анну Андреевну Ланину, ставшую впоследствии его женой. Анна Ланина была сослана на два года за участие в работе воронежской организации РСДРП.

Подбельский не мог сидеть без дела. Его часто видели в соседних деревнях, в Яренске. Он приносил книги, проводил собрания ссыльных, устраивал вновь прибывших. За один год Яренская колония увеличилась почти на триста человек. В подавляющем большинстве это были «политические».

Естественно, они не могли и в колонии жить без «политики». Регулярно созывались сходки, тайные собрания — зимой у кого-либо в доме под видом вечеринки, летом пикники в лесу. Какие яростные споры возникали там между идейными противниками, как горячо обсуждались партийные дела, новинки литературы, которые удавалось получить «с воли»!

Российская социал-демократическая рабочая партия переживала тяжелые времена. Сотни ее членов погибли, тысячи томились в тюрьмах. Часть из тех, кто избежал этой участи, вынуждены были эмигрировать. А кое-кто ушел из партии, испугавшись репрессий. В черные годы реакции значительно сократились ряды партии. Все глубже становилась пропасть между большевиками и меньшевиками. Последние считали возможным ликвидировать нелегальную партию, а по существу это значило отказаться от революционной борьбы, сложить оружие.

Среди большевиков же нашлись такие, что требовали уйти из думы, из кооперации, из всех легальных организаций и сосредоточить всю работу

только в партии. «Ликвидаторами наизнанку» назвал их Ленин. Они, по сути дела, тоже стремились ликвидировать партию, оторвав ее от трудящихся масс, ибо сила партии в ее связи с массами.

Постоянными участниками всех споров, всех дискуссий были Вадим Подбельский и Александр Воронский. Товарищей поражали их глубокие, разносторонние знания. Подбельского в шутку называли «ходячей энциклопедией».

Вадим Николаевич вел яростные бои с меньшевиками, с ликвидаторами, с отзовистами, со всеми, кто выступал против единственно правильной ленинской линии. Пришлось выдержать не один бой и со сторонниками Троцкого, с теми, кто проповедовал теорию центризма, кто считал возможным объединить в одной партии революционеров и оппортунистов.

Александр Воронский прослыл философом и оратором. Он, как и Подбельский, большую часть времени отдавал чтению, ежедневно что-то подолгу писал. На сходках он был постоянным информатором о новинках социалистической литературы и эти сообщения делал с замечательным мастерством. Он образно и живо пересказывал содержание книг и критически их оценивал, всегда высказывая при этом свое, оригинальное мнение. И еще одно увлечение было у Александра Воронского: он страстно любил астрономию.

— Ах, какая чудесная это, черт возьми, штука, астрономия! Ничто так не возбуждает фантазии, не расширяет умственных границ, не приближает к космосу! — говорил он.

На одной из сходок речь зашла о последней статье П. Орловского^[4] «Базаров и Санин»^[5].

— Несколько лет тому назад, когда я читал арцыбашевский роман «Санин», я не придавал особого значения этому пошлomu, я бы сказал, произведению. А вот прочитав Орловского, я как-то все по-иному начал ощущать... — так начал Александр Воронский. — И в ссылке встречаются типы, в той или иной мере напоминающие Санина. Реакция у многих отняла веру в будущее. Одни решили совершенно отойти от борьбы, другие же предаются пьянству и разврату.

— Подобные арцыбашевы сейчас только калечат нашу молодежь, — как бы продолжил его мысль Вадим Подбельский. — И вот в этот момент, когда действительно отовсюду выплывает всякая мерзость, нам, большевикам, предлагают ликвидировать партию, ждать милостей от власть имущих. Наоборот, нам сейчас, как никогда, нужно иметь сильную и

единую партию! Мне удалось недавно получить вышедшие в Париже номера нашей газеты «Пролетарий». Ленин громит в них социалистов-революционеров и ликвидаторов...

— Партия разваливается, — бросил реплику самый ярый защитник ликвидаторов Борис Фромметт. — Сейчас нужно перейти к открытым политическим актам.

— К каким? — спросил кто-то.

— Что вы спрашиваете, к каким? — вставил Вадим Николаевич. — У нас уже есть опыт таких петиций. А Девятое января забыли! Нет, товарищи дорогие!.. Сколачивать партию, закалить ее в подпольных условиях, поднимать за собой массы — вот что нам нужно!..

Подбельского влекли самые опасные предприятия. Он неоднократно участвовал в организации побегов.

— Это у меня наследственное, — шутил Вадим. — Моя матушка дважды устраивала побеги — из Харьковской тюрьмы, из Киевской. Только за все это она отхватила четырнадцать с половиной лет каторжных работ...

Пожалуй, только Иван Фиолетов да Петр Смидович знали, как Вадим помог бежать большевику Семену Семкову. Ночью в непогоду он переправил товарища к одному из речных причалов, где Семкова ждал пароход, с капитаном которого Вадим заранее обо всем условился.

Подготовил Подбельский и побег Сусанны. Ее, как и Семкова, отправили на пароходе.

Исправник не мог не обратить внимания на слишком беспокойного ссыльного. Но когда Подбельскому указывали на частые отлучки из Паладина, он всегда находил причины и отговорки: то надо врача позвать к больному, то рыбы купить, то о дровах договориться.

По распоряжению вологодского жандармского управления 30 января 1910 года полицейские заявили с обыском на квартиры ссыльных. Подбельский в это время жил вместе с эсером Владиславом Каменским. Он вынужден был покинуть Серебряковых: у них родился сын, и посторонний человек стеснял их.

У Вадима Николаевича за годы ссылки это уже был третий обыск. Но еще никогда полицейский надзиратель так не усердствовал, как в этот раз. Он нашел литературу, недавно полученную из-за границы, а главное —

несколько экземпляров гектографического журнала Яренской колонии политических ссыльных и разрозненные листы черновиков ряда статей. Недостаточно грамотный, но усердный надзиратель долго копался в этих бумагах и хотел было оставить их на месте, как вдруг прочитал: «...они успели уже забыть, как этот царь-изменник надругался над своим народом...» Еще и еще раз перечитывал надзиратель эту злополучную фразу. Потом протянул листок Вадиму Николаевичу:

— Ваши упражнения?

Отпираться было бесполезно. На одном из листов стояла подпись «В. Торин». Так же были подписаны и некоторые статьи в журнале, в которых разоблачались действия местных властей. «В. Торин» подписал и объявление о провокаторстве ссыльного Самуила Коневского, расклеенное накануне почти на всех домах Яренска и соседних деревень.

Материалов было достаточно, чтобы возбудить против Подбельского дознание. Вадима арестовали и направили в вологодскую полицию. Его допрашивали почти каждый день в течение двух месяцев. На все вопросы следователя он отвечал одной фразой:

— Не старайтесь, господин ротмистр. Я вам ничего говорить не буду...

Дело Подбельского было передано на «благоусмотрение его превосходительства господина вологодского губернатора», и два месяца Вадим Николаевич просидел в камере полицейского участка. Надо сказать, Подбельскому не повезло: еще недавно арестованных держали в полицейском управлении лишь по несколько дней, пока идут первые дознания, а потом отправляли в тюрьму, где условия были более сносные, чем в участке. Но после того как в ряде тюрем вспыхнули бунты, жандармские власти перепугались. Наиболее опасных, с их точки зрения, преступников они теперь задерживали в участке.

3 марта 1910 года по решению губернатора Подбельский был осужден на три месяца заключения в участке.

Эти месяцы оказались в жизни Подбельского едва ли не самыми тяжелыми. В участке заключенные содержались в чрезвычайно плохих условиях.

Спать приходилось на голой скамье, прикрываясь пальто. Одежда, и без того обветшавшая, пришла в полную негодность. В Яренск

Подбельский вернулся буквально в лохмотьях. Хорошо еще, что помогли товарищи — поделились кое-чем из вещей. На просьбу выдать полагавшееся ссыльным зимнее одежное пособие уездный исправник ответил отказом, мотивируя отказ тем, что деньги списали, так как Подбельский находился в заключении.

А через некоторое время у Подбельского был снова обыск, и снова у него нашли десятки запрещенных книг и брошюр и среди них: «Как крестьянам добиваться земли», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Ипполит Мышкин и Архангельский кружок», «О материалистическом понимании истории», «Рабочий вопрос и земельная реформа», «Земля и капитализм», много книг Льва Толстого, Салтыкова-Щедрина, Н. Бельтова (Плеханова), Н. Ильина (Ленина). А сколько было найдено рукописей! И здесь что ни страница, то «крамола». Одна статья начиналась словами: «Сейчас повсюду в России царит террор».

В конце февраля 1911 года яренскому исправнику представилась, наконец, возможность избавиться от наиболее деятельных ссыльных колонии. Вице-губернатор Вологды признал необходимым расселить их в самые отдаленные места губернии. Местом для дальнейшего отбывания срока ссылки Вадиму Николаевичу Подбельскому назначили село Усть-Кулом. Сюда же отправили и Анну Андреевну Ланину.

Вскоре после переселения Подбельского до начальства стали доходить слухи, что и на новом месте он уже начал «мутить». Удивительный человек этот Подбельский: и в участке он сидел, и в свидании с родными ему отказали, и сдавать экстерном экзамены за весь гимназический курс не разрешили, а он все не унимается! Пристав получил распоряжение жандармского управления произвести у ссыльного обыск.

Нагрянули так неожиданно, что трудно было что-либо спрятать понадежнее. Брошюры и книги лежали всюду: на столе, на стуле, под подушкой, в плетеной вещевой корзине. Привыкшие к подобным обыскам хозяева квартиры и понятой из местных крестьян безучастно стояли в стороне, в то время как полицейский урядник и стражники швыряли вещи, белье, бумаги. Обнаружив брошюры, книги, журналы, исписанные листки бумаги, аккуратно складывали их на край небольшого стола.

Обыск не принес желаемых результатов. Найденная у Подбельского литература еще не давала повода для немедленного ареста.

Через восемь дней последовал новый обыск. Снова в комнате уже через полчаса все оказалось перевернуто вверх дном. Снова росла на столе кипа книг, брошюр и рукописей, извлеченных пронырливым урядником из

различных тайников: из-под обшивки мебели, из-за хозяйской иконы и даже из самоварной трубы.

В середине октября 1911 года Вадима Николаевича Подбельского вызвал к себе усть-сысольский уездный исправник.

— Срок вашей ссылки заканчивается. Куда выписать вам проходное свидетельство?

— Туда, откуда я сюда прибыл, — в Тамбов.

Прошло ровно три года с тех пор, как Подбельский прибыл в эти края. Много пришлось ему испытать лишений: тут и отсидка в полицейских участках, и этапные пути по расхлябанным, грязным дорогам, и нехватка одежды, а порой и еды. И все же эти годы не надломили его ни морально, ни физически. Приспосабливаясь к этим суровым условиям жизни, он физически окреп, возмужал. Здесь он столкнулся со множеством людей, характеров, взглядов, научился распознавать потенциальных и открытых врагов марксизма. Здесь были прочитаны сотни книг: Маркс, Ленин, Плеханов, Толстой, Щедрин,

Герцен, Чернышевский... Здесь он приобрел настоящих друзей. Здесь нашел Анну...

Возвращаясь домой с проходным свидетельством, Вадим Николаевич вспомнил такой же день в прошлом 1910 году, когда колония прощалась с Яковом Зевиным. Где он сейчас? За полтора года колония хорошо узнала Зевина. Горячий и энергичный, он активно участвовал в диспутах. Его взгляды, правда, были меньшевистского толка, и за это ему здорово доставалось от большевиков.

— Эх, Яша, — говорил не раз Вадим Подбельский, — повернуть бы немного твои мозги, чтобы они правильно мыслили!.. Какой неоценимый клад был бы для большевиков!..

— Пока еще не убедили. Когда дойдет до ума и сердца, тогда будете меня считать своим, — отвечал на это Яков Зевин.

Прощание с товарищем, у которого закончился срок ссылки, — большое радостное событие для всей колонии. Но вместе с тем это и немного грустное событие: уезжает друг, с которым ты делил печали и радости в тяжелые годы.

Труднее всех было Анне Андреевне Ланиной. Ей оставалось еще

несколько месяцев до окончания срока. Но она ни за что не хотела, чтобы муж ждал ее.

— Ты поедешь, устроишься с работой, жильем, и я приеду, — твердо решила она.

20 октября 1911 года колония проводила Вадима Николаевича Подбельского.

«ТАМБОВСКИЕ ОТКЛИКИ»

Итак, началась новая жизнь в Тамбове. Каждый день Вадим подолгу бродил по городу. Нужно было хорошенько подумать об устройстве дальнейшей жизни. А главное — найти возможность продолжать революционную работу.

Но чем заняться? Ведь, в сущности говоря, специальности у него нет, ремесла никакого он не знает.

Отчим предложил Вадиму на первых порах поступить в земство: сам он прочно там обосновался. И хотя Вадим не считал земство подходящим местом деятельности, он был вынужден принять предложение.

...Жизнь земского служащего скучна и однообразна: сидишь в канцелярии, разносишь по книгам и реестрам различные бумаги. Однако если вчитаться в эти бумаги — прошения, жалобы, секретные записки, приказы и распоряжения, — то много примечательного можно в них увидеть. В них отражена полная жестокой борьбы жизнь со всеми ее горестями и противоречиями. А какой они дают богатый материал для пропаганды! Из всего многообразия житейских дел, с которыми Вадим Николаевич сталкивался в земстве, он отбирал наиболее интересные.

Стоило бы освещать их в местной газете.

Но в какую газету писать?

— Что есть в кишкинском^[6] «Крае»? — спрашивал обычно Гавриил Васильевич Белоцветов его мнение о газете и тут же сам отвечал: — Одно только название, что газета. А на самом деле сплошные дифирамбы властям да рекламирование собственного сынка, начинающего выбиваться в люди страхового агента!

Не шли в счет и «Тамбовские губернские ведомости». Эта газета, выходившая с 1838 года, была сугубо официальным органом. В 1903 году тот же Кишкин уговорил губернское начальство разрешить приложение, своего рода неофициальную часть газеты. И хотя в ней печатались также славословия властям, это все же считалось отклонением от общего курса строго официального органа. Поэтому в 1906 году неофициальную часть газеты прикрыли.

Не могли идти в счет и «Тамбовские епархиальные ведомости».

Гавриил Васильевич подал мысль издавать «Листок объявлений». Эта мысль показалась Вадиму Подбельскому заслуживающей внимания. Во-первых, никакого труда не составит испросить разрешение на такое издание; во-вторых, с финансовой стороны это издание выгодно: за объявления хорошо платят, и можно будет накопить немного денег, чтобы впоследствии создать более солидную газету. А потом, где же это сказано, что попеременно с объявлениями нельзя будет помещать и текущие материалы?

Мыслями об издании газеты Вадим поделился с Юрием, как и он, недавно вернувшимся из архангельской ссылки. Теперь уже оба загорелись этой идеей. И оба принялись энергично действовать.

Они предложили издавать газету Александру Бердоносову, сыну владельца типографии, известному своими прогрессивными взглядами.

...В середине ноября 1911 года генерал-губернатор разрешил издание «Тамбовского листка объявлений». О характере газеты говорило ее название. Но, помимо объявлений, ей разрешено было печатать месяцеслов — календарь, телеграммы Российского телеграфного агентства, биржевая хроника, различные справки. Вадим Николаевич предложил Бердоносову-младшему включить еще местную хронику и корреспонденции из

губернии. Это вызовет большой интерес к газете.

Бердоносов в принципе согласился с ним, но...

— Но в этом есть риск. Газета должна быть сугубо рекламной, а эти корреспонденции могут нас вовлечь в политику, — опасался он.

Больше недели ушло на подготовку рекламного материала для «Листка». 11 декабря 1911 года вышел первый номер «Тамбовского листка объявлений».

3

Никто не ждал такого успеха, какой имели первые номера «Листка», и прежде всего его издатель Бердоносов.

Читателей привлекла в «Листке» хроника местной жизни, — несмотря на опасения издателя, ее все-таки дали, — острые фельетоны и статьи о городских беспорядках. «Листок» даже осмеливался вступать в пререкания с кишкиноким «Тамбовским краем»! А когда началась избирательная кампания в Государственную думу, «Листок» выступил за избрание прогрессивных выборщиков. В разгар кампании «Листок» поместил небольшую, но хлесткую зачетку «Народные представители». В ней он ругал националистов, которые сторонятся масс и, несмотря на это, вопреки здравому смыслу «...все равно в Думу поедут в большинстве!».

Редактор «Листка» Александр Николаевич Бердоносов не раз предупреждал Вадима Николаевича, автора этих острых статей, о возможных неприятностях. А тот отвечал на это полюбившейся ему поговоркой: «Волков бояться — в лес не ходить». Газете официально разрешено, помимо объявлений, рекламы, различных справок, печатать еще телеграммы телеграфного агентства, местную хронику и даже корреспонденции из губернии. Почему же нельзя эти события комментировать?

Другого мнения был на этот счет новый тамбовский губернатор, действительный статский советник Никифор Федорович Ошанин. Прочитав номер «Листка» с заметкой «Народные представители», Ошанин немедленно распорядился оштрафовать редактора на пятьсот рублей, а в случае неуплаты в срок штрафа — посадить его на три месяца в тюрьму.

...У «Листка» один за другим появлялись конкуренты. Это были «Коммерческий листок» и «Коммерческий Посредник». И хотя их «листки» не шли ни в какое сравнение по своему содержанию с «Листком»

Бердоносова — Подбельского, они все же выступали его серьезными конкурентами. Воронов и Москалев — издатели этих газет — распустили слухи о предстоящем крахе «Тамбовского листка объявлений». Слухи эти имели основание. Но дело было не в «крахе» «Листка», а в том, что острые короткие фельетоны, написанные Подбельским, вызвали недовольство городских властей. И пока власти еще не закрыли «Листок объявлений», надо было подумать о новом издании.

4

Годичная деятельность «Тамбовского листка объявлений» дала возможность его издателям накопить немного средств, приобрести опыт. Теперь, пожалуй, пора было приступить к изданию более солидной газеты.

За этот год Тамбов хорошо узнал Вадима Подбельского. Он обзавелся большим кругом знакомств в городских учреждениях, на предприятиях. Ему приходилось бывать и в уездных городах губернии. Большевики Тамбова одобрили его деятельность в «Листке объявлений». Ее следовало продолжить и в новой газете. А что такая газета нужна, Вадим не сомневался.

Большую помощь ей может оказать местная прогрессивно настроенная интеллигенция. Подбельский использовал ее стремление создать «независимую» газету. Кое-кто из наиболее состоятельных адвокатов заявил, что окажет даже денежную помощь этому начинанию.

...В воскресенье 18 ноября 1912 года вышел первый номер «Тамбовской жизни» — так называлась новая газета. Тамбовцы нашли в ней острые статьи из местной жизни, отклики на международные события.

Но издателям положительно не везло: один штраф следовал за другим. У редакции не было средств, чтобы уплатить штраф, и редактору пришлось на несколько месяцев сесть в тюрьму.

Естественно, напрашивался вопрос: как быть дальше? Решили, чтобы не подвергать издателей дальнейшему риску, издание газеты прекратить, объявив об издании новой газеты.

— Мы должны поставить перед собой задачу, — высказал свое мнение товарищам Вадим Николаевич, — собрать воедино культурные силы для общей работы над оздоровлением нашего края.

В свою очередь, в Нарыме знали о большевиках из Вологодской Губернии — Подбельском, Смидовиче, Фиолетовое.

В апреле 1913 года Подбельский узнал, что после отбытия срока Валериан Владимирович Куйбышев вернулся в Самару и оттуда собирается заехать в Тамбов.

В мае Куйбышев приехал в Тамбов, но Вадиму Николаевичу не удалось с ним встретиться. Куйбышев уехал в Лысые Горы — небольшое село на реке Медведице — левом притоке Цны. В Лысогорской школе учительствовала сестра Валериана Владимировича — Елена. У нее гостила мать — Юлия Яковлевна с двумя младшими дочерьми — Марией и Галиной.

Подбельский заглянул в Лысые Горы в начале июня. Валериан Владимирович казался беззаботным и веселым. Он был рад приезду Подбельского. Сразу же завязался оживленный разговор.

— Вот видите, и вы такого же мнения, что Тамбов — это вовсе не болото, как его пытаются многие изобразить. А каков здесь народ — да из него такое вылепить можно!..

— Лепить, говорите? Хорошо сказали, Вадим Николаевич. Вам, работающему в прессе, — и карты в руки...

Валериана Владимировича окликнула сестра:

— Воля! Иди-ка с товарищем чай пить...

— Воля! — повторил Вадим Николаевич. — Сестра вас так зовет, Валериан Владимирович? Как чудесно — Воля!.. Разрешите и мне вас так называть?

— Любят они меня. Вот уж месяц сижу здесь на их шее, лодырничаю, а они мне все твердят: «Ты в Нарыме намучился, в тюрьме посидел, а теперь отдохни». Может, и правы, кто знает, что будет завтра: окунешься в работу, и снова запрягут...

— И хорошо делаете, Воля, что отдыхаете... Дела еще впереди очень и очень много...

Разговор зашел о будущем.

— Чем будете заниматься? — спросил нового друга Подбельский.

— Собираюсь уехать в Питер.

Вадим Николаевич задумался.

— Мне пока работы здесь хватит. Сил у нас мало, организации малочисленные.

— Главное, не поддаваться унынию, — заметил Валериан Владимирович.

— О нет, друг мой! Что касается меня, то я оптимист и верю в наше грядущее.

— Если нам не быть оптимистами, нам тогда была бы грош цена.

Валериан Владимирович вдруг рассмеялся.

— Это я все по поводу оптимизма. Подумалось: увидели бы вы меня неделей раньше, когда я только приехал в Лысые Горы. В лаптях, да-да, в обыкновенных лаптях. Башмаки вконец расползлись, а денег на новые не было. И рубаха красная на мне была — ну, прямо как сказочный герой! — местные ребятишки за мной бегали. А я был весел, бодрил своих домашних.

Прощаясь с Куйбышевым, Подбельский передал ему несколько ассигнаций.

— У вас сейчас со средствами туго, Воля. Берите и не думайте возражать. В лучшее время рассчитаетесь.

Валериан Владимирович обнял Подбельского, сжал его словно в мощных клещах.

— Своим участием вы отрезали пути к отказу. Ну что ж, рассчитаемся, надеюсь. Ведь свидимся еще с вами, не правда ли?

Новая газета «Тамбовские отклики», сменившая «Тамбовскую жизнь», обещала продолжать ее направление. Об этом издатели написали в первом же номере «Тамбовских откликов», в номере, который читатели получили 1 декабря 1913 года.

«Мы будем внимательно следить за всеми проявлениями религиозной, общественной и экономической жизни нашей губернии, радостно отмечая все попытки к объединению культурных сил и клеймя позором гасителей просвещения, поборников «доброго старого времени», — сообщала газета.

Это было ее кредо. Она должна отражать жизнь, выбирать из тысячи ежедневных житейских фактов наиболее характерные и важные, на которых можно остановить внимание читателей.

...Работа в газете увлекала Подбельского, хотя нагрузка в редакции была велика: в каждый номер он давал статью, фельетон, очерк, информацию; много времени уходило на всякие организационные дела: беседы с посетителями редакции, походы в типографию, добывание материалов.

Всю эту работу Вадим Николаевич Подбельский рассматривал как партийное задание. То, о чем нельзя говорить открыто, можно высказать в

невинной на первый взгляд заметке. И Подбельский широко пользовался этой возможностью. Он выступал как журналист-большевик, как пропагандист революционных идей. Газета писала о беспорядках в городском хозяйстве, о воровстве владельца дровяного склада, который наживался, крадя восьмую часть от каждой сажени проданных дров. Из номера в номер газета освещала работу местного кооператива. Большевики поддерживали идею создания кооперативов как легальных организаций трудящихся и считали необходимым работать в них, пропагандируя марксистские взгляды, просвещая и организуя рабочих, крестьян, ремесленников. Подбельский активно участвовал в тамбовской кооперации и много писал о ее работе.

Тамбовские большевики знали Подбельского и как одного из наиболее активных членов местной организации РСДРП.

Значительно ослабленная репрессиями, которые обрушились на нее в годы реакции, к 1913 году организация начала оживать. Революционная партия не погибла. Пережив тяжелый кризис, она сумела сохранить связи с массами. Теперь задача состояла в том, чтобы укрепить эти связи. Именно так старался действовать и Подбельский, вернувшись в Тамбов. Он вернулся в то время, когда уже наступил перелом в настроении масс. В 1910 году прошли стачки московских рабочих, политические демонстрации в Москве, Петербурге и других городах. Возобновились студенческие сходки, выступления крестьян. Все говорило о том, что надвигается новая революция и она близка. Партия пролетариата должна встретить ее в боевой готовности. А для этого надо было прежде всего избавиться от оппортунистов. Ведь формально большевики и меньшевики все еще состояли в одной партии. Пражская конференция РСДРП положила конец этому нелепому положению. Партия русского рабочего класса избавилась от оппортунистов и тем самым укрепила свои ряды. Уже первые месяцы 1912 года показали, что революционный подъем масс растет. Расстрел рабочих на Ленских приисках всколыхнул всю Россию. 1912 год был во многом знаменателен для рабочего класса России. 22 апреля (5 мая) в Петербурге вышел первый номер большевистской газеты «Правда», ежедневной партийной газеты для широких рабочих масс. А осенью рабочий класс одержал большую победу на выборах в IV Государственную думу; от шести основных промышленных губерний депутатами прошли большевики. Все эти события не могли не сказаться и на деятельности тамбовской организации. Правда, большевиков в Тамбове было еще немного — самостоятельные группы действовали только в железнодорожных мастерских. Были небольшие группы и в отдельных

уездах.

Вернувшись в Тамбов, Вадим Николаевич с нетерпением ждал приезда жены. 20 июля 1912 года Анна Андреевна наконец-то приехала. А уже через год им снова пришлось расстаться: Анна Андреевна отправилась в Петербург учиться. Она поступила на курсы Побединского. Отделение, которое она выбрала, давало высшее экономическое образование. При этом срок обучения был меньше университетского и плата дешевле.

Не только стремление продолжать образование заставило Анну Андреевну временно покинуть Тамбов. Остановив выбор на Петербурге, Вадим Николаевич и Анна Андреевна преследовали и другую цель — завязать связи с петербургскими большевиками. Анне Андреевне удалось это сделать. Через нее тамбовская организация получала помощь от большевистской фракции Государственной думы и редакции «Правды».

Анна Ланина пересылала в Тамбов номера «Правды» и всю новейшую марксистскую литературу. Обычно литературу она отправляла в Моршанск на имя галантерейной торговли Лавра Акулова. Этот адрес прислал ей Вадим.

Резкие статьи и хлесткие фельетоны В. Подбельского, писавшего под псевдонимами — В. Торин, Бука, В. Ронский, выступления на собраниях тамбовских кооператоров, участие в работе «Общества тамбовской библиотеки» снова обратили на Подбельского пристальное внимание полиции. Вадим Николаевич Подбельский был ею взят под особое наблюдение.

3 марта 1914 года начальник губернского жандармского управления сообщал по начальству, что в городе Тамбове единой большевистской организации не существует, но есть много отдельных социал-демократов и самый заметный из них — Вадим Подбельский, фактический редактор «Тамбовских откликов», человек умный, обладающий большими организаторскими данными, способный сформировать организацию.

В течение полугода на «Тамбовские отклики» власти четыре раза налагали штраф. И каждый раз штраф следовал за статьи, авторами которых выступали Вадим или Юрий Подбельские.

— Ну, братья, — заволновался редактор, — доведете вы меня до каторги. Еще один-два штрафа, и нас прикроют и упрячут на Козловскую^[7], помяните мое слово!

Юрий понимал справедливость этих слов. Он уже не раз говорил

брату:

— Пожалуй, Владимир Сергеевич прав. Не миновать нам второй ссылки. Пора ретироваться подобиру-поздорову...

Весной 1914 года Юрий Подбельский уехал в Петербург. Окончательно укрепил его решение покинуть Тамбов внезапный арест Вадима.

Однажды в начале апреля ранним утром к Подбельским явился участковый и вручил Вадиму Николаевичу приговор вологодского суда от 10 октября 1913 года, присуждавший его к месяцу тюремного заключения, и постановление вологодского губернского прокурора о водворении осужденного в Тамбовскую тюрьму.

Дело, по которому был осужден Подбельский, было связано с обыском 30 января 1910 года еще в яренской ссылке и тянулось уже четыре года.

В тюрьме Вадим Николаевич находился в тяжелых условиях, но ему все-таки удавалось писать. В «Тамбовских откликах» по-прежнему появлялись статьи В. Торина.

Вот уже несколько номеров подряд «Путь Правды» — из-за преследования царских властей большевики вынуждены были менять название газеты — пишет о готовящейся 22 апреля второй годовщине рабочей печати в России. Предполагается выпуск специальных номеров социал-демократических газет. Вадим просит прислать ему эти издания немедленно.

С «Правдой» Анна Андреевна установила контакт еще в первые дни приезда в Петербург через депутата-большевика Николая Романовича Шагова. Не раз она передавала Шагову материалы для «Правды» и взносы тамбовских товарищей на издание газеты.

22 апреля 1914 года «Путь Правды» вышел значительно раньше обычного. Еще не было девяти часов утра, а газету уже продавали. Анна Андреевна взяла несколько юбилейных номеров. Теперь нужно было купить специальные выпуски брошюр, изданные к юбилею. Но в конторе газеты на Ивановской никого не оказалось. Дежурный рабочий сказал, что контора откроется в двенадцать часов, и посоветовал пойти прямо в типографию. Она была близко, как раз напротив, только улицу перейти. Анна Андреевна уже предвкушала с радостью, как войдет в типографию,

поздравит товарищей, работавших там, и получит пачку свежей литературы. Но все случилось не так, как она предполагала. У входных дверей стоял какой-то субъект. За многие годы конспиративной работы Анна Андреевна хорошо научилась распознавать подозрительных людей, а этот, можно безошибочно сказать, филер. Она смело вошла в подъезд — теперь уже нельзя было ничем себя выдавать. В просторном вестибюле на одной из дверей она заметила надпись: «Посторонним вход воспрещен». Очевидно, это вход в типографию.

Неожиданно перед дверью вырос еще один человек.

— Вам кого?

Анна Андреевна не успела ответить, как рядом оказался тот — первый. Теперь уже никаких сомнений не могло быть — шпики.

— Вам кого? — повторил вопрос подошедший. — Я в типографии знаю всех.

«Нет, дудки, не на такую нарвался», — подумала Анна Андреевна.

— Мне Свириденко, — ответила она, назвав первую пришедшую на ум фамилию, и добавила: — Он живет в этом доме, в восемнадцатой квартире...

— Такой квартиры здесь нет. — Оба шпики переглянулись.

— Извините, выходит, я спутала адрес. Жаль, а мне нужен Петр Семеныч Свириденко...

Анна Андреевна вышла на улицу и несколько ускорила шаг, направившись в сторону Бородинской. Ее нагнал один из филеров.

— Вы не пожелали назвать человека, которого вам нужно было...

Анна Андреевна смирла субъекта откровенно презрительным взглядом.

— Я сказала, кого ищу, и не приставайте, если не хотите, чтобы вам учинили скандал...

Шпик отстал.

Теперь надо было всякими обходными путями добраться до склада «Правды».

На склад «Правды», что помещался во дворе дома № 19 по Владимирской, в этот день заходило особенно много людей. Внимание всех привлекала полка с юбилейными изданиями. Здесь лежали еще пахнущие свежей типографской краской номера газеты «Путь Правды» с портретами Маркса и Энгельса на первой полосе, яркие брошюры — «История рабочей печати в России», «Вездесущее» Максима Горького и свежая четвертая (апрельская) книжка «Просвещения». Отобрав по одному экземпляру каждой брошюры, Анна Андреевна отправилась домой.

На улицах прохожие нарасхват брали газеты «Путь Правды» и «Рабочий». Многие на ходу развертывали их и с жадностью просматривали. По тому, как люди смотрели в газету, можно было почти безошибочно определить, кто друг, а кто враг. И друзей было немало.

Обо всех впечатлениях этого дня Анна не преминула написать Вадиму.

Если бы кто-нибудь захотел представить себе жизнь Тамбова в 1914 году по первым страницам местных газет, то у него создалось бы впечатление полного спокойствия и благополучия, словно никакие события, волновавшие мир накануне большого военного пожара, не касались городских обывателей. Первые страницы газет были густо заполнены объявлениями. Владелец электротехнического и велосипедного магазина И. Е. Сухарев ежедневно назойливо сообщал гражданам, что только в его магазине — монопольно — можно купить электролампы «Осрам», которые дают семьдесят пять процентов экономии, чрезвычайно прочны и излучают белый свет. Не менее назойливо зазывали клиентов врачи, акушерки, аптекари. Но больше всех изошрялись в рекламе местные зрелищные заведения. Наперебой кричали они о замечательных увеселениях. Киносалон «Модерн» сообщал о постановке «Таинственного профессора», обещав сверх программы «интересную комедию» — «Библиотечная мышь», «комическую» сценку «Похождение жениха» и, кроме того, «сильную драму» в двух частях — «Клеймо прошедших наслаждений».

В разгар лета разразилась война. Одна за другой втягивались в нее страны мира. В селах и городах Российской империи стоял стон и плач: матери, жены и дети провожали на фронт своих близких. Кованый немецкий сапог уже был у берегов Марны — здесь решалась судьба Франции.

Дороги России были забиты воинскими эшелонами. Газеты печатали списки убитых и раненых. В городах не успевали оборудовать госпитали, чтобы принять эшелоны раненых. С фронтов возвращались первые калеки.

Дыхание войны стало все явственней чувствоваться и в далеком от поля брани Тамбове. Как и сотни других городов России, Тамбов посылал на фронт все новые и новые пополнения. В конце августа привезли первую партию раненых; их разместили в казармах Охлябинской рощи. На

средства общины Красного Креста был оборудован и отправлен на фронт санитарный поезд.

Из некоторых уездов — Темниковского, Липецкого — начали поступать сведения о неурожае. Эти сведения незамедлительно вызвали рост цен на продовольствие. Заметно упала тяга населения к развлечениям. Пустовал театр «Ренессанс». Вместо пикантных пьес в театрах уже ставили русскую классику. В киносалоне «Модерн» показывали «Снегурочку».

Официальная газета «Тамбовские губернские ведомости» ограничивалась скудными сообщениями о войне. Газета «Тамбовский край» все ощутимее перестраивалась на церковный лад.

Конечно, в условиях строгой цензуры Подбельский не мог прямо и открыто выступать в печати против войны. Надо было быть очень осторожным и всегда помнить, что ты находишься на особом учете и любая оплошность может тебе дорого стоить. А ты — партийный боец и тем более не имеешь никакого права идти на неоправданный риск. Лучше исподволь, постепенно, каплю за каплей лить отрезвляющее лекарство на умы людей. Пусть сегодня все узнают, что один день войны обходится России в двадцать-тридцать миллионов рублей. И пусть тут же читатель узнает, что в правительственных сферах разрабатываются проекты введения подоходного налога на покрытие военных расходов. Такие сообщения даже не требуют комментариев. И так все ясно: война ложится тяжелым бременем на трудящихся.

В другой раз можно выступить со статьей «Война и культура».

«Война разрушает общечеловеческие культурные приобретения. То, что создавалось неустанным трудом целых поколений, часто уничтожается в течение нескольких часов, понижается цена человеческой жизни, пробуждаются первобытные инстинкты...»

«Государство, обнажившее сталь во имя порабощения других народов, в целях накопления и наживы не останавливающееся перед самым грубым нарушением элементарных прав других государств и наций, такое государство быстро приводит к полной деморализации культурнейших сынов своих...»

Тамбовский губернатор вызвал к себе начальника губернского жандармского управления. Подтянутый, бравый полковник Балабин слушал нравоучения губернского начальника:

— Каждый раз, любезнейший Николай Иванович, вы сообщаете по начальству, что деятельности социал-демократической организации в городе и губернии не замечается. А не кажется ли вам, что в газете, там, где

работает Подбельский, и есть самое ядро этой организации?..

— Мы уже ведем наблюдение, ваше превосходительство. На это дело поставлены лучшие агенты.

Слежка за сотрудниками газеты усилилась.

Когда на газету одна за другой стали сыпаться репрессии, заволновался владелец типографии Бердоносов. Зачем ему рисковать своим благополучием? И газете было предложено искать другую типографию. А где ее найти в Тамбове?

Может быть, приступить к изданию нелегальной большевистской газеты? Типографию можно было бы, пожалуй, привезти из Моршанска. Вадим Николаевич уже смотрел эту типографию — она вполне смогла бы обеспечить печатание газеты, но моршанские товарищи возражали, считая, что в Моршанске типография находится в большей безопасности. После долгих раздумий Подбельский решил все-таки продолжать издание легальной газеты в самом Тамбове и, подыскав подходящего человека, открыть собственную типографию. Выбор пал на Николая Афанасьевича Зубрева — метранпажа, а по существу, управляющего типографией Бердоносова. В 1905–1907 годах Зубрев активно участвовал в работе социал-демократической организации. Потом на некоторое время от организации отошел. Надзор за ним ослаб, и в жандармском управлении решили, что он «никакой деятельности не проявляет». А теперь Зубрев «открыл» свою собственную типографию.

На Большой улице у театра «Модерн» арендовали полуподвальное помещение. Наборщиков и печатников долго искать не надо было: к Зубреву любой шел — он рабочего человека не обижал. С сентября 1914 года газета «Тамбовские отклики» стала печататься в собственной типографии.

Вадим Николаевич сидел в небольшой узкой комнате редакции и читал газету «Социал-демократ». Большой желтоватый лист целиком закрывал читающего. Уже который раз Вадим перечитывал статью Ленина «Война и российская социал-демократия».

«На социал-демократию прежде всего ложится долг раскрыть... истинное значение войны и беспощадно разоблачать ложь, софизмы и «патриотические» фразы, распространяемые господствующими классами,

помещиками и буржуазией, в защиту войны...»

Надо усилить в газете агитацию против войны...

Стук в дверь прервал мысли Вадима Николаевича. Он быстро спрятал газету в стол, придвинул бумаги, взял ручку и только тогда пригласил войти.

В комнату редакции «Тамбовских откликов» вошел довольно полный человек. Он снял фуражку и тряхнул густой светлой шевелюрой.

К вам можно, господин редактор? — спросил вошедший, не в состоянии удержать улыбки.

Вадим Николаевич вскочил с кресла, стремительно обнял гостя.

— Ян, дорогой, милый! Ты ли это? Почему не предупредил, что приедешь?

— Что не предупредил, это, Вадим, хорошо. Так лучше. Ведь я еще под надзором, а ты, надо думать, тоже удостоен их внимания...

— Черт, какой ты, Яша, толстяк! Правду писал мне летом Саша Воронский, что ты ходишь как налитой. Тебя и впрямь ничто не берет: ни ссылки, ни тюрьмы, ни голод. Из чего это ты сотворен, человечисце ты эдакое?

— Должно быть, из такого же материала, что и все, друг мой.

Зевин, а это был он, хлопнул Вадима по спине.

— А тебе, Вадим, не мешало бы на костях нарастить еще пудик мяса и жира. Ей-богу, может пригодиться.

Осмотревшись по сторонам, Ян Зевин продолжал:

— Если здесь можно говорить, то нам надо срочно решить одно дело. Времени у меня мало. Ведь я...

— Нет, пожалуй, поднимемся ко мне наверх.

Они поднялись в мансарду, где Вадим Николаевич занимал две маленькие комнаты. Анну Андреевну — она приехала в Тамбов на каникулы — так же, как и Вадима Николаевича, обрадовал неожиданный приезд старого товарища.

...Из вологодской ссылки Яков Давыдович Зевин освободился на год раньше Вадима Николаевича Подбельского. Несмотря на установленное за ним негласное наблюдение, ему удалось эмигрировать. Весной 1911 года в Париже он встретился с Владимиром Ильичем Лениным.

Подбельские с большим вниманием слушали рассказ друга.

— С Владимиром Ильичем меня познакомили на его лекции в небольшом зале в кафе на улице Орлеан. В основном на лекции присутствовали русские эмигранты. Многие колебались и искали правильных путей, а кое-кто приходил на ленинские лекции, чтобы

поспорить с ним... После лекции Ленин спросил меня о составе ссылки, о настроении, о связях с рабочими. Словом, вопросов он задавал так много, что, пожалуй, всех их не перечислишь. Как-то невзначай Владимир Ильич сказал мне: «Вам надо подучиться, молодой человек». И он предложил мне посещать лекции в Школе социальных наук, созданной в Лонжюмо.

— Владимир Ильич, должно быть, сразу почувствовал, чем пахивают твои мысли, — не удержался от упрёка Вадим Николаевич.

— Я хорошо знаю, Анечка, какой он ехидна, — сказал Ян Зевин. — Впрочем, я ведь никогда не отказывался от восприятия всего ценного.

Ян Зевин долго рассказывал о школе в Лонжюмо, о лекциях Владимира Ильича. Он говорил и о других лекторах: Инессе Арманд, Луначарском, Семашко. С восторгом отзывался о товарище по школе, которого все звали Серго, о московском рабочем-кожевнике Степане^[8].

— После школы нас послали в Россию. Но кто-то нас предал. В августе 1912 года меня снова «взяли»...

Яков Давыдович рассказал о своей второй ссылке — на этот раз в город Кемь Архангельской губернии, о встречах со многими товарищами, которые, как и он, вторично попали в ссылку. Теперь он освобожден из ссылки — для прохождения военной службы.

— И вот я здесь. Идти воевать? Нет! Надо работать в партии. Да, забыл сказать, это Сусанна из Кривого Рога посоветовала мне к вам поехать за «железкой»^[9].

— Значит, тебя можно считать дезертиром, — улыбаясь, заметил Вадим.

— Считаю, как знаешь. Но вот хочешь не хочешь, а выручай...

Вадим задумался. Задача трудная, но ее надо решить, и решить неотложно. Он вызвал экспедитора Ольгу Глазкову.

— Знакомьтесь, Оленька. Это мой друг. Его надо на сегодняшнюю ночь спрятать...

Ольге Трофимовне Глазковой не нужно было ничего объяснять, она понимала все с полуслова.

А спустя два дня утром один из обычных посетителей, которых немало бывало в редакции, передал Вадиму Николаевичу пакет. Это был паспорт на имя крестьянина Тамбовской губернии Павла Никитича Кузьмина. И надо же так подгадать — с фотографии на паспорте смотрело лицо, очень похожее на того, к кому этот паспорт должен был сейчас перейти.

— Спасибо, друг! — И Ян Зевин, схватив в охапку Вадима Подбельского, расцеловал его. — Мне надо бы тебе еще многое рассказать,

да нельзя медлить.

— Куда же ты сейчас?

— Думаю податься на юг. Еще свидимся, Вадим, если доживем до лучших времен...

Тамбовский губернатор — действительный статский советник Александр Александрович Салтыков утром, перед тем как отдавать распоряжения по службе, имел обыкновение просматривать столичные и местные газеты. Управляющий канцелярией Зейдель — старательный и педантичный служака из обрусевших немцев — никого не пропускал к шефу до тех пор, пока тот не переставал шуршать газетными листками.

Вначале губернатор не обратил особого внимания на свежий номер «Тамбовских откликов», но по мере того, как он вчитывался, выражение лица его менялось.

— Обязайте немедленно ко мне явкой редактора «Откликов» господина Подбельского, — сказал губернатор управляющему канцелярией. — Но, прошу вес, без паники. Просто так — губернатор хочет с ним иметь беседу...

Утром следующего дня Вадим Николаевич Подбельский явился по вызову.

— Читайте я газету вашу, — начал губернатор, любивший сразу же без отклонений вести деловые разговоры, — и, признаться, удивляюсь. Какие мысли, какой слог! Но кажется мне, любезный, что мысли эти чем-то пахивают... Вы, конечно, понимаете, что можно было, и не вызывая вас, прикрыть газету. Но мне хотелось вас еще раз предупредить... В последнее время вы много себе позволяете. Ругайте, пожалуйста, мазурика Мандрыкина, который печет отвратительные булки из старых растертых сухарей... Пишите об этом. Но никаких идей!

И затем, повременив немного, чтобы увидеть, какое этот разговор произвел впечатление на редактора, добавил:

— Надеюсь, вы меня поняли, господин Подбельский?..

А Вадим Николаевич Подбельский в иные минуты даже рассеянно слушал губернатора и старался упрятать в густые — щеточкой — усы невольно появляющуюся улыбку: «Раз тобою недовольны власти — значит, ты попал в цель».

Хозяин кабинета встал с кресла и этим дал понять, что разговор закончен. Встал и гость.

— Согласитесь, что мы живем в напряженное время, и нужно, чтобы народ знал о событиях...

Но губернатор не дал Вадиму Николаевичу договорить.

Было ясно, что губернатор воспользуется любым предлогом, чтобы закрыть газету и силой своей власти обрушиться на редактора.

Долго ждать этого повода не пришлось. 8 ноября 1914 года в газете появилась статья В. Торина «Частное хозяйство и государство». В ней говорилось о голоде, безработице, ужасающей дороговизне жизни, вздувании цен на продукты. И в довершение всего утверждалось, что «государство должно будет наметить постоянный переход к сокращению сферы частного хозяйства... реальному ограничению хозяйственного индивидуализма...».

Разве не имеет целью это утверждение возбудить народ к ниспровержению существующего в государстве общественного строя?

Губернский прокурор не нашел в статье «наличия признаков какого-либо преступления». Но губернатор не согласился с ним и, заручившись согласием и санкцией департамента полиции, все же решил возбудить дело против Подбельского и добиться во что бы то ни стало его ареста или на крайний случай высылки из Тамбова.

Вадим Николаевич решил поехать в Петроград, посоветоваться с Аней, встретиться с товарищами.

Большевики с первых дней войны выступали за политику поражения своего правительства в империалистической войне, за свержение антинародного правительства. На партию обрушился поток новых репрессий. Были закрыты все большевистские печатные издания, разогнаны почти все профсоюзы, разгромлены многие партийные комитеты. Но и в этих условиях партия продолжала действовать, бороться. Огромную работу вели большевики — депутаты Государственной думы. Они выезжали в промышленные центры, проводили там рабочие собрания, восстанавливали партийные комитеты. В начале ноября большевистские депутаты Государственной думы были арестованы и преданы суду. Об этом писала Вадиму Николаевичу Анна Андреевна.

«Петербург накануне великих событий, — писала она совсем недавно. — Депутатов социал-демократов предают военному суду — их ожидает смертная казнь... Если это случится, народ не смолчит. Уже по поводу их ареста вспыхнули забастовки на целом ряде заводов... Что-то будет теперь... Вся думская шестерка... Так скоро не станет ее... Передо мной

встает Шагов... И его не будет. Что-то кошмарное! Разум не хочет подчиниться этой жестокой логике фактов. Что-то будет?..»

Не успел еще от тамбовского вокзала отойти поезд, как канцелярия петроградского жандармского управления получила шифрованную телеграмму — принять под наблюдение находящегося под особым надзором полиции Вадима Подбельского, выехавшего на некоторое время в Петроград. А на следующий день начальник тамбовской жандармерии послал дополнительно телеграмму о приметах Подбельского: двадцати шести лет, роста и телосложения среднего, русский, усы рыжеватые, нос прямой, походка быстрая и покачивающаяся, смотрит вниз, черное пальто, каракулевый воротник, шоферская темно-коричневая фуражка.

Наблюдение принял филер «Табачный».

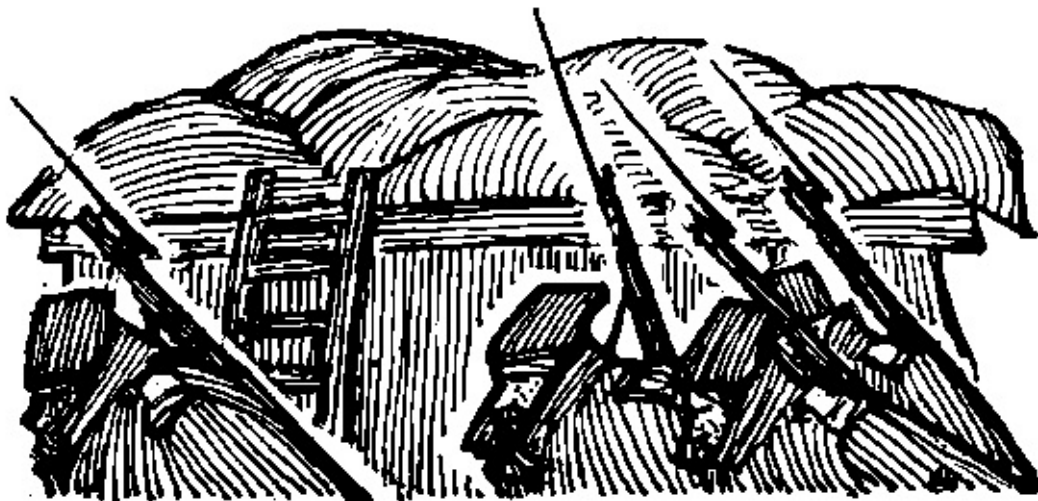
Поездка в Петроград, встречи с товарищами заставили Подбельского задуматься над таким вопросом: не стоит ли перебраться в Питер или Москву, там центры революционной борьбы. Схватка предстоит серьезная. А когда ты молод, когда у тебя много сил, хочется быть в гуще событий.

...В Тамбове за неделю, что Вадим Николаевич отсутствовал, ничего, кажется, не изменилось. Губернатор умерил свой гнев и разрешил выпуск газеты, но теперь уже под названием «Тамбовский листок». В газете появился новый отдел — «Шрапнель». Теперь фельетоны уже подписывал не Бука, а Петр Титуляркин. Газета имела куда больший успех, чем «Тамбовский край». Но редактор «Листка» присяжный поверенный Алексей Васильевич Смирнов, да и другие сотрудники газеты проявляли все большую нервозность. Их раздражала, пугала резкость и прямота Подбельского.

— Пожалуй, Аня, — сказал однажды Вадим Николаевич жене, — пора нам убраться из Тамбова...

17 августа 1915 года Вадим Николаевич Подбельский выехал в Москву. Спустя десять дней в Москву приехала и Анна Андреевна Ланина,

В СЫТИНСКОМ «РУССКОМ СЛОВЕ»

В таком крупном промышленном центре, как Москва, особенно отчетливо ощущалась неизбежность катастрофы. Война обнажила и обострила все противоречия Российского государства. Буржуазия, работавшая на войну, получала баснословные прибыли, спекулируя на военных поставках. Утраивалось, удесят�рялось богатство небольшой кучки людей. С 1913 по 1916 год чистая прибыль владельцев завода «Богатырь» (ныне «Красный богатырь») увеличилась в двадцать раз. На Никольской мануфактуре Саввы Морозова при капитале в пятнадцать миллионов рублей чистая прибыль в 1915–1916 годах достигла двенадцати миллионов рублей. Одновременно с этим росла нищета и без того нищих рабочих, мелких ремесленников. Пользуясь нехваткой продуктов, спекулянты взвинчивали цены. А денег в рабочих семьях становилось все меньше: мужчин угоняли на фронт, женщинам и детям, которые пришли на фабрики и заводы взамен их, платили совсем гроши.

Недовольство копилось, временами оно прорывалось — в стачках, забастовках, демонстрациях. И никакие репрессии уже не могли заглушить это недовольство. Как и всюду, на борьбу рабочих поднимали большевики,

хотя Московский и районные комитеты РСДРП были разгромлены охранкой еще в начале войны. Попытки воссоздать МК несколько раз проваливались. 4 ноября 1915 года весь состав только что организованного МК РСДРП был арестован. В феврале 1916 года организационная группа по восстановлению МК провела новые выборы, а в марте и апреле снова последовали массовые аресты. И все же партийная организация Москвы росла, ее работа с каждым днем ощущалась все заметнее.

Одиннадцать разрозненных групп насчитывала московская организация в апреле 1915 года, к октябрю их число выросло до тридцати групп, они объединяли около пятисот пятидесяти большевиков. Большевистские группы активно работали на заводах Михельсона, «Динамо», в мастерских Московско-Казанской железной дороги, на Мытищинском заводе, в Сокольнических вагоноремонтных мастерских. В 1916 году большевистские ячейки работали почти на всех крупных предприятиях Москвы.

Вадиму Николаевичу Подбельскому удалось связаться с московскими большевиками и устроиться на работу в земский союз. Через несколько месяцев Подбельский перешел в редакцию газеты «Русское слово», одной из самых крупных и влиятельных газет России, издателем которой был И. Д. Сытин.

Попасть в «Русское слово» Вадиму Николаевичу помогло письмо его тамбовской знакомой Феоктисты Яковлевны Мягковой, родственник которой сотрудничал в этой газете. Он и рекомендовал Подбельского редактору.

Итак, Вадим Николаевич Подбельский, член Российской социал-демократической рабочей партии большевиков, стал работать в либерально-буржуазной газете «Русское слово». Еще в 1907 году, на IV конференции РСДРП, была принята специальная резолюция об участии в буржуазной прессе. Партия считала возможным разрешать своим членам работу в буржуазной прессе, но лишь в том случае, если это не только не наносит ущерба партийной организации, а, напротив, может содействовать ее работе.

Сотрудничество Подбельского в «Русском слове» помогало московским большевикам. Через него партийная организация получала подробную информацию обо всех событиях, происходивших в России и за границей, — ведь редакция газеты имела разветвленную сеть агентств во многих городах России и крупнейших столицах мира,

Подбельский впоследствии не раз вспоминал работу в сытинской газете. Здесь он хорошо узнал нравы и обычаи буржуазных газет. Но всегда с большой симпатией он говорил о Сытине.

Сотрудников «Русского слова», типографии, книжного издательства и вообще всех, кто сталкивался с Иваном Дмитриевичем Сытиным, удивляло его трудолюбие. Его рабочий день начинался в семь часов утра. И хотя костюм его был всегда выглажен, а сорочка свежо накрахмалена, это нисколько не мешало ему, увидев, как новички рабочие неумело ворочают бумажные рулоны, подойти и показать, как надо это делать без лишнего напряжения: брал он небольшую деревянную колодку, подкладывал ее под рулон, накатывал рулон на колодку и затем, взявшись за края рулона, ловко поворачивал его в нужном направлении.

— Вот так, ребятки, делайте...

В октябре 1915 года исполнилось пятьдесят лет со дня утверждения первого потребительского общества в России. Вот когда есть повод выступить с обширным обзором состояния кооперативного движения в стране! Тогда — пятьдесят лет назад — в России было всего лишь два потребительских общества, а сейчас их уже около тринадцати тысяч, да, кроме того, более пятнадцати тысяч кредитных и ссудо-сберегательных товариществ и около шести тысяч сельскохозяйственных обществ и товариществ.

За эти годы кооперативные товарищества стали центрами всей общественной жизни в деревне. В них состоит более одиннадцати миллионов членов. Эту огромную армию людей, эту легальную организацию большевики и должны использовать для революционной пропаганды. Именно к этому призывает партия. И Подбельский, сам участник кооперативного движения, счел необходимым выступить в газете с пропагандой и анализом этого массового движения. Но одного исторического обзора пути развития русской кооперации мало. Надо сказать и о том, что союзы и объединения кооперативов до сих пор не признаются русским законодательством. Еще до недавнего времени потребительская кооперация находилась даже под полицейским надзором — она была в ведении министерства внутренних дел. Правда, сейчас кооперация формально передана в ведомство министерства торговли и

промышленности, но отношение государства к этому важнейшему общественному явлению остается прежним.

С этими мыслями Вадим Николаевич и пришел к Благову, редактору «Русского слова», и изложил ему основные положения своей будущей статьи, которую он хотел назвать «Кооперативы и расселение беженцев».

— Да, мысль ваша интересна, — признал редактор. — Но скажите, при чем здесь беженцы? Они-то какое отношение имеют к кооперации?

— Имеют. Война безжалостно гоняет людей с насиженных мест, превращает их в странствующих по стране нищих и голодных. Надо, чтобы все люди России проявляли заботу об этих несчастных людях — беженцах. А наше государство вовсе не заботится о них. Поэтому очень важно, чтобы этим делом занялась кооперация. Это должно явиться для сельской кооперации новым испытанием на степень гражданской зрелости.

Статья Вадима Николаевича Подбельского была встречена с интересом всей кооперативной общественностью страны, тем более что ее автор давал конкретные советы.

«Кооперативы, — писал он, — могут выделить из своей среды специальные комитеты для заботы о беженцах, Эти комитеты можно пополнить теми культурными силами деревни, какие не входили до сих пор в число членов кооператива, но какие хотят и могут работать в деле призрения беженцев. Таким путем можно было бы достигнуть объединения общественных сил деревни...»

Так, с легкой руки Вадима Николаевича Подбельского, в «Русском слове», помимо отдела о работе кооперации, появился и другой отдел — о беженцах.

...Осенью 1915 года в Москве началась перепись. Собственно, основная цель этой переписи состояла вовсе не в выяснении количества и состава населения Москвы. В Москве трудно было с топливом. Топливный голод вызвал недовольство населения и даже «топливные бунты», и муниципальные власти решили использовать перепись также для того, чтобы выяснить истинное положение с топливом.

Подбельский предложил редактору дать зарисовку московской переписи. Это предложение было принято.

Вместе со счетчиками Вадим Николаевич обходил интеллигентские кварталы Арбата и Пречистенки, обывательские квартиры Сокольников и Марьиной рощи, скромные каморки рабочих в Кожевниках. Не брезговал он заходить и в грязные притоны Хитрова рынка.

Какую картину московской жизни можно было наблюдать, следуя за счетчиками!

Ротмистр московского жандармского управления Ганько вызвал к себе тайного агента «Андреева».

Под кличкой «Андреев» в списках тайной полиции значился двадцатидевятилетний наборщик московской типографии Машистова Николаев. В ранней молодости он каким-то образом примкнул к социал-демократическому движению. Он не был в числе активистов, слыл среди товарищей тугодумом. В седьмом году на его квартире полиция устроила обыск. Ему грозила тюрьма или ссылка. На первом же допросе жандармский ротмистр Ганько сумел его завербовать. Таким образом, наборщик типографии Машистова стал провокатором, тайным агентом. Никто из товарищей не подозревал, что Николаев продался полиции.

В кабинет застенчиво вошел высокий тощий человек с не по росту маленькими руками. Он стоял перед ротмистром, немного опустив голову; прядь темных волос падала ему на лоб.

— Есть важное задание, Андреев, — заговорил Ганько не в своей обычно грубой и суровой манере разговаривать с тайными агентами, с которыми никогда не церемонился.

— В Москву из Тамбова прибыл видный большевик, — продолжал ротмистр Ганько. — Фамилия его Подбельский. — Ганько перечислил приметы Подбельского и перешел к главному. — Сейчас он работает в газете «Русское слово». Примите за ним наблюдение...

Но несколько вялый, флегматичный «Андреев» еле поспевал за своим «поднадзорным». Утром, а то и поздно вечером Подбельский бывал в «Русском слове». Часто он посещал общество «Кооперация», в работе которого принимал деятельное участие. Заходил нередко в земство. Иногда на долгие часы уходил добывать материал для своих корреспонденций или сидел в библиотеке. Несколько раз «Андреев» видел Подбельского на собрании социал-демократической группы в сытинской типографии. «Подбельский — социал-демократ большевик и в настоящее время принимает активное участие в рабочем движении, причем выражает желание поработать в подполье», — вскоре сообщил «Андреев».

Ганько решил приставить к Подбельскому и второго тайного агента — Леонова. В прошлом рядовой 19-го запасного полка, Леонов был еще в десятом году завербован охранкой и числился там под кличкой «Зоя». Получив задание вести слежку за социал-демократами большевиками в

легальных организациях, он подвизался в кооперации.

Вадим Николаевич много раз встречал на собраниях общества «Кооперация» этого крепыша с опущенными, как у моржа, усами, с глубоко посаженными бегающими глазами, но он вовсе не подозревал, что этот общительный человек — агент охраны.

Теперь за Подбельским уже вели наблюдение два агента московской охраны — «Зоя» и «Андреев», не зная ничего друг о друге. «Андреев» доносил о связях Подбельского среди московских печатников и журналистов, о его партийных связях, а «Зоя» сообщал о деятельности Подбельского в легальных организациях и прежде всего в кооперации.

4

Стремясь отвлечь рабочих и крестьян России от революционной борьбы, правящие классы раздували шовинистические настроения. Им старательно помогали в этом эсеры, меньшевики, кадеты, проповедовавшие лозунги «защиты отечества» и «гражданского мира». И только большевики в суровых условиях подполья смело и последовательно поднимали рабочих, крестьян и солдат на борьбу против реакционной войны.

Когда напуганные ростом стачечного движения капиталисты с разрешения властей стали создавать военно-промышленные комитеты и при них «рабочие группы», большевики решительно высказались против участия рабочих в военно-промышленных комитетах. Они разоблачали маневр капиталистов, их стремление подчинить рабочих своему влиянию с помощью этих комитетов.

К концу 1916 года московские большевики уже хорошо знали Вадима Николаевича Подбельского.

Как сотрудник «Русского слова» Вадим Николаевич мог проникнуть на любое предприятие Москвы. Его видели на заводах Густава Листа, Бромлея, Михельсона, на фабрике Цинделя, но особенно часто в московских типографиях. Он приходил на сходки, профсоюзные собрания, просто так бывал в цехах, беседовал с рабочими, рассказывал о положении в стране, о нарастании революции. Получить информацию — это было не основное, что влекло его на заводы. Помочь партийным ячейкам, сколотить новые ячейки — вот основная цель. Часто Подбельский передавал рабочим свежие номера большевистских газет, оттиски трудов Ленина. И вскоре он стал настолько популярен среди московских рабочих, что не было отбоя от

приглашений побывать то на собрании большевистской ячейки, то на рабочей сходке.

Начало следующего, 1917 года было ознаменовано в Москве крупным политическим выступлением пролетариата. МК РСДРП (б) призвал рабочих выйти на демонстрацию 9 января — в годовщину «Кровавого воскресенья». В этот день, еще спозаранок, Вадим Николаевич ушел на заводы, чтобы вместе с работниками Московского комитета вывести рабочих на демонстрацию. Анна Андреевна обещала в назначенный час прийти на Тверской бульвар, где был сборный пункт.

Властям стало известно о готовящейся демонстрации. На Страстной площади^[10] были усилены наряды городских. Вдоль бульваров разъезжала конная полиция.

К двенадцати часам на бульваре стали собираться рабочие. Кто-то запел:

Отречемся от старого мира.
Отряхнем его прах с наших ног.
Нам не надо златого кумира,
Ненавистен нам царский чертог.

Полиция решила, что настало время действовать, и начала теснить демонстрантов. Но число их все возрастало. Около двух тысяч человек двинулись вниз по Тверской. Колонна быстро превратилась в неорганизованную толпу и растаяла в прилежащих переулках. Анна Андреевна с группой рабочих, вышла на Неглинную. На Театральной площади^[11] уже собралась большая толпа толпа снова превратилась в колонну, которая направилась к Лубянке. Над демонстрантами взмыло огромное знамя с лозунгами: «Долой войну!» и «Да здравствует РСДРП!»

Дважды прошли демонстранты от Лубянки до Охотного ряда. Вдруг налетела конная полиция. Теперь она пустила в ход нагайки и шашки.

Анна Андреевна заметила, как Вадим проскочил мимо полицейских, а потом она потеряла его из виду.

Усталая, она уже под вечер ввалилась домой. Но Вадима еще не было. «Что же с ним? Где он?..»

Успокоилась Анна Андреевна, только услышав знакомые торопливые шаги мужа.

Девятого января демонстрации и митинги прошли и на рабочих окраинах столицы. Но это было лишь начало. В январе забастовали рабочие

шестидесяти двух московских предприятий.

Как ни старался Вадим Николаевич сдерживать себя при разговорах с сотрудниками газеты, он нет-нет да и выскажет им в резкой форме свое мнение об очередных статьях.

— А что нашли вы в ней крамольного? — спросил Иван Жилкин, один из ведущих сотрудников газеты, когда зашел разговор по поводу статьи о думе.

— Крамольное, говорите вы? — переспросил Подбельский и улыбнулся. — Никакой там крамолы нет, в этом-то и беда! Слащавая и гладенькая эта статья. «Военный ураган смел мысль о политике», «партиям сейчас делать нечего» и прочая чепуха.

— Да вы, молодой человек, задиристый политик, — вставил Влас Дорошевич.

— А вы разве с этим согласны, Влас Михайлович? — спросил его Подбельский.

Дорошевич сделал неопределенное движение, от которого его большая бритая голова вошла в широкие плечи.

— Вот видите, Влас Михайлович, вы все стараетесь увильнуть от политики и, как мне кажется, пишете порой не то, что думаете. Разве военный ураган смел мысль о политике? — горячо продолжал Подбельский. — Наоборот, он обострил эту мысль. И почему партиям сейчас делать нечего? Дела много. Нужна такая партия, которая выступила бы против войны, которая боролась бы за дело народное... И разве вы, передовой русский человек, не мечтаете о том, чтобы в России была подлинная свобода?..

Что можно было возразить этому напористому, горячему человеку?

— Советую вам, коллега, — сказал Жилкин, — попридержать свой пыл, он вам еще, должно быть, пригодится...

В последнее время такие разговоры с сотрудниками «Русского слова» у Подбельского бывали довольно часто.

Сытину не один раз докладывали о спорах, которые заводил новый сотрудник. К тому же он — большевик, даже в кооперативном обществе ведет явно большевистскую пропаганду. Хозяин издательства должен знать, что такие люди могут его подвести...

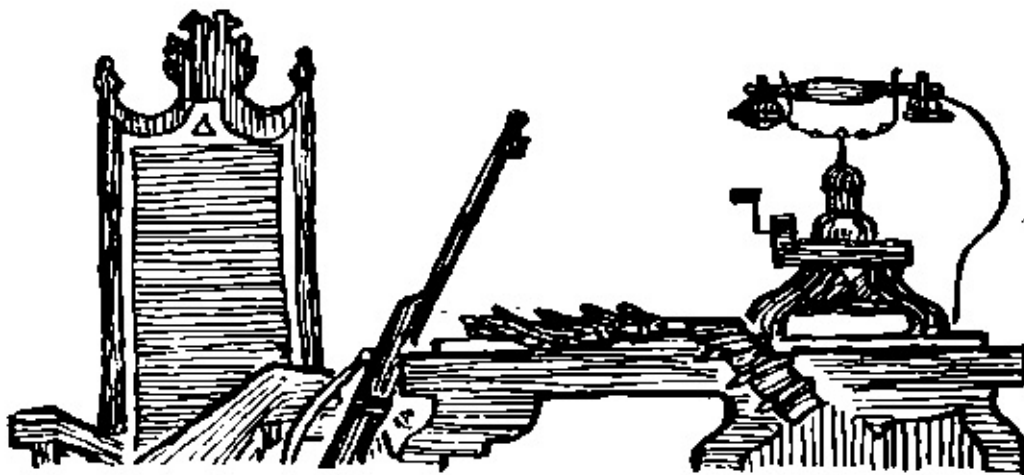
Иван Дмитриевич Сытин не любил подставлять под удары цензуры своих редакторов. За многие годы издательской работы он научился сдержанно и спокойно выслушивать наставления официальных властей. И поэтому, когда нужно было давать объяснения, обычно являлся сам, и с ним всегда считались.

Несколько раз Сытин говорил с новым репортером, осторожно предупреждал его. Он не скрывал, что в молодом журналисте ему нравится хватка и искренность, а это последнее качество редко встречалось в среде тех газетных «богов», которые за все эти годы окружали издателя.

Московский комитет партии предложил Подбельскому бросить работу в «Русском слове» и полностью перейти в его распоряжение. Предстояли горячие дела: рабочий класс России готовился к решающим схваткам с самодержавием, к свершению революции. Небольшая горстка московских большевиков поднимала рабочие массы. Из далекой эмиграции вождь большевиков Владимир Ильич Ленин призывал рабочий класс России проявить чудеса пролетарской и общенародной организации, чтобы обеспечить свою безусловную победу в революции.

И партия к этому готовилась...

СМЕЛО, ТОВАРИЩИ, В НОГУ!.

27 февраля 1917 года в Петрограде победило восстание. Накануне по призыву большевиков его начали рабочие, а 27-го на сторону восставших перешла и большая часть Петроградского гарнизона. Бюро Центрального Комитета партии выпустило манифест, звавший рабочих и крестьян покончить с царизмом.

Вечером в Таврическом дворце собрались первые делегаты Совета рабочих и солдатских депутатов. Самодержавие пало. Но не сдались помещики и капиталисты. Стремясь удержать власть, поддержанные меньшевиками и эсерами, они образовали буржуазное Временное правительство. В стране оказалось две власти — Советы и Временное правительство.

Двадцать седьмого февраля Москва уже знала о восстании в Петрограде. Ее рабочий класс также готовился выступить. Москвичи напряженно ждали подробных сообщений о петроградских событиях. Но газеты молчали, хотя уже 27-го имели довольно подробные сведения обо всем происходящем в северной столице. Московский градоначальник запретил печатать эти сообщения.

Тогда начали действовать большевики.

Во все редакции московских газет было передано срочное сообщение: «Сегодня, 28 февраля, в семь часов вечера, в доме № 15 по Большой Дмитровке состоится совещание ведущих работников московских газет...»

В просторной комнате, где собрались журналисты, было душно, накурено, шумно. Кто делился своими мыслями о происходящем, кто рассказывал веселый анекдот. Представители редакций были удивлены, увидев рабочих типографий среди приглашенных на совещание.

— Кто созвал совещание? — спрашивал представитель «Биржевых ведомостей» у коллеги из «Русского слова».

Но тот только поджимал плечами.

Открыл совещание Вадим Николаевич Подбельский.

Среди московских журналистов его уже знали. Но то обстоятельство, что именно он открыл такое совещание, немало удивило всех. Почему? Кто сейчас Подбельский? Говорят, что из «Русского слова» он ушел...

— Вчера в Петрограде произошли крупнейшие в истории России события, — начал Вадим Николаевич. — В России революция, а московские газеты решили об этом умолчать...

Среди присутствующих началось заметное волнение, перешептывания.

— Кому нужно это замалчивание? Это должно быть на руку рябушинским, цинделям, добровым и другим московским заводчикам банкирам. А может быть, господа журналисты «Биржевых ведомостей» или «Русского слова» не верят в прочность свершившегося? Может быть, они думают, что завтра Николай Кровавый, как справедливо его окрестил народ, снова будет у власти?

— Стоит ли мутить умы?.. — выкрикнул представитель одной из газет.

Да мы ничего и не знали, — попытался оправдаться редактор «Газеты-копейки».

— А при чем здесь вы? — спросил Подбельского представитель «Русского слова».

Вадим Николаевич жестом руки призвал к порядку.

— Отвечу сразу на все вопросы. Во-первых, я говорю с вами об этом не только как коллега-журналист, но и как представитель партии большевиков. А если хотите знать — так должен говорить любой честный журналист, которому дороги интересы революции, интересы России.

Слушали Подбельского внимательно.

— Московские газеты должны возобновить выход. И если в них не будет помещена подробная информация о событиях в Петрограде, об

отзвуке революционных событий по всей стране, мы, большевики, призовем полиграфистов к забастовке.

Присутствующие переглянулись. Пользуясь минутным замешательством, представитель типографии Проппера, где печатались утренние и вечерние выпуски «Биржевых ведомостей», выкрикнул;

— Мы откажемся верстать газеты, если в них не будет подробнейшей информации о революции!.. Ведь что получается: как царь на фронт выехал — дается сообщение двенадцатым кеглем через всю первую полосу. А тут такие события, революция — и молчат...

— Все же кто вы такой, чтобы нам диктовать? — спросил еще раз представитель «Русского слова» Яблоновский.

— Не куражьтесь, Александр Александрович, — ответил Подбельский. — Вы-то меня хорошо знаете. Повторяю, я говорю от имени партии большевиков.

Совещание постановило предложить редакциям всех газет в очередных номерах подробно осветить события в Петрограде. Но московский градоначальник снова запретил это делать. И тогда забастовали наборщики. 28-го и на следующий день в Москве не вышла ни одна газета. Последующие события свели на нет запрещение градоначальника.

Через день-другой снова начали выходить все московские газеты. На первых полосах крупным шрифтом печатались заголовки: «Революция!», «Первые дни новой России», «Отзвуки революции в провинции».

Московские власти стремились спасти от революции хотя бы вторую столицу. Но усилия их были напрасны. Ничто не могло задержать ход истории. Окраины Москвы бурлили.

Двадцать седьмого февраля забастовали рабочие Рогожско-Симоновского района. В ночь на 28-е в рабочих кварталах на домах появились листовки. Это было воззвание Московского комитета областного бюро ЦК РСДРП (б) о выборах в Московский Совет рабочих депутатов.

Большевики в эту ночь были на заводах и фабриках. Меньшевики, эсеры — в центре, в городской думе. К утру в Москве уже существовал Комитет общественных организаций. Он положил основу буржуазной власти в городе.

Утром над зданием городской думы был поднят красный флаг. Почти

все заводы Москвы стояли. К центру, к зданию думы, шли рабочие демонстрации, сметая цепи городских. На Таганской площади, у Яузского моста раздались первые выстрелы, пролилась первая кровь.

Снимая караулы, рабочие выпускали из тюрем политических заключенных. В числе освобожденных был и Ф. Э. Дзержинский.

Большевики призывали добиваться создания революционного правительства, как можно скорее кончить с братоубийственной войной.

В марте состоялось первое заседание Московского Совета рабочих депутатов. В первых числах были созданы районные Советы и Советы солдатских депутатов. Вадима Николаевича Подбельского избрали депутатом Московского Совета и районного Совета Городского района.

В стране началась полоса двоевластия. Надо было использовать это время для подготовки пролетариата к захвату власти.

В эти бурные дни Вадим Николаевич Подбельский был избран членом Московского комитета партии. В Московском комитете в то время работали

Р. С. Землячка, П. Г. Смидович, Е. Ярославский. Здание Капцовского училища в Малом Гнезниковском переулке, где помещался МК, стало политическим центром Москвы.

3 апреля 1917 года вернулся в Россию Владимир Ильич Ленин. В знаменитых Апрельских тезисах он изложил план перехода к социалистической революции.

Актив московской партийной организации разъяснял на фабриках и заводах сущность Апрельских тезисов Ленина и непосредственно помогал налаживать рабочий контроль, вводить явочным порядком восьмичасовой рабочий день. Подбельский выступал на московских предприятиях, ежедневно принимал посетителей в Малом Гнезниковском переулке как член муниципальной комиссии большевиков. Особенно много приходило туда людей в вечерние часы. Приходили делегаты с фабрик и заводов, представители профсоюзов и молодежи. Одного интересовало, как будет обстоять дело с общежитиями — нельзя ли их расширить, навести порядок; другой добивался разрешения на организацию молодежного клуба и подходящего для него помещения. Как члену центральной муниципальной комиссии Вадиму Николаевичу приходилось все эти вопросы решать.

В июле и августе прошли выборы в городскую и районные думы. Подбельский был избран гласным Краснопресненской районной и Московской городской дум. Дел стало еще больше.

Шла напряженная борьба за массы. Судьба революции зависела от того, за кем пойдут они. Партий появилось столько, что порой неподготовленному рабочему трудно было в них разобраться. Каждая партия вела борьбу за свое влияние в массах. Из всех партий только большевики говорили правду народу.

Владимир Ильич разработал тактику партии: «...вооружение пролетариата, укрепление, расширение, развитие роли, значения, силы Совета рабочих депутатов». В этом великий вождь революции видел единственную гарантию свободы и окончательного разрушения царизма. Он призывал рабочих «раскрывать глаза народу на обман буржуазных политиканов, учить его не верить словам, полагаться только на свои силы, на свою организацию, на свое объединение, на свое вооружение».

Большевики готовили рабочий класс к претворению в жизнь лозунга «Вся власть Советам!».

Как член МК РСДРП (б) Подбельский должен был всюду поспевать. Заседания в МК, в Совете, приемы в муниципальной комиссии. И каждый день выступления перед рабочими, интеллигенцией. Где только не приходилось бывать пропагандисту партии! Сегодня — у рабочих-машиностроителей завода Густава Листа, в Бутырках или у рогожских металлистов, завтра — у железнодорожников или студентов-медиков. Разговор идет и о текущем моменте и об аграрной политике большевиков, о социализме и о Программе партии...

Рабочей Москве была необходима своя газета, и такая газета начала выходить по решению Московского комитета РСДРП (б). Первый номер «Социал-демократа» вышел 7(20) марта 1917 года.

Московский комитет направил для работы в «Социал-демократе» опытных публицистов и организаторов — Ивана Ивановича Скворцова-Степанова, Михаила Степановича Ольминского, Емельяна Ярославского, Иосифа Ефимовича Фрадкина и других активных работников партии. Но работа в газете нисколько не освобождала всех их от иных партийных

поручений.

Если с корреспонденциями дело обстояло более чем благополучно — рабочие охотно предоставляли материал в свою газету, — то большие затруднения были с типографией и бумагой. Технику по организации выпуска газеты Г. В. Голенко удалось найти какого-то перекупщика, который за баснословную цену брался достать бумагу — правда, не того формата, который требовался.

— Я не вижу другого выхода, как купить бумагу у этого мерзавца, — говорил Голенко.

— Нет, мы не имеем права этого делать, — горячо возражал Подбельский. — Помимо того, что за эту бумагу с нас и так сдирают, мы еще должны будем выбрасывать обрезки, а это почти седьмая часть всей бумаги.

Склонные уже было согласиться с мнением Голенко, редакторы «Социал-демократа» заколебались.

— А что, Вадим Николаевич, если тебе взяться за организацию выпуска газеты? — неожиданно спросил Осип Пятницкий. — Опыт у тебя есть, человек ты энергичный, горячий...

В тот же день Подбельский предложил Московскому комитету:

— Мы должны во что бы то ни стало добиться от Московского Совета, чтобы нас прикрепили в обязательном порядке к одной из типографий. И думаю, что лучше всего к Левенсону. Следует не только обязать его печатать газету, но просто вселить нас в одно из занимаемых им зданий. Почему «Московские ведомости» и другие издания могут там находиться, а мы нет? Попробую поговорить с Левенсоном.

Вадим Николаевич пришел в Трехпрудный к Левенсону, владельцу крупнейших типографий Москвы.

За небольшим письменным столом сидел довольно плотный, пожилой человек. Его шею туго облегал крахмальный воротничок. Пушистая, немного выющаяся борода была коротко подстрижена. Из-за пенсне смотрели злые глаза.

— Слушаю вас, — небрежно сказал Левенсон.

— Буду краток, Александр Александрович. Я пришел к вам как представитель Московского комитета большевиков и редакции «Социал-демократа».

— Чего же вы хотите от меня? — пренебрежительно спросил Левенсон, которого в Москве считали королем полиграфистов.

— Мы хотим, чтобы вы печатали в своей типографии нашу газету...

Прошло не меньше минуты молчания, прежде чем Левенсон пришел в

себя.

— Вашу газету? Не могу! — Он развел руками. — Я перегружен заказами. Вся продукция моих типографий заарендована Всероссийским земским союзом...

«Знаем, в чем дело, — не хочешь с большевиками дело иметь. Боишься. От хозяина, печатающего большевистскую газету, могут отказаться заказчики. Да и потом, как на это будут смотреть официальные власти?..»

Вадим Николаевич знал всю подоплеку отказа и все-таки решил настоять на своем.

— А если мы согласимся на ваши условия? — спросил он.

— Даже если бы они были кабальными? — не удержался от саркастического вопроса Левенсон.

— Да, если вы способны на это.

— Не могу!

— И это категорически? — еще раз спросил Подбельский и поднялся с кресла. — Тогда вот что — продайте нам немного газетной бумаги...

— Бумаги?! А ее у меня нет. Вся газетная бумага, которая лежит на моих складах, принадлежит «Московским ведомостям». Вот у них и просите.

Вадима Николаевича раздражало надменное поведение этого человека.

— Господин Левенсон, ваше упорство может вам обойтись дорого... Не думайте, что я собираюсь угрожать... Силой мы пока еще у вас ничего не возьмем. Но ваши рабочие — почему они должны печатать «Ведомости», а не нашу газету?.. Они ведь могут и отказаться так делать... Об этом вы подумали?..

На следующий день Московский Совет по предложению большевиков принял решение о временном вселении редакции «Социал-демократа» в типографию Левенсона.

Пришлось Левенсону кое-кого потеснить и нехотя принять «Социал-демократа».

— Что ж, — сказал Левенсон, когда Подбельский снова пришел к нему, — я согласился печатать вашу газету. Месяца два — не больше. Думаю, этого срока будет достаточно, чтобы приобрести свою типографию.

И все же «прописку», которую получил «Социал-демократ» в типографии Левенсона, нельзя было считать решением проблемы. Поэтому уже с первых номеров газета начала сбор средств на приобретение собственной типографии. Каждый номер выходил с крупным аншлагом; «Товарищи! Время не терпит. Организуйте отчисления и сборы на покупку

типографии!» Работники Московского комитета партии вели агитацию на фабриках и заводах Москвы за сбор средств на типографию.

Интерес московских рабочих к своей газете возрастал с каждым днем. В первый же месяц ее тираж достиг сорока пяти тысяч экземпляров.

В отличие от других московских газет рабочие находили в «Социал-демократе» ответы на волнующие их вопросы. Газета выступала против империалистической войны, за организацию контроля на фабриках и заводах, за усиление большевистского влияния в Советах.

Чтобы газета без задержки попадала на московские предприятия, в провинцию, воинские части, была создана экспедиция. Фабрики и заводы выделяли своих уполномоченных, которые в определенные часы брали свежие номера газеты прямо из типографии.

Временное правительство усмотрело в пропаганде, которую вел «Социал-демократ», покушение на действия властей. Готовился запрет газеты, а пока правительство стремилось задержать ее распространение, приостановить ее влияние на массы. Было отдано распоряжение провинциальным властям уничтожать номера газеты. Их сжигали целыми пачками. Главная ставка категорически запретила распространять газету в действующей армии. Перепуганные строгим запретом из столицы, местные власти провинциальных городов присылали в издательство письма и телеграммы с просьбой приостановить посылку «Социал-демократа». Даже в киосках на железнодорожных вокзалах газету изъяли из продажи. Тираж газеты стал падать: за короткое время он снизился до тридцати тысяч экземпляров. Контора не имела денег на издание газеты. Только пожертвования московских рабочих помогали продолжать выпуск газеты.

Приближался срок, установленный Левенсоном, а денег на покупку собственной типографии все еще не хватало: собралось около сорока тысяч рублей — треть ее стоимости. Левенсон уже не раз предупреждал, что в июне он печатать газету не будет.

Что же делать?

— Надо поднять читателей на защиту газеты, — говорил Вадим Николаевич в Московском комитете партии.

И 31 мая 1917 года на первой полосе «Социал-демократа» появился набранный жирным шрифтом призыв к читателям — рабочим и солдатам Москвы.

«...Товарищи! Сегодня вечером присылайте делегатов в редакцию и типографию... Помните: если не выйдет 1 июня наша газета, то в Москве не должна выйти ни одна буржуазная газета.

Товарищи солдаты! Товарищи рабочие! Готовьтесь принять самые решительные меры для спасения своей газеты!»

Левенсон заволновался, прочитав этот призыв. Положение его было незавидным. С одной стороны нажимают власти, требуя, чтобы он всяческими способами отказался от печатания большевистской газеты, с другой — он видит, что и угроза редакции вполне реальна.

К полудню «Социал-демократ» был на фабриках, заводах, в учреждениях, воинских частях. И всюду призыв газеты нашел живой отклик. После первой смены с фабрик и заводов в редакцию и типографию стали приходить делегации. Похоже было на демонстрацию — так много шло людей.

Сотрудники «Социал-демократа» принимали каждую делегацию. Многие делегаты приносили письма, коллективные требования и вручали взносы на газету. Особенно радовало Вадима Николаевича, что среди делегаций были представители типографий — Сытина, Машистова и других.

— Теперь, пользуясь вашей поддержкой, дорогие наши друзья, — говорил Вадим Николаевич делегатам, — : мы можем твердо и уверенно сказать всяким хозяйчикам типографий: «Только посмейте! Руки прочь! Ваше самодержавие кончилось вместе с царским самодержавием!»

Левенсон вынужден был капитулировать, и «Социал-демократ» продолжал печататься в его типографии.

А деньги на покупку собственной типографии все поступали. К середине августа уже было собрано больше шестидесяти тысяч рублей.

Ежедневно в редакцию приходили десятки писем. «...При сем препровождаем в редакцию нашей газеты «Социал-демократ» посильную лепту на покупку типографии в размере 1 164 руб. 72 коп. не немецких денег, а наших трудовых грошей», — писал заводской рабочий комитет телефонного завода.

Одно письмо привлекло особое внимание Подбельского.

«Товарищ редактор, примите от нас жертву на типографию, от арестованных солдат Двинской тюрьмы — триста двадцати пяти человек. Номер вашей газеты попал к нам случайно; прочитав его, мы спешим пожертвовать, сколько можем, на газету, которая защищает интересы обиженных и угнетенных, которая борется со злом за правду...

Напишите маленькую статейку о нашей тюремной жертве, — мы будем знать, что вы деньги наши получили, Записали бы и сами кое-что, но... цензор? Сидим здесь с 25 июня за агитацию, по статье, обещающей от четырех до двенадцати лет каторги. Мы надеемся, что вы что-нибудь

напишете о нашей жертве. Быть может, ваша газета попадет к нам в мрачные, сырые стены...»

...О расстреле в Петрограде рабочей демонстрации 3 июля Москва узнала на следующий день. Велико было возмущение рабочих и солдат столицы кровавыми злодеяниями Керенского и его клики. Контрреволюция подняла голову и в Москве. Двоевластие кончилось.

«Теперь военная, а следовательно, и государственная власть фактически уже перешла в руки контрреволюции, представляемой кадетами и поддерживаемой эсерами и меньшевиками, — говорил Владимир Ильич. — Теперь мирное развитие революции в России уже невозможно, и вопрос историей поставлен так; либо полная победа контрреволюции, либо новая революция».

Всеобщая забастовка московского пролетариата, проведенная по призыву МК РСДРП (б) 12 августа, в день открытия государственного совещания, показала, какой путь выбрал для себя рабочий класс Москвы.

Корниловский мятеж открыл глаза многим, кто еще продолжал верить контрреволюционному правительству. Революционный подъем нарастал. Оживилась работа большевистских организаций во всех городах страны. Из Орла и Твери, Ярославля и Костромы приезжали в Москву за советом и помощью. В свою очередь, следуя указаниям ЦК, московские большевики посылали своих представителей в Тамбов и Нижний Новгород, Тулу и Тверь, Брянск и Казань. Московские большевики помогали провинции.

Подъем революционного движения в Москве вызвал и рост партийных рядов. Нужно было, чтобы большевистская газета «Социал-демократ» стала подлинным вожаком и вдохновителем московского пролетариата.

Несколько раз обсуждал Московский комитет партии вопрос о работе газеты, а в начале октября 1917 года отчет конторы «Социал-демократа» был вынесен на обсуждение московской общегородской партийной конференции. С отчетом выступил Подбельский. Конференция работу редакции «Социал-демократа» одобрила.

В конце июля 1917 года Вадим Николаевич Подбельский с делегацией московских большевиков приехал в Петроград на VI съезд партии.

За время с февральско-мартовских событий партия выросла в

огромную силу. Представители двухсот сорока тысяч большевиков, закаленных в тяжелых схватках с самодержавием, испытавших тюрьму и ссылки, должны были выработать новый курс партии, чтобы поднять массы трудящихся на бой за окончательную победу революции. Съезд принял ленинский курс на вооруженное восстание. И все решения съезда были направлены на то, чтобы подготовить победу этого восстания.

Съезд работал под надежной охраной питерских рабочих, укрываясь от преследования Временного правительства, издавшего постановление о закрытии съезда. И все-таки приходилось менять места заседаний. Из помещения Сампсониевского братства на Большом Сампсониевском проспекте съезд перенес свои заседания на Ново-Сивковскую улицу, а оттуда за Нарвскую заставу — на Петергофское шоссе.

Многочисленные приветствия, которые получал съезд от рабочих Питера, Москвы, Ростова и других городов, говорили о том, какое огромное влияние имеют большевики в массах.

На съезде собрался цвет партии. Свердлов, Орджоникидзе, Дзержинский, Подвойский, Артем, Шаумян, Бубнов, Гусев... У каждого — героическая биография. Здесь среди делегатов близкие товарищи Подбельского по работе в Московском комитете, опытные и закаленные в борьбе большевики — Ольминский, Землячка, Ярославский...

Во всем чувствовался на съезде боевой дух его делегатов — обсуждался ли вопрос о войне и международном положении, о политическом и экономическом положении России, о профессиональном и молодежном движении, о пересмотре Программы партии...

Вадима Николаевича поражала исключительная энергия председательствовавшего на съезде Якова Михайловича Свердлова. Можно смело сказать, что его огромным организаторским способностям съезд обязан был успехами своей работы в тяжелых полулегальных условиях.

Делегаты многих городов страны информировали съезд о работе партийных организаций, о боевой готовности большевиков.

Слово от московской организации было предоставлено Вадиму Николаевичу Подбельскому.

Делегат Москвы говорил о тех трудностях, которые испытывала организация:

— Наши партийные работники не успевали охватить всей работы... Общей причиной, усложняющей работу, является недостаток старых партийных рабочих и интеллигентских сил в организации... И все-таки наша партия, товарищи, является самой сильной из всех социалистических организаций Москвы и стягивает к себе все интернационалистские

элементы.

Московские большевики пришли к съезду с немалыми успехами. Ведь еще недавно — в начале апреля, к открытию общегородской партийной конференции, партийная организация Москвы насчитывала всего только семь тысяч членов, а сейчас — пятнадцать тысяч! В три раза больше, чем эсеры, почти в четыре раза больше, чем меньшевики! Это ведь огромная сила!

Оратор характеризовал состояние всех партий Москвы — эсеров, меньшевиков, объединенцев...

— Громадное влияние нашей организации, — говорил он, — сказалось в том, что все массовые выступления проходили под нашими лозунгами.

Он говорил об опорных пунктах, созданных большевиками Москвы — в Московском и районных Советах, в профессиональных союзах, в городской и районных думах.

— ...Опорным пунктом являются заводские комитеты. На устроенной нами конференции заводских комитетов мы представляли подавляющее большинство. По всем вопросам прошли большевистские резолюции, причем с особенным успехом прошел пункт резолюции о введении рабочего, контроля над производством... Наша позиция сделалась не только предметом жарких дебатов, но нам удалось добиться проведения рабочего контроля в жизнь.

Представитель московских большевиков рассказал о той травле, которой подвергается партия со стороны эсеров и меньшевиков, и о том, что от этой травли партию «спасает... рабочая масса, которая стойко поддерживает большевизм».

В заключение Вадим Николаевич Подбельский заявил:

— Считаю... чрезвычайно важным отметить полное единодушие в идейной работе между Москвой и Питером...

Это единство... убеждает нас... в жизненности нашей позиции и придает еще больше уверенности и энтузиазма нашей работе.

Подбельский поделился своим богатым опытом при обсуждении вопроса о пропагандистской и агитационной работе партии, участвовал в выработке резолюции «О союзах молодежи». Он категорически высказался против явки Ленина на суд.

Десять дней провел Вадим Николаевич в Питере. Он сожалел, что и на этот раз ему не удалось увидеть Ленина.

Партия ждала слова Ленина. И пусть его не было на съезде, партия знала, что съездом руководил Ильич.

В приветственном слове от имени большевиков Трубочного завода

партийный организатор Василеостровского района Вера Брониславовна Слуцкая выразила глубокое сожаление по поводу вынужденного отсутствия Ленина на съезде и крепкую веру в то, что «его идеи и мысли послужат основанием для всех работ съезда, в особенности по наиболее животрепещущим и важным вопросам переживаемого нами момента».

И недаром председательствовавший на съезде Яков Михайлович Свердлов на одном из заседаний заявил:

— Владимир Ильич невидимо участвует и даже руководит работой съезда, хотя на нем и не присутствует.

И он показал делегатам проекты резолюций съезда, написанные рукой Владимира Ильича. Из глубокого подполья Владимир Ильич писал статьи для большевистских газет, разрабатывал тактику партии в революции, давал решительный бой всем наскокам на партию, отстаивал ее идейное и организационное единство.

Помимо работы в газете «Социал-демократ», Московский комитет большевиков поручил Вадиму Николаевичу Подбельскому помочь московской молодежи в создании своей коммунистической организации. На Подбельского этот выбор пал не случайно: в 1904 году он был участником съезда учащейся молодежи в Москве; совсем недавно, на VI съезде партии, работал в комиссии, определившей программу работы партии среди молодежи. Его постоянно видели на заводах Москвы, всегда вокруг него толпилась молодежь. Много раз выступал он с публичными лекциями перед молодежью, а сборы с лекций, которые он читал, шли в пользу молодежной организации.

Пожалуй, не было такого собрания или митинга в общегородском молодежном клубе на Цветном бульваре, 25, где бы не присутствовал Вадим Николаевич. Да и в создании клуба ему принадлежала немалая заслуга.

8(21) октября 1917 года был днем рождения московского союза рабочей молодежи «Третий Интернационал». Учредительная конференция состоялась на Каланчевской площади, в бывшем царском павильоне Николаевского вокзала¹. Доклад о задачах и уставе Союза молодежи сделал Вадим Николаевич Подбельский. Двести юношей и девушек с предприятий Москвы с огромным вниманием слушали представителя Московского

комитета партии большевиков. Вадим Николаевич говорил молодежи о задачах, которые стоят перед ней в этот решающий момент борьбы пролетариата за власть.

— Еще на заре революционной борьбы российского пролетариата, на Втором съезде партии, Владимир Ильич Ленин приветствовал оживление революционной самостоятельности среди молодежи и высказался за то, чтобы партия всячески содействовала молодежи в ее стремлении организовать...

Рабочая молодежь должна весь пламень своего сердца, всю свою энергию отдать борьбе за дело партии. Приближаются решающие схватки. Наша революция зовет молодежь быть в первых ее рядах...

А спустя семь дней юные москвичи по призыву своего только что созданного союза вышли на манифестацию против войны. Из всех улиц и переулков тянулся нескончаемый поток к Скобелевской площади^[12]. По тротуарам стояли цепи красногвардейцев: большевики позаботились, чтобы никто не помешал манифестации молодежи.

— Спокойно идите, наши «хвостики», — ласково сказал старый рабочий, потрепав по вихрастой голове рабочего паренька.

— Мы вас в обиду не дадим, — говорил другой красногвардеец.

— А мы и сами за себя постоять сможем! — неслись бойкие юношеские голоса.

На красных полотнищах виднелись лозунги:

«Война — войне!»

«Миру дряхлому ли спорить с нами, юными? Вперед!»

«Трепещите, тираны! Юный пролетариат восстал против войны».

На Тверской улице с балкона Московского Совета меньшевики и эсеры кричали манифестантам:

— Разойдитесь!

В ответ в рядах демонстрантов зазвучала песня:

Смело, товарищи, в ногу.
Духом окрепнем в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе!

На Скобелевской площади с балкона гостиницы «Дрезден» работники Московского комитета РСДРП и редакции «Социал-демократа» приветствовали молодежь.

Вадим Николаевич вместе с другими руководителями московской партийной организации встречал демонстрантов. Здесь же на площади состоялся митинг, на котором выступили секретарь Московского комитета партии Влас (В. М. Лихачев), большевики А. Я. Аросев, П. Г. Смидович, представитель Союза рабочей молодежи Сергей Афанасьев.

— Мы заявляем вам, «временные хозяева страны», — сказал Афанасьев, — что на войну мы не пойдем, но будем первыми в рядах борцов за власть Советов.

Колонны демонстрантов ответили дружным «ура».

Ленин поставил перед партией четкую и ясную задачу.

«...вооруженное восстание в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства...

...неважно, кто начнет; может быть, даже Москва может начать...» — писал Владимир Ильич.

Он считал необходимым еще и еще раз напомнить партии, что следует «продумать слова Маркса о восстании», а Маркс говорил, что «восстание есть искусство», — значит надо умело подготовиться, расставить силы. И тогда — «...мы победим безусловно и несомненно».

И все свои силы, энергию отдали большевики, чтобы приблизить час несомненной и безусловной победы, о которой говорил Ленин.

Снова Вадима Николаевича почти ежедневно видели на митингах и собраниях рабочих Москвы. 2 октября в Сухаревском народном доме он читал лекцию «Война и капитализм».

— Стратегия нашей партии, партии большевиков, — борьба за революционный выход из империалистической войны, — которая ведется в мире и в которой погрязла Россия.

Сторонники меньшевиков и эсеров пытались помешать оратору и истерически кричали:

— Воевать до победного конца!

— Нам знакомы эти истерические выкрики. Но ведь каждому понятно, что это демагогия. Да, да, господа буржуазные лакеи. Кому нужна война? Капиталистам! Что дает она трудовому народу? Гибель людей — отцов семейств, кормильцев. И ради кого, ради чего? Народ еще больше обнищал. Он не получил ни мира, ни хлеба, ни земли. Россия идет к катастрофе...

Теперь сотни голосов в одном порыве кричали:

— Долой войну!..

— Но выкрикивать лозунг «Долой войну!», — продолжал оратор, — этого еще мало. Надо действовать. Партия большевиков говорит, что есть один только путь — взять власть, передать власть в руки Советов рабочих,

солдатских и крестьянских депутатов. Только такая революция даст народу мир, крестьянам землю и хлеб голодающим. К этому зовет нас Ленин...

— Ленин! Да здравствует Ленин! — кричали участники собрания.

Утром 25 октября, когда в Москву поступили сообщения о восстании в Питере, собралось экстренное совместное заседание Московского комитета, областного бюро и окружного комитета РСДРП (большевиков). Было решено создать боевой Партийный центр по руководству восстанием. В «пятерку», как называли московские большевики этот центр, наряду с М. В. Владимирским, О. А. Пятницким, И. Н. Стуковым, В. И. Соловьевым вошел и Вадим Николаевич Подбельский. Уже на следующее утро выяснилось, что «пятерку» следует расширить, включив в нее еще несколько боевых товарищей. Однако по-прежнему Партийный центр по руководству восстанием продолжал именоваться «пятеркой».

В шесть часов вечера на совместном заседании Московского Совета рабочих депутатов и Совета солдатских депутатов был образован Военно-революционный комитет. Он состоял из большевиков Г. А. Усиевича, А. Я. Аросева, С. Г. Будзинского, В. П. Ногина.

Владимир Ильич Ленин дал партии стратегический и тактический план вооруженного восстания. Он требовал от партии создать вооруженные отряды рабочих для наступления и окружения важнейших пунктов, которые прежде всего попытается удержать враг, — юнкерских школ, телеграфа, телефона.

«Погибнуть всем, — писал Ленин, — но не пропустить неприятеля».

В ночь с 25 на 26 октября восстание началось и в Москве.

Член боевого Партийного центра Подбельский вместе с Владимирским, Скворцовым-Степановым,

Ольминским, Ярославским, Усиевичем, Землячкой, Лихачевым, Соловьевым и другими руководил районными штабами, рискуя жизнью, выезжал на самые опасные участки боев.

Вот он на стареньком лимузине трясется по извилистым улицам города, пробираясь на почтамт — на Мясницкую. Из окон и с балконов домов юнкера обстреливают проезжающие машины. Вот и большое серое здание почтамта.

— Почтамт взят! — сообщают откуда-то появившиеся

красногвардейцы. Но тут же предупреждают: — Идите все-таки осторожно: отовсюду стреляют.

И как бы в подтверждение этих слов, из здания напротив почтамта раздались одиночные выстрелы.

— Держать почтамт крепко, братцы! — напутствует Подбельский командира красногвардейского отряда.

С почтамта надо ехать в Ревком Городского района, который обосновался в трактире Романова, что на углу Сухаревской площади и 1-й Мещанской улицы, а там снова в МК.

Руководство восстанием требовало чрезвычайного напряжения. Голова кружилась от усталости и голода. Вадим Николаевич заезжал в Московский комитет, наскоро рассказывал о событиях, быстро съедал приготовленный чьей-то заботливой рукой бутерброд и тут же засыпал беспокойным сном, чтобы через два-три часа снова быть на ногах.

9

Поздним вечером 31 октября в одной из маленьких комнат верхнего этажа — на антресолях — Московского Совета, где размещался Военно-революционный комитет Москвы, собрались члены комитета и партийной «пятерки».

Прошедший день был исключительно бурным... Около Никитских ворот юнкера предприняли попытку оттеснить сторожевые посты Военно-революционного комитета... На Пресне в нескольких больших домах еще крепко сидели белогвардейцы, и их оттуда пришлось «выкуривать», — целый день палили пушки.

В прокуренной комнате Военно-революционного комитета шел оживленный разговор, каждый старался поделиться своими впечатлениями после трудного и горячего дня.

— Мы сели в автомобиль втроем — я, Подбельский и Бричкина, — рассказывал Василий Иванович Соловьев. — Кто-то посоветовал ехать через Краснохолмский мост. Подъехали к Таганке, а там наши патрули предупреждают: на площади работает чужой пулемет, ехать надо переулками. Где-то в стороне затрещал пулемет. На полной скорости проскочили площадь. Не успели проехать площадь, как нас окликнула застава: «Ваши документы?»

Вадим Николаевич сует десяток документов за всех.

И тут случилось неожиданное — испортился тормоз, и автомобиль помчался вниз. Наши же солдаты открыли по нас стрельбу. Над нами свистят пули. Жуткая минута... С трудом шофер остановил непослушную машину.

— Что вы, дьяволы, едете, как с цепи сорвались? Или вам жизнь надоела? — кричит патруль.

С трудом добрались до Красных ворот. Оттуда пешком дошли до Сухаревки. А там зашли в Городской районный Совет...

Не успел еще закончить свой рассказ Соловьев, как уже начал Борис Михайлович Волин^[13]:

— Утром мне довелось видеть жуткую картину на углу Милютинского и Мясницкой. Пользуясь наступившим затишьем, улицу переходил красногвардеец из отряда тушинских рабочих. И вдруг в этой тишине раздался одиночный выстрел, и красногвардеец упал. К нему быстро, откуда-то из-под ворот ближайшего дома, подбежала работница-санитарка. Но не успела она и нагнуться, как раздался еще один залп, и она упала, истекая кровью. Это увидели засевшие поблизости красногвардейцы и ответили на коварство юнкеров дружными залпами. Завязался ожесточенный бой. Кто-то сообщил, что юнкера стреляют из бомбомета. Мы отдали распоряжение устроить засаду и уничтожить эту огневую точку. Вскоре она навсегда умолкла. Мы видели, как из чердачного окна, откуда стрелял этот миномет, вывалился, растопырив руки и ноги, человек и грохнулся наземь так, что уже больше никогда не встал...

Увлечшись рассказами, они и не заметили, как неожиданно в комнату вошел солдат и четко, по-военному спросил:

— Товарищи, разрешите доложить? — Не дожидаясь ответа, солдат продолжал: — Мы стоим на почте и на телеграфе. Там чиновники портят все дело: задерживают наши телеграммы и работают только на Керенского. Мы арестовали главарей и приостановили работу телеграфа. К нам надо туда какого-нибудь комиссара, чтобы разобраться во всем.

— Какого-нибудь, не годится, — сказал Григорий Александрович Усиевич. — Надо хорошего, делового, энергичного, да к тому еще смелого.

Несколько человек, как будто уговорившись между собой, посмотрели на Вадима Николаевича Подбельского.

Мысли всех выразил Соловьев:

— Поехать придется вам, Вадим Николаевич.

Подбельский поднялся и вышел в соседнюю комнату. Через десять минут он уже вернулся с мандатом от Военно-революционного комитета, удостоверявшим, что он назначен комиссаром почты и телеграфа города

Москвы.

«Пробираться на телеграф было еще довольно трудно, — вспоминал впоследствии Подбельский. — Темень кругом непроглядная. Всюду трещат выстрелы. Кто стреляет, в кого — сразу не разберешь. А пули, должно быть, находили своих адресатов.

Почти на каждом углу — патруль. Проверка документов, обыски.

Мы сели с товарищем-солдатом в санитарную карету и стали пробираться к телеграфу.

На телеграфе караул провел меня в одну из дальних комнат, где, как выяснилось потом, собрался Совет Московского почтово-телеграфного узла.

Я вошел в комнату Совета, отрекомендовался присутствующим и предложил им начать переговоры о дальнейшей работе телеграфа.

Председательствовал на собрании московский почт-директор Миллер.

— Прежде чем вступать в какие-либо переговоры, — сказал он, — мы должны видеть свободными наших арестованных товарищей.

На телеграфе караулом были подвергнуты аресту пять человек, несколько было арестовано, кроме того, на почтамте.

Я заявил, что освободить арестованных без всякого разбора дела не могу ни в коем случае.

Начал допрос арестованных:

— Наши товарищи-солдаты заявляют, что вы умышленно не пропускали телеграмм только что народившейся советской власти и оказывали всяческое содействие провокационным телеграммам свергнутого Временного правительства. Я требую, чтобы вы сказали совершенно определенно: верно ли это или нет?

Допрашивал арестованных я каждого в отдельности. И от всех от них получил один и тот же ответ:

— Да, действительно, до вчерашнего дня Московский телеграф задерживал депеши советской власти. В данном случае мы являлись лишь точными исполнителями Центрального комитета нашего союза, директивы которого для нас обязательны. Но теперь, когда правительства Керенского уже не существует, мы впредь, до созыва Учредительного собрания, будем придерживаться позиции нейтралитета.

В таком же духе я получил заявление и от всего почтово-телеграфного Совета в целом.

Времена тогда были странные: всех арестованных я тут же объявил свободными.

Затем с телеграфа я направился в помещение почтамта с целью

освободить задержанных там почтовых чиновников, против которых не было выставлено никаких серьезных обвинений и которые были задержаны караулом больше «на всякий случай».

Я застал всех арестованных на почтамте спящими на диване. Разбудил их, сказал несколько напутственных слов и объявил свободными.

На другой день я снова встретился с Советом Московского почтово-телеграфного узла, с которым у меня начались длинные и нудные переговоры о признании советской власти и ее представителя — комиссара.

Ни я, ни противная сторона не решались обострять отношений. Я был один перед лицом весьма хорошо сплоченной массы саботажников и обманутой ими массы. Они стояли перед лицом явной победы революционных войск в Москве и уже начинали чувствовать себя затравленными...»

10

Молодой редактор усманской уездной газеты Николай Александрович Андреев на рассвете 2 ноября 1917 года приехал в Москву. На привокзальной площади и близлежащих улицах было тихо и безлюдно. Андреев, который не раз бывал в Москве, удивился этой необычной тишине. Чего-то недоставало. И, только пройдя пешком несколько кварталов, он понял: не ходят трамваи, не слышно их пронзительного звона.

Студеный ветерок пробивал легкое пальто, то и дело приходилось тереть застывшие уши. Пешком Андреев добрался до Скобелевской площади. Вот и Московский Военно-революционный комитет.

— Проходи, — сказал Андрееву строгий красногвардеец, внимательно прочитав мандат, извлеченный из-за голенища сапога.

— Вам кого, товарищ? — спросил Усиевич, столкнувшись в темноте коридора второго этажа с Андреевым.

— Мне бы кого-нибудь из Ревкома... Я из Усмани... -

— Тамбовский, значит, — Усиевич, обняв Андреева за плечи, втолкнул его в ближайшую дверь.

— Ну, вот теперь я тебя вижу, земляк, — сказал он, усадив усманского гостя.

— Земляк? — переспросил Андреев.

— Ну, конечно же, земляк,

И он представился:

— Григорий Усиевич...

Андреев рассказал, что телеграфная и телефонная связь с Москвой прервана, в Тамбове засели эсеры, и Усмани оказалась оторванной от событий этих дней, вот он и приехал за новостями.

Усиевич сообщил о победе восстания в Петрограде и Москве, об успехе советской власти в провинции.

— Что же касается саботажа телеграфистов, то я советую поговорить с товарищем Подбельским. Тоже, кстати, земляком.

В коридоре послышались быстрые шаги.

— Не он ли идет? Так быстро ходит только Подбельский.

И действительно — вошел Вадим Николаевич.

— Ты легок на помине, Вадим, — Усиевич поднялся с краешка стола, на котором сидел. — Вот и хорошо, что ты пришел. Представляю тебе, товарищ Андреев из Усмани. А мне пора...

Вадим Николаевич крепко пожал руку усманца и внимательно всмотрелся в его лицо.

— Редактор уездной газеты Андреев Николай Александрович.

— Тамбовцы здесь бывают, — сказал Вадим Николаевич. — Вот весной в «Социал-демократ» заходил ко мне Иван Андреевич Гаврилов с порохового завода. Рассказывал, что они там крепкую партийную ячейку создали.

И Вадим Николаевич вспомнил о встрече с Гавриловым весной 1917 года.

— Сейчас он, кажется, — вставил Андреев, — с нашим Исполатовым в Петрограде.

Вадим Николаевич засыпал гостя вопросами:

— Когда видел Николая Николаевича Исполатова? В Усмани ли Моисеев? Как работает Усманский Совет?

Ответы он слушал внимательно, а когда их поток прекратился, улыбнулся и, как бы оправдываясь перед собеседником, объяснил:

— Это я вспомнил, как здорово мы тогда смеялись, когда Гаврилов рассказывал мне, как они громили там меньшевиков и эсеров. «Долой Кишкиных и Бурышкиных!»^[14] Да?

— Так, Вадим Николаевич, — улыбаясь, ответил усманский редактор.

Подбельский советовал усманцам быстрее передать власть Совету. Что же касается саботажа на телеграфе, то надо срочно самим готовить своих телеграфистов.

— Где остановились? — спросил у Андреева в заключение

Подбельский. И еще раз, как и при встрече, внимательно оглядев гостя, добавил: — У нас морозы, а вы так легко одеты...

— Ничего, товарищ Подбельский. Закалка не вредит.

— Остановились где? — еще раз переспросил Вадим Николаевич.

— Нигде! С вокзала пришел сюда...

— Вот что — мне сейчас нужно в Московский комитет. Приходи сюда вечером перед отъездом, часов около девяти. Договорились?

Он быстро, так что Андреев не успел и опомниться, вышел из комнаты.

Вечером, когда Николай Александрович Андреев снова пришел в Ревком, там было полно народу. Входили какие-то люди, стучали машинки, звонил без конца телефон, было накурено и душно. Андреева ждали.

— Ну вот, потеплее оделся! — таким возгласом встретил его появление Подбельский.

— Зашел днем к дядюшке на Маросейку, — объяснил Андреев, — и взял у него пальто.

— А вот шапку не взяли, — вставил Усиевич.

Вадим Николаевич улыбнулся.

— Об этом я позаботился, Григорий Александрович. — И он передал Николаю Александровичу новую котиковую шапку.

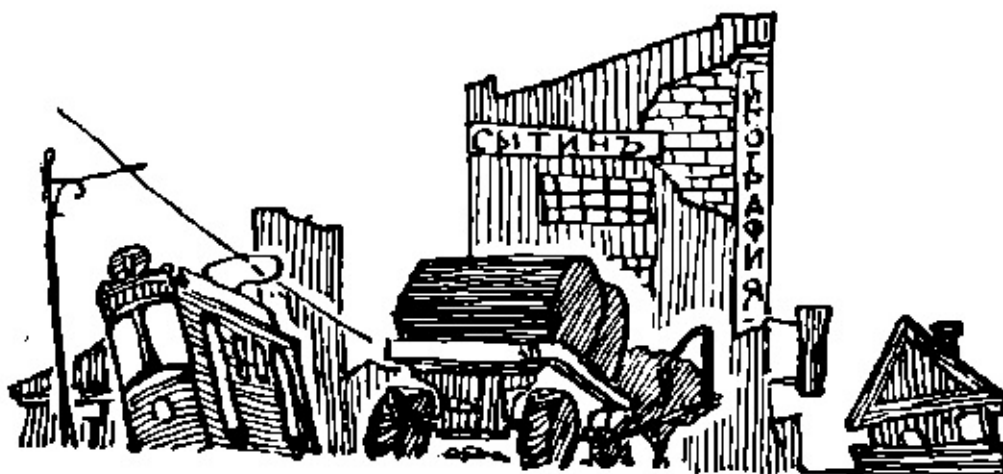
Еще раз получив инструкции, как организовать работу Совета в Усмани, Андреев покинул Московский Военно-революционный комитет.

А спустя два дня вернулся в Усмань из Петрограда председатель Совета Николай Николаевич Исполатов. Он был на II Всероссийском съезде Советов, присутствовал при рождении советской власти, слушал Владимира Ильича Ленина и голосовал за первые советские декреты о земле и мире, за первое Советское правительство, образованное под председательством Ленина.

Вечером того же дня власть в Усмани окончательно перешла к Советам.

По примеру Петрограда и Москвы Советы победно шествовали по всей России.

КОМИССАР ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ

Осенью 1917 года в Москве выходило около тридцати газет и не менее ста пятидесяти журналов и справочных изданий. Их разовый тираж составлял огромную по тем временам цифру в несколько миллионов экземпляров. Кроме официальных органов, издавалось большое число газет и журналов различных направлений и оттенков.

Сразу же после победы Октябрьского восстания буржуазные газеты начали лить потоки грязи и клеветы на молодую Советскую республику. Города наводнили различные листовки антисоветского характера. Печать в руках буржуазии становилась опасным оружием, направленным против Советов.

Нужно было быстро и решительно покончить с таким положением и вырвать у буржуазии это оружие. Постановлением Петроградского Военно-революционного комитета был закрыт ряд буржуазных газет. 27 октября (9 ноября) Совет Народных Комиссаров принял Декрет о печати, подтверждавший решение Военно-революционного комитета о закрытии буржуазных газет, призывающих к открытому сопротивлению или неповиновению рабоче-крестьянской власти, клеветующих на эту власть.

В буржуазных кругах поднялся неистовый шум: большевики, мол, нарушают свое основное программное положение о свободе печати. Левые эсеры выступили на заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета в защиту «свободы печати», против декрета Совнаркома, «Защитникам свобод» дал резкую отповедь Владимир Ильич Ленин.

«Мы и раньше, — сказал он, — заявляли; что закроем буржуазные газеты, если возьмем власть в руки. Терпеть существование этих газет, значит перестать быть социалистом».

Суровое предупреждение Советского правительства не повлияло, однако, на буржуазные газеты. Они продолжали свою грязную работу.

Надо было принять срочные меры, чтобы приостановить поток клеветы. Тогда Военно-революционный комитет Москвы решил учредить должность комиссара по делам печати.

Кого назначить на этот трудный пост? Никто из членов Военно-революционного комитета и боевой партийной «пятерки» не сомневался, что иной кандидатуры, чем кандидатура Вадима Подбельского, и искать не следует.

Но встал вопрос: Подбельскому уже поручено руководство Московским почтово-телеграфным ведомством. Справится ли он с двумя такими сложными обязанностями?

Емельян Ярославский, который отлично знал Подбельского по работе в «Социал-демократе», сказал:

— У него богатый опыт организатора партийной печати. Надо еще учесть, что он сам сотрудничал в печати, был редактором в провинции.

— А то, что он справится, у меня сомнения не вызывает, — поддержал Ярославского Иван Иванович Скворцов-Степанов, работавший с Вадимом Подбельским рука об руку в течение всего года. — Он молод, в нем кипит энергия.

Особенно настаивал на назначении Подбельского комиссаром по делам печати Григорий Александрович Усиевич. Он хорошо знал работоспособность Подбельского, его революционную закалку.

Так Вадим Николаевич Подбельский стал московским комиссаром по делам печати.

Через несколько дней — 25 ноября — на заседании Военно-революционного комитета снова обсуждался вопрос о печати. В Московском отделении Петроградского телеграфного агентства засели саботажники: они искажали смысл телеграмм, распускали антисоветские сплетни одну другой нелепее. В отделении нужно было навести порядок.

— Будет хорошо, если мы подчиним Московское отделение комиссару по делам печати, предложил член Военно-революционного комитета Усиевич.

Предложение было принято.

Таким образом, в руках Вадима Николаевича Подбельского с первых же дней Октябрьской революции сосредоточилось управление тремя важнейшими комиссариатами Москвы — почты и телеграфа, печати и телеграфного агентства.

2

Выполнение обязанностей комиссара по делам печати Вадим Николаевич должен был начать с закрытия либерально-буржуазной газеты «Русское слово» — той самой сытинской газеты, в которой еще год назад он сам сотрудничал.

В своем письме московским и питерским большевикам накануне Октябрьского переворота Ленин указывал, что «Московский совет, взяв власть, банки, фабрики, «Русское слово», получает гигантскую базу и силу...». Он считал необходимым закрыть эту газету.

Газета «Русское слово», начавшая антисоветскую кампанию, не выходила по решению Военно-революционного комитета с 26 октября по 7 ноября (по старому стилю).

С 8 ноября Военно-революционный комитет при Московском Совете рабочих и солдатских депутатов разрешил издание всех органов печати без различия направлений. При этом ВРК предложил, чтобы все рабочие и служащие, которые не работали, пока не выходили газеты, получили за это время полную компенсацию. Военно-революционный комитет, восстанавливая свободу политической печати, предупредил издателей: если они станут призывать к свержению Советов, газеты будут немедленно конфискованы, а издатели и редакторы привлечены к суду Революционного трибунала.

Это предупреждение, очевидно, не возымело действия на «Русское слово». Как только был возобновлен выход газеты, она с первых же своих номеров превратилась в одну из наиболее оголтелых клеветнических газет. Каждый день преднамеренно на самых видных местах в ней помещались антисоветские материалы. Казалось, что «столпы журналистики» соревновались в злопыхательстве. Сегодня они спрашивали, что же дадут

большевики обманутому им народу, на следующий день пытались доказать, что большевистская власть разваливается. Кугель назвал новый социальный порядок «умиранием России», а Яблоновский, перекликаясь с ним, с сарказмом говорил о «райском житье» в революционной России. Пользуясь богатой информацией благодаря своей разветвленной корреспондентской сети, газета, как бы нарочно, подбирала такие сообщения из провинции, которые дискредитировали советскую власть.

3

Отправляясь к Сытину, Подбельский не на шутку волновался. Как говорить с этим добродушным стариком Иваном Дмитриевичем, как передать ему решение советской власти о закрытии газеты? Как. встретят его сотрудники редакции, со многими из которых он бок о бок работал? «Держись, Вадим! — говорил он себе. — И Сытин и редактор газеты Благов знают, что ты большевик».

Вадим Николаевич помнил, как еще совсем недавно — в 1916 году — вся культурная Россия отмечала пятидесятилетний юбилей издательской деятельности Сытина. За пятьдесят лет сытинское книгоиздательское товарищество стало самым мощным в стране. Оно выпускало более пятнадцати процентов всей книжной продукции России.

Умный, деловой и предприимчивый хозяин, Иван Дмитриевич Сытин взял курс на издание такой литературы, которая находила наибольший спрос у широкого круга читателей. Сытин печатал популярные издания по сельскому хозяйству, издавал журнал «Свобода воспитания», несколько детских журналов, детскую энциклопедию. Более двадцати пяти лет с сытинским издательством был связан Лев Николаевич Толстой. Конечно, Иван Дмитриевич Сытин был крупным капиталистом. Одна только чистая прибыль от его изданий в 1916 году составляла более двух с половиной миллионов рублей.

Маститый издатель, оставшийся простым в общении с людьми, не успевал тогда в день юбилея отвечать на приветствия и пожелания. Подбельский помнил, как стоял Иван Дмитриевич среди друзей, сотрудников, почитателей — большой, коренастый и подтянутый, в сером в полосочку костюме, с зачесанными назад волосами и аккуратно подстриженной бородой — и щурил немного припухшие умные глаза...

Теперь Вадим Николаевич с особой ясностью ощутил, что два года

работы у Сытина не прошли для него даром. Ему, комиссару по делам печати, сейчас оченьгодились наблюдения за большой организаторской деятельностью старого издателя, за обычаями и законами буржуазной прессы.

Не могло быть никаких сомнений, что именно в таких больших издателях нуждалась советская власть. Правда, политик Иван Дмитриевич неважный, иначе не дал бы волю злобным писакам на страницах своей газеты. Для закрытия «Русского слова» достаточно оснований, но советская власть не зачеркивает полезную деятельность Сытина, не хочет оттолкнуть его.

По правде говоря, Вадиму Николаевичу не обязательно было самому объявлять издателю решение Исполнительного Комитета Московского Совета. Достаточно дать письменное распоряжение или послать в издательство кого-либо из сотрудников комиссариата. Но Вадим Николаевич, человек прямой и откровенный, решил идти сам. Во-первых, личный приход комиссара подчеркивает важность этого акта советской власти. Во-вторых, и это второе было для комиссара по делам печати, как представителя советской власти, главным — Сытин может быть полезен новому строю; он ценный специалист, и с ним впоследствии можно будет сотрудничать.

Сытину доложили о приходе народного комиссара по делам печати.

Грузный, уже чуть согбенный, Иван Дмитриевич поднялся навстречу комиссару.

— Чем обязан такому высокому гостю?

Потом, как бы невзначай, со свойственным ему лукавством, добавил:

— Батенька, говорите все как на духу, мы, кажется, с вами старые знакомые. Слышал, слышал, что вы теперь комиссар.

Во всем облике Сытина, в его немного нескладной фигуре, в его манере говорить чувствовалась незаурядная сила.

— Иван Дмитриевич, — начал комиссар, решив сразу же изложить существо дела, — я пришел объявить вам решение советской власти закрыть «Русское слово»...

Иван Дмитриевич нахмурился, в его обычно добрых глазах сверкнул злой огонек. Он повернул голову в сторону висевшего на стене большого портрета Антона Павловича Чехова. Это движение как бы говорило: «Знаете ли вы, молодой человек, что это великий Чехов надоумил меня купить «Русское слово», знаете ли вы, что это он привел в мою газету многих выдающихся писателей? А вы хотите закрыть газету...»

Молчание затянулось. Наконец Сытин круто повернулся к Подбельскому и со злостью сказал:

— Я буду жаловаться в правительство, поеду к Ленину!

— Не горячитесь, Иван Дмитриевич, — комиссар старался успокоить старого издателя. — Вы, Иван Дмитриевич, человек деловой. Делаете вы большие дела — я бы сказал, государственные. Так давайте и поговорим с вами по-государственному.

Сытин поерзал на стуле; собеседнику передавалось его волнение. Комиссар продолжал:

— Знаю, вы сейчас думаете: что это, мол, он ко мне пристал, какой, мол, деловой разговор может состояться между большевиком, который выступает против частной собственности, и крупнейшим в России капиталистом — владельцем целого концерна издательств и типографий? Думаете ведь? Верно я говорю, Иван Дмитриевич?

— Предположим, что думаю. Вам разве легче от этого?

— Представьте — легче. Дело в том, что нам нужны вы — у вас большой опыт, авторитет. Почему бы вам в самом деле не сотрудничать с нами?

Лицо Сытина выражало недоумение.

— Интересно, интересно, повторите-ка, повторите...

— Короче говоря, помогите новой, советской власти расширить издательское дело, еще больше печатать нужных нашему народу книг и газет. Вы спросите, Иван Дмитриевич, а как же ваши типографии, ваши вложения, ваши бумажные склады?

— Вот именно. Все отдать вам? Собственно, что я говорю — «отдать», сами ведь возьмете.

— Тяжело, конечно, расстаться со своим добром. Знаю: вы сейчас колеблетесь...

Подбельский поднялся, попросил разрешения закурить. Курил очень редко и обычно тогда, когда волновался. Затянувшись и пустив кольца дыма, он подошел к Сытину и как бы невзначай заметил:

— А в сущности говоря, Иван Дмитриевич, вы большое дело делаете. Подумайте: не стоит ли вам заняться издательским делом в еще большем масштабе, чем до сих пор, но по нашим указаниям. А государство вас хорошо обеспечит.

Иван Дмитриевич слушал, сосредоточенно уставив взгляд в неизвестно для чего выдвинутый средний ящик большого резного письменного стола, в котором лежали аккуратно сложенные бумаги.

Подбельский сказал, что они еще вернутся к этому разговору, а пока —

с завтрашнего дня — «Русское слово» не должно выходить.

Сытин ничего не ответил. Прощаясь с комиссаром, он вяло протянул руку. Когда дверь за гостем закрылась, Сытин все еще продолжал сидеть за столом.

В таком глубоком раздумье его застал Федор Иванович Благов.

— Долго вы, Иван Дмитриевич, с комиссаром-то беседовали, — начал Благов, желая поскорее узнать подробности разговора.

— Напротив, мало, очень мало. Мне бы надо много о чем порасспросить, да вот поди-ка, Сытин растерялся.

Только сейчас редактор «Русского слова» обратил внимание на расстроенный вид издателя.

— Вы ведь знаете этого человека?

— Молодчика этого? Знаю, — сказал Благов.

— Не рекомендую вам так называть достойных людей, — посоветовал, чуть возвысив голос, Сытин.

«Старый ворчун», — подумал редактор.

А тот между тем продолжал:

— Фамилия этого молодого человека — Подбельский. Он у нас в прошлом годе работал. Вы с ним тогда скандалили, а вот видите — он оказался победителем. У них сейчас власть. И сдается мне, что они сели крепко...

— Как вы говорите, Иван Дмитриевич? — опешил Благов.

— Не горячитесь и учитесь выслушивать старших. Есть в этом человеке что-то такое искреннее и подкупающее. Как бы это вам сказать — ну, простота, мысль, государственность. Затрудняюсь подобрать подходящее слово. Это уж по вашей линии — вы литераторы. Только жаль, — и Сытин тяжело вздохнул, — не придется завтра, и послезавтра, и после-послезавтра, и вообще не придется нам больше печатать свою газету.

— Опять запретили? — вскочил Астапов. — Возмутительно! И вы это оставите?

— Оставить не оставлю, а выходить не будет. Да еще в трибунал, наверное, позовут. Вот и будете, батенька, ответ держать. Кстати, скажите-ка, Федор Иванович, кто нас снабжает информацией о фронтовых делах? И потом, почему вы даете своим писакам такую волю? Вы что, серьезно думаете, что большевистская власть скоро погибнет?

— Да, думаю, Иван Дмитриевич...

Сытин продолжал наступать на редактора:

— Вот именно, и вы такой, и ваш Саша Яблоновский такой, все вы такие. А я, старый дурак, верю вам, думаю, что у вас есть какие-то идеи,

совесть наконец... Эх!..

Он махнул рукой и дал этим понять, что аудиенция окончена.

Весть о закрытии «Русского слова» сразу же распространилась среди сотрудников редакции и рабочих типографии. Меньшевики и эсеры, а их влияние чувствовалось в сытинской типографии, решили немедленно использовать этот случай как предлог для наступления на советскую власть.

Фабричный комитет направил в Комиссариат по делам печати своих представителей. Беседа была довольно продолжительной и шумной.

Комиссар объяснил, что Иван Дмитриевич Сытин, у которого он был накануне, хорошо знает причины закрытия газеты: она публиковала клеветнические материалы, подрывающие авторитет советской власти.

— Большевики ратуют за «свободу печати», — не унимался представитель фабричного комитета. — Где же она, эта свобода?

На вопрос Вадим Николаевич ответил вопросом:

— Скажите мне: вы наборщик или печатник?

— Стереотипер.

— И, наверное, лет тридцать уже работаете у Сытина?

Фабкомовец кивнул.

— Вот видите — тридцать лет работали на хозяина. А мы хотим, чтобы сами «рабочие стали хозяевами, чтобы они сами управляли не только типографиями, но всеми фабриками и заводами, всей Россией.

— Это мы знаем, — вставил другой делегат.

— Вот и хорошо, что знаете. Так вот, мы создали советскую власть, она еще только становится на ноги, а вы ее хотите пинать. А мы этого не позволим.

Вадим Николаевич приподнялся и, бросив в пепельницу уже давно погасшую папиросу, закончил мысль:

— Теперь ответьте: почему вы отказались набирать и печатать в своей типографии «Известия Московского Совета»? Молчите! Вы, значит, хотите свободу только для той печати, которая клеветает на советскую власть?! Не выйдет!

После беседы с комиссаром мнения самих делегатов разошлись. На следующий день состоялось общее собрание рабочих типографии. Под

давлением эсеров и меньшевиков собрание приняло резолюцию протеста против закрытия газеты. Присутствовавший на собрании сотрудник эсеровской газеты «Труд» не замедлил в очередном номере употребить самые темные краски, чтобы очернить действия советской власти и изобразить комиссара по делам печати как деспотичного и своевольного человека, а все дело с закрытием газеты как «издевательство над рабочими».

Двадцатого декабря в здании бывшего «Благородного собрания», переименованного после Октября в Дом союзов, собрались на митинг печатники — большевики и сочувствующие им. Ораторы говорили не очень складно, но зато достаточно гневно и страстно. Они клеймили позором тех сытинцев, которые пошли на поводу у контрреволюции и отказались печатать свой рабочий орган — «Известия Московского

Совета». На собрании выступил представитель печатников Петрограда. Он посоветовал московским печатникам последовать примеру Петрограда и избавиться от профсоюзного органа, который придерживается контрреволюционной политики.

Через несколько дней состоялось общемосковское собрание уполномоченных и членов заводских комитетов рабочих печатного труда. Собрание было шумным, то и дело возникали споры. Большинство участников собрания признало власть Советов — сказалась огромная разъяснительная работа большевиков среди типографских рабочих.

Через два дня в помещении Промышленного училища на Миусской площади снова состоялось собрание московских полиграфистов. Теперь уже меньшевики, желая несколько облегчить свое положение, пытались доказать, что отказ сытинцев печатать «Известия» вовсе нельзя назвать саботажем, что этот отказ вызван неправильными действиями Комиссариата по делам печати.

Представители большевиков показали предательскую, антисоветскую роль саботажников. Речи большевистских ораторов были яркими и убедительными, им горячо аплодировали. Закончилось собрание пением «Интернационала».

Под влиянием большевиков началось «отрезвление» рабочих-полиграфистов, освобождение их из-под влияния меньшевиков и эсеров.

И все-таки среди части печатников меньшевики и эсеры пользовались влиянием, встречались среди рабочих-полиграфистов даже и такие, что шли на поводу у контрреволюции. Нет-нет да и появлялись в Москве листовки с сенсационными заголовками явно провокационного характера. Цель их — дезориентировать обывателя, внести смуту в умы и настроения.

Подбельский не на шутку встревожился, услышав однажды утром крики мальчишек-газетчиков: «Призыв всего взрослого мужского населения от восемнадцати до тридцати лет!», «Революция во Франции!»

Комиссариат по делам печати не разрешал экстренного выпуска никаких листов. О таких важных событиях, как призыв в армию большого контингента возрастов, тем более о революции во Франции, Подбельский ничего не знал. Что это — хитрость предприимчивых и бойких газетчиков? Или очередная провокация какой-нибудь кадетской либо эсеровской газеты?

Прохожие покупали листки. Купил их и Подбельский. Один из них сообщал читателям, что Смольный якобы предполагает объявить мобилизацию. Другой рассказывал о французской революции... 1879 года.

Подбельский показал оба листка старому другу, председателю Московского Совета Петру Гермогеновичу Смидовичу.

— Пользуясь нашим ротозейством, в городе продолжают орудовать враги, стремятся посеять смуту в народе, — говорил с возмущением Подбельский. — А дельцы и спекулянты на этом еще зарабатывают.

— Надо усилить нашу работу в типографиях. Большевики должны взять их под контроль, тогда никакая контрреволюция не сумеет использовать типографии для агитации против советской власти. Если над всеми типографиями, литографиями и цинкографиями не будет строгого контроля, то нет-нет да и может появиться набранная в одной из них контрреволюционная листовка. А ведь таких предприятий в Москве не меньше двухсот пятидесяти.

...Подбельский созвал небольшой аппарат Комиссариата по делам печати и потребовал усилить контроль за всякого рода изданиями.

— Мы боремся со спекуляцией во всех областях жизни. Тем более нельзя допустить спекуляции печатным словом, — говорил комиссар.

В официальном органе Московского Совета он объявил для всеобщего сведения, что «издатели сенсационных листов будут немедленно арестовываться и предаваться суду Революционного трибунала; продавцы листов будут задерживаться, а листки их отбираться. Типографии, специализирующиеся на печатании сенсационных листов, подлежат реквизиции».

«Мир народам!» — с этим лозунгом большевики вели рабочие массы на штурм в дни Октября. Декрет о мире был одним из первых декретов Советского правительства. Мир был необходим для дальнейшего укрепления рабоче-крестьянской власти, для дальнейшего развития революции. И Советское правительство начало переговоры о мире с Германией. Пользуясь тяжелым положением Советской страны, Германия предложила грабительский мирный договор. Владимир Ильич настаивал на заключении мира даже на кабальных условиях. Но вопреки мнению Советского правительства Троцкий — руководитель делегации на Брестской мирной конференции — отказался от подписания мирного договора и заявил, что, не принимая условий этого договора, Советская Россия, однако, прекращает войну и полностью демобилизует свою армию. Это было чудовищным предательством.

Владимир Ильич вел упорную борьбу за подписание мира с Германией. В те дни многие коммунисты, даже члены Центрального Комитета партии, вдохновленные победами советской власти над контрреволюцией внутри страны, дали увлечь себя революционной фразой и выступили против мира с Германией. Дело кончилось тем, что немцы после предъявления ультиматума начали наступление по всему фронту. Положение Советской республики чрезвычайно осложнилось.

Но Троцкий пошел еще дальше в своих провокациях. 22 февраля 1918 года в телефонном разговоре с представителем Московского Совета он сообщил, что Австро-Венгрия в войне с Советской Россией не участвует.

Слова Троцкого сразу послужили темой возбужденных разговоров, — если Австро-Венгрия не участвует в войне, прекратит действия и Германия. Страна переживала трудные дни: немцы накануне начали наступление, положение на фронтах было тяжелым.

В тот же самый день, когда Троцкий распустил слух о неучастии Австро-Венгрии в войне, в газетах был опубликован подписанный Лениным декрет-обращение «Социалистическое отечество в опасности!».

Вадим Николаевич Подбельский твердо стоял на ленинской позиции. И поэтому, едва только услышав о заявлении Троцкого, он насторожился. Как комиссар по делам печати и руководитель телеграфного агентства Москвы, он обязан был принять меры, чтобы выяснить истинное положение вещей.

Только Один человек мог разъяснить обстановку. Надо связаться с Владимиром Ильичем, и немедленно!

Эти в дни были особенно напряженными для Владимира Ильича.

Решалась судьба России. Ежедневно заседали Центральный Комитет партии и Совет Народных Комиссаров. Против заключения мира с демагогическими заявлениями выступали «левые коммунисты».

Секретарь доложил Владимиру Ильичу о звонке Подбельского. Это был первый разговор Подбельского с Лениным. Комиссар по делам печати волновался, как школьник перед экзаменатором. Заветной мечтой Подбельского была встреча с Лениным. Он стал мечтать о ней, впервые прочитав работы Ленина еще в Тамбове, в бурные дни 1905 года. И потом постоянно возвращался к своей мечте в годы суровой яренской ссылки, когда читал с товарищами из колонии политических ссыльных только что вышедшую в Петербурге вторым, дополненным изданием книгу Н. Ильина «Развитие капитализма в России». В августе семнадцатого он уже твердо надеялся на встречу с Ильичем на VI съезде партии. Но Владимир Ильич вынужден был скрываться от преследования ищеек Временного правительства — он находился в Разливе и оттуда руководил работой съезда.

И вот сейчас Подбельский говорит с Лениным — правда, говорит по телефону.

Подбельский рассказал Владимиру Ильичу о звонке Троцкого в Московский Совет.

— Ваш вопрос, товарищ Подбельский, — сказал Ленин, — очень важен. Проверенных новых сведений не имею, кроме того, что немцы, вообще говоря, подвигаются вперед, неуклонно, ибо не встречают сопротивления. Я считаю положение чрезвычайно серьезным и малейшее промедление недопустимо с нашей стороны...

Вадим Николаевич слушал Ильича и одновременно записывал его ответ в небольшой блокнот: от него, как от комиссара по делам печати, ждут официального подтверждения или опровержения слухов, и он должен точнее записать ответы руководителя Советского правительства.

— Что касается сообщения о неучастии Австро-Венгрии в войне, — продолжал Владимир Ильич, — то я лично, в отличие от Троцкого, не считаю это сообщение проверенным, говорят, перехватили радио и были телеграммы об этом из Стокгольма, но и таких документов не видал...

Взволнованный разговором с Ильичем, Вадим Николаевич, не медля ни одной минуты, позвонил в Московский Комитет партии. А еще через час в редакцию «Известий» было передано сообщение о беседе комиссара Подбельского с Лениным.

Рабочий день Вадима Николаевича был до предела напряжен. Времени не хватало подчас даже на обед. Анна Андреевна с тревогой замечала следы глубокого утомления на лице мужа.

Особого внимания требовал Комиссариат почты и телеграфа.

Пусть основная масса почтово-телеграфных работников уже твердо поддерживала советскую власть, все еще встречались и саботажники из старых чиновников. Мешали работать эсеры, влияние которых на почте и телеграфе было довольно значительно. Они использовали любой повод, чтобы вызвать недовольство служащих советской властью. Комиссару приходилось вникать во все детали работы, бывать в почтовых отделениях, на телефонной станции, на телеграфе, в мастерских. Предстоящий переезд в Москву Советского правительства прибавил забот. К нему надо было заранее как следует подготовить и людей и оборудование телефона и телеграфа.

Ежедневно с десяти до двух комиссар принимал посетителей в своем кабинете в доме почтово-телеграфного агентства на углу Милютинского и Сретенского переулков. Приемные часы были общими как для посетителей по делам почты и телеграфа, так и для посетителей по делам печати и отделения телеграфного агентства.

Немало времени отнимал Комиссариат по делам печати.

Помимо двухсот газет и журналов, в Москве насчитывалось еще более семидесяти различных издательств. Только за один год эти издательства, по статистическим данным, выпускали более шести тысяч названий книг. Здесь и беллетристика, и книги по медицине, археологии, искусству, большое количество учебников и учебных пособий, отчеты различных учреждений и ведомств. Тираж этих книг доходил до тридцати восьми миллионов экземпляров. А книготорговля? В Москве более двухсот книжных магазинов, одних только букинистических до двадцати. И через издательства и через книжные магазины в город проникает контрреволюционная литература. Всюду нужен глаз, всюду нужен контроль.

...Из петроградской Публичной библиотеки в комиссариат поступила жалоба на московские издательства: они перестали присылать обязательные экземпляры изданий.

Обязать все издательства и редакции газет и журналов, распорядился

Подбельский, немедленно представить комиссариату экземпляры всех периодических и непериодических изданий. Кроме того, обязать всех заведующих типографиями под их строгую ответственность представить для пополнения государственных книгохранилищ по восемь экземпляров всех изданий, отпечатанных после 26 октября. Надо восстановить книжный фонд в книгохранилищах.

В последнее время к комиссару по делам печати все чаще являются представители различных профессиональных союзов. Они хотели бы получить согласие на издание отраслевых журналов. И уже состоялось решение о выпуске газеты для военнопленных на чешском, сербохорватском, румынском и венгерском языках. С середины апреля должен издаваться журнал «Трудовое казачество».

Но где же взять бумагу на все эти издания?

В Москве и губернии имеется одиннадцать бумажных фабрик. Фабрики эти национализированы, но все они имеют уже договоры с издательствами и газетами на поставку бумаги.

— Придется обязать все типографии, издательства, редакции, бумажные фабрики срочно представить точные сведения о наличии у них запасов бумаги, — решает комиссар. — Срок для представления этих сведений — три дня. Не дадут к этому времени сведений или дадут неправильные, приедем на место и все излишки бумаги конфискуем.

Такое предложение комиссара по делам печати было одобрено Московским Советом и немедленно вступило в силу. А через три дня представители комиссариата свезли на склады комиссариата немало ролевой и флатовой бумаги.

Не было дня, чтобы какая-нибудь московская газета не печатала то или иное клеветническое сообщение. Не всегда оно сразу привлекало внимание читателя. Подчас это была своего рода информация, набранная петитом или даже непарелью где-то в конце третьей или четвертой полосы. «Вечерние новости» сообщили о том, что якобы все солдаты, получившие кратковременный отпуск, не подлежат возвращению в свои части. Ясно, что такое «безобидное» сообщение могло вызвать только дезертирство и ослабить революционную армию. Наглой провокацией выглядело выступление газеты «Утро России»: в одном из своих номеров она поместила «Будущую карту Германии», составленную будто бы с ведома официальных представителей советской власти. В этой карте к Германии отходили исконно русские города — Двинск, Барановичи. Совершенно очевидно, что это была грубая фальшивка контрреволюционных сил, стоящих за спиной издателей газеты.

— Нет, решительно нельзя без военной цензуры. Если предоставлена возможность всем оппозиционным партиям в стране издавать свои печатные органы, то это еще вовсе не значит, что им дозволено клеветать на советскую власть, возводить на нее всяческие поклепы, а тем более сеять в народе панику...

Председатель Московского Совета Петр Гермогенович Смидович внимательно выслушал доводы комиссара по делам печати.

— Ну что ж, дорогой Вадим Николаевич, — сказал Смидович. — Пишите проекты двух декретов — о печати и о введении военной цензуры. Декрет о печати должен обязывать всех издателей периодических изданий давать опровержение на каждое клеветническое сообщение, которое будет ими опубликовано. Притом я бы обязал печатать опровержение на том же месте, где накануне напечатана ложь, да еще выделять для него в два раза больше места, чем было отведено самой клевете.

— Надо бы, — вставил комиссар, — и определить меру наказания для виновных в оглашении ложных и клеветнических сообщений.

— Это само собой имеется в виду. Всыпьте им, скажем, штраф тысяч в двадцать пять или месяцев шесть отсидки. Может, это отобьет охоту.

На следующий день, 21 декабря 1918 года, уже был опубликован декрет Московского Совета рабочих и солдатских депутатов о печати и постановление о временном введении военной цензуры. Газеты, журналы и другие периодические издания, которые откажутся представлять военной цензуре для предварительного просмотра материалы, касающиеся жизни армии, взаимоотношений России с другими государствами, работы высших государственных органов, хода гражданской войны в стране, подлежат немедленному закрытию, а ответственные за эти издания лица — передаче суду Революционного трибунала.

Комиссар по делам печати был беспощаден к тем, кто клеветал на советскую власть.

Действия московского комиссара по делам печати пришлось не по вкусу многим враждебным газетам. Какими только эпитетами не награждали они работников комиссариата! В ряде газет появился даже специальный раздел, называемый «Свобода печати».

Меньшевистская газета «Вперед!» из номера в номер давала информации о закрытии газет, о заседаниях Революционного трибунала печати, сопровождая эти информации тенденциозными «комментариями».

Меньшевистские и эсеровские газеты изоощрялись в нападках на Подбельского, как комиссара по делам печати. Мало этого, они искали любой повод, чтобы возвести на него все смертные грехи и за работу в

Комиссариате почты и телеграфа. В декабре 1917 года меньшевики и эсеры, пробравшиеся к руководству в центральных производственных органах почтово-телеграфных служащих, призывали к саботажу мероприятий советской власти, подстрекали к всеобщей политической забастовке. В одном из номеров газеты «Русские ведомости» они поместили сообщение о том, что служащие Московского почтамта «решили бастовать». Между тем на общем собрании работников Московского почтамта, которое состоялось 27 декабря, не было подано ни одного голоса за организацию забастовки. В той же газете была помещена заметка о том, что большевики, служащие почтово-телеграфной конторы в городе Александрове, якобы расхищают казенные деньги.

Вот когда оказалось кстати совмещение в одном лице должности комиссара почты и телеграфа и комиссара по делам печати. Как комиссар почты и телеграфа Подбельский знал, что сообщения газеты ложны. Он сам был на собрании работников Московского почтамта, выступал с речью, отвечал на вопросы, слушал выступления рядовых служащих, давших недвусмысленную отповедь зачинщикам забастовки. Как комиссар почты и телеграфа, интересующийся положением на местах, он также хорошо знал, что заметка о расхищении казенных средств большевиками почтово-телеграфной конторы Александрова — чистая ложь. Теперь же Подбельский встретился с этими клеветническими сообщениями меньшевистской и эсеровской газеты и как комиссар по делам печати.

Враги революции, конечно, учитывали, что единодушное решение Московского почтамта не участвовать в забастовке имело большое значение для провинции. Поэтому-то они и решили поместить эту провокационную заметку. Смысл ее был ясен: ввести в заблуждение провинцию.

Комиссар по делам печати принял единственно верное решение: «Под суд провокаторов!»

Первыми перед судом Революционного трибунала предстали редакторы «Русских ведомостей» и эсеровской газеты «Труд».

Дело против «Труда» возбудил Тверской Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов за сообщение о будто бы имевших место в Твери волнениях из-за продовольственного кризиса.

На суде редакторы «Труда» Минор и Гельгофт вели себя вызывающе. Они считали, что предъявленное газете обвинение в клеветническом сообщении тенденциозно, а потому не находили нужным ни говорить, ни защищаться. В таком же духе выступил и защитник. Трибунал печати решил оштрафовать газету на двадцать тысяч рублей, а в случае

невнесения штрафа в четырехдневный срок — закрыть ее на один месяц без права выходить под другим названием. Редакторы «Труда» категорически отказались подписаться под приговором.

Утром следующего дня в кабинете комиссара по делам печати появился Минор. С Минором Вадим Николаевич был знаком давно. Им доводилось встречаться в общественных местах — в городской думе, на митингах, на заседаниях Московского Совета. И хотя они были политическими противниками, Вадим Николаевич относился к Минору с тем невольным уважением, с каким обычно относятся к старшим, прошедшим тяжелый путь товарищам. Их редкие и кратковременные встречи напоминали Подбельскому об отце. Минор, тогда молодой социалист, находился вместе с Папием Подбельским в якутской ссылке, был с ним в его последние минуты во дворе дома Монастырева. Но сейчас приход такого гостя с официальным визитом сразу насторожил комиссара.

— Переступая порог вашего комиссарского кабинета, — начал Минор, — я хочу прежде всего приветствовать в вашем лице сына моего друга Папия!.. Да, да, именно друга! Вы ведь тоже бывалый человек и хорошо знаете, что тюрьма и ссылка сближают людей, делают их друзьями на всю жизнь.

— Иосиф Соломонович, не говорите лишних слов. Вы хорошо знаете, что память об отце мне очень дорога. Но ведь не это вас сюда привело. По лицу вижу. Вот-вот разразитесь руганью по моему адресу, не так ли?

— Вот именно, угадали. Нет, вы нисколько не похожи на своего отца. Он был миролюбив, куда там! А вы что? Вы деспот, да деспот-диктатор! Эх, посмотрел бы Папий, что творит в Москве его сынок!

— Что же находите вы предосудительного в действиях сына Папия Подбельского? Не вчерашний ли штраф?

— Именно... Слушайте, Вадим Николаевич, зачем вы это делаете? Знаете, в вашем отце я не замечал стремления властвовать. До чего был скромный человек!..

Подбельский поднялся с кресла, подошел к Минору, сел напротив него.

— Спасибо вам, Иосиф Соломонович, за добрую память об отце... А насчет властолюбия — вы хватили чересчур. Я просто человек долга, каким должен быть большевик, а комиссар тем более. Мы не позволим никому подрывать основы нашей власти. Что же вы-то делаете, господа правые эсеры? О чем пишут всякие ваши даниловы, коварские, гельгофты? Вы уверяете, что «растет просвещение рабочего народа от темноты и насилия, которые сеют большевики». Но будьте честными до конца, вы

ведь были честным человеком, если считаете себя другом Папия Подбельского, признайтесь — сами-то вы не верите во все то, что пишете. Вы видите, что наша власть укрепляется, что ваша карта бита, и вот вы идете на последнюю ставку — клевете на большевиков.

Опытный в дискуссиях и спорах, Минор на этот раз несколько даже растерялся от такого неожиданного натиска. Он рассчитывал совсем на другое: «Приду, пожурю немного, поиграю на его больной струнке — может, смягчится... А потом интересно выведать, о чем же думают на будущее большевики?» Получилось же все не так. Наступал не он, а большевистский комиссар.

— Что же делать?

Но Вадим Николаевич не дал Минору и закончить эту невольную вырвавшуюся фразу:

— Вот именно, как вы говорите, что же делать? Я встречал такой заголовок не раз в вашей газете: Растерялись, так ведь? Теперь спрашиваете, что же делать? Прекратите свою опасную игру. Ничего из этого не выйдет. Не позволим вам разрушать то, что с кровью и болью создается!

Почти ежедневно приходилось Подбельскому выступать в Революционном трибунале печати.

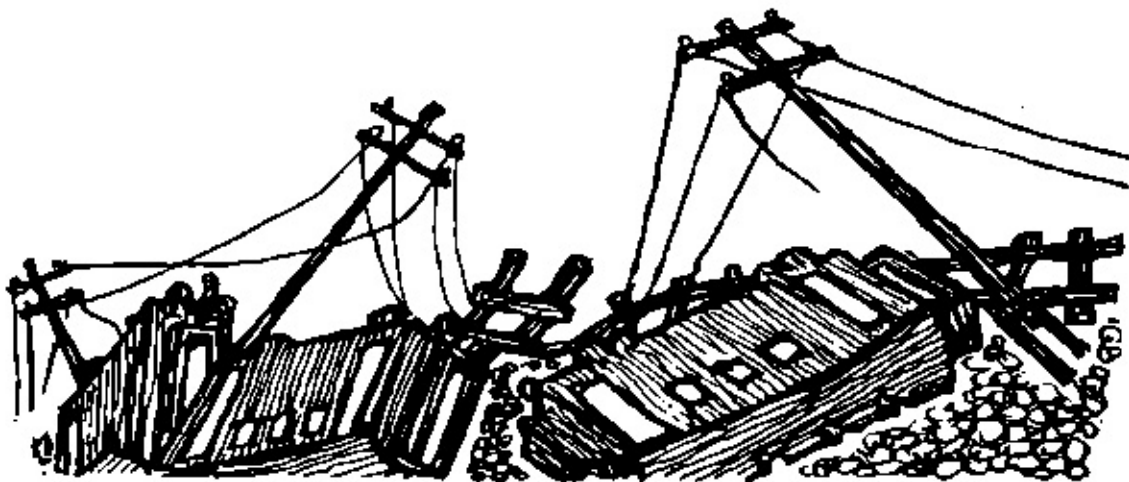
Газета «Мысль» опубликовала известие о том, что Москва якобы готовится к эвакуации. И это в то время, когда вот-вот ожидался переезд в Москву Советского правительства. Газета «Вечерний час» поместила провокационное сообщение о занятии белыми Харькова. Ясно, что ложные сообщения преследовали только одну цель: посеять смуту и панику среди населения. Комиссар прежде всего запретил дальнейший выпуск этих газет и передал дело в Революционный трибунал. На заседаниях трибунала он сам выступал обвинителем. Как официальный представитель советской власти, как представитель руководящей партии коммунистов он разоблачал контрреволюционную сущность продажных органов печати и требовал примерного наказания виновных.

Только в начале апреля трибунал печати был упразднен и все дела о преступлениях против власти со стороны газет и журналов были переданы в Московский революционный трибунал,

В марте 1918 года правительство во главе с Владимиром Ильичем Лениным переехало в Москву, а в начале апреля Подбельский был назначен Народным комиссаром почт и телеграфов Советской республики.

Надо было осваивать новую, еще незнакомую отрасль хозяйства. И Вадим Николаевич Подбельский целиком отдался этой работе.

«НАРКОМАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ, ИМИ ДЕЛАЮТСЯ...»

Трудный, а главное — запущенный участок работы достался Вадиму Николаевичу Подбельскому. Огромная страна имела всего лишь около десяти тысяч учреждений связи, из них только одна шестая приходилась на азиатскую часть страны. Из ста сорока тысяч верст почтовых путей больше трети проходили по проселочным и шоссейным дорогам. По знаменитым неустроенным российским дорогам!

Очень медленно шло строительство телефонных и телеграфных линий.

Через несколько дней после назначения новый Народный комиссар почт и телеграфов был принят Владимиром Ильичем Лениным. Наконец исполнилась заветная мечта Подбельского — он встретился с Лениным.

Беседа, начавшаяся в десятом часу вечера, затянулась до полуночи.

Владимир Ильич говорил о необходимости улучшить работу связи, о приближении почты, телеграфа и телефона к населению, о привлечении широких масс почтово-телеграфных служащих к управлению ведомством.

Его интересовал и состав комиссариата, дисциплина и партийная прослойка. Неожиданно он задавал вопросы, касающиеся лично наркома — о его самочувствии, семье.

Вадим Николаевич все время чувствовал на себе внимательный взгляд собеседника.

Прощаясь, Владимир Ильич просил Подбельского подготовить проект декрета об управлении почтово-телеграфным ведомством.

Через несколько дней Подбельский снова был у Председателя Совнаркома. Владимир Ильич, внимательно прочитав проект декрета, предложил кое-что изменить и тут же принялся править.

На следующий день проект был представлен Совнаркому.

2

Чтобы управлять большим и разветвленным почтово-телеграфным ведомством, надо хорошо знать положение на местах, и Подбельский предпринял объезд целого ряда губернских городов.

Он волновался, отправляясь в первую поездку. «Приедешь, устроят торжественную встречу, наговорят уйму хороших слов, отрапортуют всеми правдами и неправдами, что все обстоит благополучно, а потом сами же будут посмеиваться: «Ну и чудак же этот народный комиссар — наворотили ему целый воз всякой чепухи, а он и доволен». Подбельский решил выяснить истинное положение дела не по бумажным отчетам и не в кабинетах начальников контор и агентств.

Скромно одетый, в кожаной тужурке, какие в то время носили многие, народный комиссар появлялся в почтовых отделениях, на почтамтах, на телеграфе в разных городах. Он ничем внешне не отличался от обычных посетителей.

Вот он в Нижнем Новгороде. С вокзала он не пошел сразу к начальнику конторы. Несколько часов провел на почте и телеграфе как рядовой посетитель. На почтамте ходил от окошка к окошку и наблюдал за тем, как обслуживают клиентов. А их здесь толпилось много — крестьяне, рабочие, служащие. В основной массе — люди неграмотные, в политической обстановке не разбирающиеся.

У окна приема телеграмм нарком задержался. Подошел крестьянин и робко спросил:

— В Луганск можно телеграмму отправить?

Принимавший телеграммы служащий недоуменно посмотрел на соседа,

— Слышишь, в Луганск можно, что ли, принять телеграмму?

Сосед, нисколько не смущаясь, «авторитетно» разъяснил:

— Ежели срочная, то можно.

Служащий так и заявил мужику:

— Подавайте срочную телеграмму, дойдет.

Мужичок побряхтел, почесал в затылке, но все же раскошелился и заплатил за срочную телеграмму.

Подбельскому хотелось себя ущипнуть — не во сне ли увидел он эту сцену! А что, если проверить? Нарком обратился в то же окошко:

— А в Киев и Екатеринослав можно отправить телеграмму?

— Срочную можно, — последовал совершенно определенный ответ.

«Как это так, — возмущался нарком, — сидеть в Нижнем Новгороде и преспокойно принимать телеграммы в Киев и Одессу, если эти города, как и вся Украина, захвачены немцами!»

Выяснилось, что в конторе имелся список местностей, куда был прекращен прием телеграмм; в этом списке значились Ревель, Нарва, Минск, Псков и другие города, занятые во время февральского наступления немцев, но не было ни одного города Украины. Администрация конторы пыталась оправдаться тем, что Народный комиссар почт и телеграфов не присылал распоряжения о прекращении приема телеграфных отправок на территорию Украины.

Возмущенный таким объяснением, Подбельский, стараясь быть спокойным, вразумлял чиновников:

— Может быть, центральный аппарат комиссариата и допустил какую-либо оплошность. В нем, признаться, много непорядков. Но нам не нужны администраторы, которые настолько закостенили в бюрократизме, что, зная совершенно определенно о занятии Украины немецкими войсками, принимают туда телеграфные отправления лишь потому, что комиссариат не прислал формального уведомления. Да еще обманывают при этом народ, что стоит, мол, только подать срочную телеграмму, как телеграмма обязательно дойдет по назначению.

Больше месяца продолжалась поездка Подбельского по стране. Кроме Нижнего Новгорода, он побывал в Казани, Смоленске, Ярославле.

Советской России угрожала смертельная опасность. Молодая республика была охвачена железным кольцом вражеской блокады. 25 мая 1918 года вспыхнул мятеж пятидесятитысячного чехословацкого корпуса. Действуя вместе с генералами старой армии, чехословаки в короткое время захватили большие районы на линии Пенза — Владивосток. На Севере и на побережье Каспийского моря хозяйничали англофранцузские войска, на юге бесчинствовали красновско-германские банды. Враг рвался к Царицыну, к Москве. Он уже овладел Борисоглебском и Балашовой, грозил Тамбову, — южная часть Тамбовской губернии сделалась прифронтовой полосой.

Каждая телеграмма с фронта щемящей болью отдавалась в сердце Подбельского. Тамбов! Город, в котором прошло его отрочество, где он учился, вступил на путь борьбы, стал профессиональным революционером, — над его родным Тамбовом нависли грозные тучи.

Подбельского неожиданно вызвали в Центральный Комитет партии.

— Вам надо немедленно выехать в Тамбов. Только сейчас получены известия о ликвидации мятежей в Козлове и Тамбове. Ваша задача — поднять партийную организацию и местные власти на ликвидацию последствий мятежей. Главное — мобилизовать все силы на помощь фронту, на изъятие излишков хлеба для голодающих районов страны.

В двадцатых числах июня Вадим Николаевич Подбельский приехал, в Тамбов. Город встретил его настороженной тишиной улиц, суровыми лицами жителей.

Сразу же уполномоченный ЦК и ВЦИК созвал совещание партийных, советских и военных руководителей губернии. Наместили, кому в какой уезд следует ехать, с чего начинать, чтобы укрепить Советы на местах, привлечь на свою сторону бедняков и среднее крестьянство и получить хлеб, который ждут тысячи людей.

Выяснилось, что в дни мятежа почти все работники почты и телеграфа оказались в стане врага. Пришлось Подбельскому наводить порядки и в «собственном хозяйстве». В почтово-телеграфной конторе была создана партийная организация.

Заседания проходили бурно. Какой бы вопрос ни ставили большевики, — касался ли он деятельности Совета Народных Комиссаров, комитетов бедноты, укрепления дисциплины в армии, — представители фракции левых эсеров стремились сорвать его обсуждение.

Председательствовавший на съезде Яков Михайлович Свердлов, с трудом сдерживая возмущение, не раз призывал к порядку шумливых левоэсеровских делегатов.

Во всем поведении левоэсеровской фракции, да и в той деятельности, которую в последние дни развернули левые эсеры, чувствовалось, что они решили попытаться завоевать на съезде Советов большинство и захватить в свои руки власть. Но подавляющая масса делегатов поддерживала большевиков. И тогда в моменты голосования фракция левых эсеров покидала зал заседаний.

С трибуны съезда в адрес партии эсеров звучали гневные речи Владимира Ильича.

«Партия, — говорил он, — которая доводит своих наиболее искренних представителей до того, что и они попадают в это болото обмана и лжи, такая партия — погибшая партия...»

Левые эсеры, не полагаясь на мирный исход борьбы, тщательно разрабатывали планы насильственного захвата власти. Они вербовали сторонников в армии и в важных правительственных учреждениях, создавали свои боевые отряды.

Всероссийской Чрезвычайной комиссии уже удалось обнаружить нити заговора. В дни съезда Советов Москва все больше и больше принимала облик города, объявленного на осадном положении. По многим улицам, особенно там, где размещались правительственные учреждения, патрулировали матросы, разъезжали конные дозоры. Патрули останавливали автомобили, у входа в учреждения проверяли документы.

6 июля 1918 года левые эсеры Яков Блюмкин и Николай Андреев, выполняя задание своей партии, пробрались по подложным документам в здание германского посольства в Денежном переулке и, вызвав посла Вильгельма Мирбаха для беседы в одну из гостиных посольского здания, убили его.

Заседание съезда Советов пришлось прервать. Требовались быстрые и энергичные действия.

Левоэсеровские главарь были арестованы. Но выступили созданные ими боевые отряды. Нарком почт и телеграфов имел основание предполагать, что мятежники прежде всего попытаются завладеть средствами связи — почтамтом, и главное — телефонной станцией и

телеграфом. Тем более что среди руководителей профсоюза почтово-телеграфных служащих имелись сторонники эсеров.

Еще до перерыва Подбельский собрал присутствовавших на съезде работников наркомата в кабинете секретаря ВЦИК и рассказал им о готовящемся мятеже. Он предложил срочно принять меры к охране узлов связи. Тут же отдал распоряжение комиссару телеграфа прекратить передачу всех телеграмм, за исключением телеграмм, подписанных Председателем Совнаркома Лениным и председателем ВЦИК Свердловым.

Сам нарком решил проверить на местах положение дела. Когда он приехал в наркомат, там уже собрались в одной из комнат на экстренное заседание коммунисты — члены Центрального исполнительного комитета почтово-телеграфных служащих,

— Товарищи, нам нужно быть начеку, — говорил Подбельский. — Почта и телеграф могут оказаться первыми объектами борьбы.

Из наркомата Подбельский решил в автомобиле отправиться на телеграф. Машина петляла по глухим переулкам. В одном из переулков, выходящих на Чистые пруды, у гостиницы «Прогресс», дорогу преградили два всадника, как будто из-под земли выросшие перед машиной.

— Кто едет? — раздался окрик.

— Комиссар почт и телеграфов...

— Его-то нам и нужно...

Нарком глянул из машины. Перед ним на непослушном скакуне гарцевал одетый в морской бушлат коренастый, здоровенный детина. На ленточке его бескозырки Подбельский прочитал «Бобр».

Только тогда Подбельский понял, что наскочил на патруль левых эсеров. Раздумывать было некогда. Решение пришло в какую-то долю секунды. Выскочив из противоположной дверцы автомобиля, Вадим Николаевич мигом вбежал в гостиницу. Время, которое потребовалось левозэсеровским молодчикам, чтобы спешиться, оказалось вполне достаточным для опытного подпольщика; он успел подняться наверх и, пробежав через ресторан гостиницы, выпрыгнуть в окно на крышу соседнего дома, а там уже незаметно спуститься на другую улицу и дойти до телеграфа.

Теперь надо было выручать невольного заложника — шофера, а также спасти машину. Но для этого необходимы люди, а из охраны телеграфа невозможно выделить даже одного человека. На телефонной станции охрана была более многочисленна, и, взяв оттуда несколько человек, нарком снова направился к месту, где его пытались арестовать. Однако автомобиля и шофера там не оказалось. Должно быть, их уже увели.

Пока Подбельский собирал людей, на телефонную станцию явился человек в полном вооружении и представился, как уполномоченный Всероссийской Чрезвычайной комиссии, прикомандированный для наблюдения за безотказными действиями некоторых телефонов. Пришелец сунул комиссару станции записку с перечнем этих номеров.

— Ваш мандат, — потребовал комиссар, интуитивно почувствовавший неладное.

— Мандата нету. Дзержинский арестован, — выпалил самозванный «уполномоченный ВЧК».

Видя, что здесь так просто дело не обойдется, кто-то из сопровождавших его предложил:

— Пойдем вниз, там есть телефон, оттуда мы позвоним в отряд...

Подбельский, успевший к этому времени вернуться на телефонную станцию, услышал часть разговора.

В это время позвонили с телеграфа. Туда, оказывается, явился отряд человек в сорок и, заявив, что он прислан наркомом Подбельским, вошел в здание.

Подбельский вспоминал позже:

«Телеграф был занят первым отрядом поповцев (мятежников. — *Ред.*) ... около восьми часов вечера при следующей обстановке: как только я освободился из-под ареста (это было недалеко от телеграфа), я прибежал на телеграф, чтобы взять десять солдат и попытаться отбить автомобиль и освободить шофера, но начальник караула телеграфа отказался мне дать солдат. Тогда я поспешил на телефонную станцию, откуда удалось отправить отряд латышей к месту моего ареста, но там уже автомобиля и шофера не оказалось — поповцы успели увести автомобиль.

Как раз в это время с телеграфа сообщили, что туда явился отряд в сорок человек и, заявив, что он прислан Подбельским, вошел в помещение телеграфа, не встретив со стороны начальника караула возражений. Я немедленно созвонился с начальником телеграфа Тимаковым, отправил его на разведку и выяснил, что отряд Попова явился без ответственного руководителя и находился совершенно не в курсе о цели своего назначения. Позондировав почву, Тимаков выяснил, что отряд считает, что он прислан для охраны телеграфа и, не понимая сущности борьбы, готов подчиняться распоряжениям нашего комиссара. Воспользовавшись этим, я предложил Тимакову постараться изолировать отряд, что Тимакову и удалось сделать путем введения отряда в караульное помещение, где при помощи небольшой воинской силы его можно было обезоружить. Немедленно же я сообщил о происшедшем Троцкому и попросил его прислать отряд хотя бы

в 50 человек верных войск. Не знаю, по каким причинам, но отряд не был прислан в течение нескольких часов, хотя я после этого добивался еще несколько часов присылки его.

Между тем в этот промежуток времени на телеграф уже успел явиться второй отряд Попова, уже во главе с Прошьяном, который и стал распоряжаться на телеграфе...»

Прошьяну удалось проникнуть на телеграф, пользуясь неосведомленностью охраны. Вскоре его небольшая фигура уже замелькала в аппаратной. Здесь собралось человек двадцать служащих. Прошьян подошел к столу и, стукнув кулаком, быстро заговорил:

— Мы убили Мирбаха...

Выждав немного, чтобы увидеть, какое это произведет впечатление, он продолжал:

— Совет Народных Комиссаров арестован...

Он окинул всех взглядом и только тогда заметил среди присутствующих в аппаратной двух-трех активных коммунистов, его старых противников.

— Товарищи, оставайтесь на местах и спокойно работайте! — обратился к телеграфистам один из них.

Прошьян быстро спустился в караульное помещение, где находился отряд моряков-поповцев, крепко обругал их за разболтанность и, взяв с собой несколько человек, снова поднялся в аппаратную. Видно было, что он торопится и нервничает. Оставив вместо себя члена ЦК почтово-телеграфных служащих Василия Лихобабина, Прошьян покинул станцию. Но, уходя, он успел отдать распоряжение об аресте комиссара телеграфа и замеченных им в аппаратной коммунистов.

Несколько крепких парней вывели арестованных из здания телеграфа, предварительно отобрав у них оружие. Арестованных вели по потемневшим улицам и закоулкам Москвы. Везде стояли левоэсеровские патрули. В Покровских казармах горели огни. Конвоир сказал, что все войска, находящиеся в Покровских казармах, перешли на сторону восставших и что сейчас там идет митинг. Недалекий сравнительно путь от телеграфа до дома Морозова в Трехсвятительском переулке, куда привели арестованных, показался им изнурительно длинным и долгим.

Тем временем Лихобабин начал хозяйничать на телеграфе. Прежде всего он передал телеграмму во все отделения телеграфа, предложив задерживать все депеши за подписью Ленина и Свердлова, а равно и депеши, направленные кадетами и монархистами, как вредные для советской власти, которая будто бы находится в руках левых эсеров.

Конвоир, сказавший, что войска, расквартированные в Покровских казармах, перешли на сторону эсеров, солгал. Может быть, он это сделал, чтобы запугать арестованных, а может быть, просто высказал вслух то, что ему хотелось бы увидеть наяву.

Действительность же была иной.

В одном из зданий Покровских казарм разместился Интернациональный батальон, в основном состоявший из латышей, преданных революции, сознательных, уже обстрелянных бойцов.

В помещении штаба батальона былолюдно. В разгар шумного спора раскрылась дверь, и высокий худой человек с заостренной бородкой стремительно вошел в комнату. Увидев внезапно ворвавшегося гостя, все утихло. В наступившей тишине раздался его грудной голос:

— Я Дзержинский. Кто здесь командир?

К нему подошел бравого вида мужчина. На довольно хорошем русском языке он представился:

— Я есть командир Интернационального батальона Янчик Ференц.

Дзержинский направился к стоявшему посреди комнаты столу. Бойцы посторонились, уступая ему дорогу. Дзержинский вынул из бокового кармана карту Москвы и разложил ее на столе.

— Здесь, — начал он, — недалеко от вашей казармы, находятся здания центральной почты, телефона и телеграфа. Левые эсеры захватили их. Необходима ваша помощь, товарищи, нужно выбить врагов оттуда, — это крайне важно. Без телефона и телеграфа мы отрезаны от остальных районов страны.

Феликс Эдмундович принял руководство операцией на себя. Он разъяснил, что только внезапность и быстрота могут решить ее успех.

План Феликса Эдмундовича заключался в том, чтобы разбить весь отряд на отдельные группы, занять улицы, ведущие к почтамту, и одновременно захватить почтамт и телеграф. Внезапно ворвавшись через главный и боковые входы в здание телеграфа, отряд быстро разоружил засевших там мятежников, не дав им вывести из строя телеграфное оборудование. Затем отряд приступил к очистке соседних с телеграфом улиц.

Прибыв из наркомата на телеграф вслед за отрядом Дзержинского, Вадим Николаевич Подбельский оказался в самом огне событий. Требовались быстрые, энергичные действия, сочетаемые с чрезвычайной осмотрительностью.

С телеграфа нарком переходил на телефонную станцию, оттуда на почтамт. Бои шли в течение двух дней — приходилось «выкуривать»

контрреволюционеров из каждого здания.

По части организации связи Красная Армия получила от старой армии весьма скромное наследство. В самом деле, разве можно было говорить о серьезной постановке связи в царской армии, если в ней даже не имелось специального управления связью. Армейские почтово-телеграфные конторы подчас размещались в нежилых комнатах, без полов и печей. Своих квалифицированных кадров связистов армия не имела. Пришлось на первых порах привлечь для обслуживания армии более 2 400 почтальонов, более 4 тысяч рабочих-линейщиков и монтеров и тысячи других сугубо гражданских людей из почтово-телеграфного ведомства. Эта мобилизация специалистов совершенно обескровила связь в тылу.

Вопрос об организации связи в армии следовало решить быстро и капитально.

Поэтому, как только Подбельский вернулся в Москву после объезда многих прифронтовых районов страны, он немедленно позвонил Ленину, а поздно вечером явился к нему для беседы.

Это была первая встреча с Владимиром Ильичем после его выздоровления.

Известие о злодейском покушении на Ленина застало Подбельского в командировке. Он тогда немедленно вернулся в столицу. Сразу же нарком разослал по всем почтово-телеграфным учреждениям письмо. Гневно клеймил он организаторов убийств и покушений. «Белогвардейская сволочь, — писал он, — пошла по пути предательского нападения из-за угла на вождей нашей рабоче-крестьянской революции». Наркомпочтель призывал выгнать из «трудовой почтово-телеграфной среды всех, кто в какой-нибудь степени прикосновенен к этой преступной банде белогвардейских социалистов-революционеров...».

Беседа с Лениным была долгой и откровенной. Нарком подробно изложил главе правительства положение со связью в стране и в армии.

— Я глубоко убежден, Владимир Ильич, — возбужденно говорил он, — что основную причину царящего хаоса в области связи на фронтах следует искать прежде всего в отсутствии в военном ведомстве того полномочного органа или даже того должностного лица, которое бы обладало полнотой власти и несло бы ответственность за положение

телеграфной, телефонной, радиотелеграфной и почтовой связи на фронтах.

Картина, которую Подбельский рисовал, была не из радостных.

— Ежедневно у нас берут для армии громадное число телеграфистов, механиков, надсмотрщиков, а также аппараты, проволоку, элементы и прочее, — говорил он. — Мы отдаем Красной Армии почти треть всех тех материалов, которые получает ведомство, да и то в очень ограниченном количестве, для наших оседлых учреждений. Мы бедны как техническими силами, так и материалами. А при той недопустимой преступной расточительности, с которой эти богатства растрачиваются, скоро может наступить момент, когда у нас не будет ни того и ни другого.

— Но в одной ли здесь преступной расточительности дело? — спросил Владимир Ильич.

— Сомневаюсь, что дело здесь в безобидной расточительности. Я думаю и, пожалуй, в этом убежден: здесь не обошлось без предательства и саботажа. Вполне возможно, что здесь ведется именно преступная линия: растратить наши телеграфные технические силы и средства, а затем оставить фронт без связи.

— Какой же вы предлагаете выход из положения?

Этого вопроса Подбельский как будто только и ждал.

— Единственный выход из положения — немедленно создать тот полномочный орган, который бы имел право диктаторски распоряжаться радиотелеграфной, телеграфной, телефонной и почтовой связью на фронтах.

Прощаясь с Подбельским, Владимир Ильич заметил:

— Трудно, должно быть, вам приходится. Никогда ведь не думали, что таким хозяйством придется управлять.

— Конечно, порой трудно бывает...

— Что делать... Наркомами не рождаются, ими делаются.

...Беседа с Владимиром Ильичем состоялась 23 ноября 1918 года, а уже через три дня по докладу Подбельского Совнарком принял решение об учреждении Верховной комиссии телеграфной связи. Председателем комиссии был утвержден Вадим Николаевич Подбельский.

Спустя почти год — 20 октября 1919 года — было создано Управление связи Красной Армии. Начальником управления был назначен член Коллегии Наркомпочтеля, ближайший помощник Подбельского — Иннокентий Андреевич Халепский.

Как-то, беседуя с Владимиром Ильичем, Подбельский обратил его внимание на то, что все основные стационарные радиостанции в стране принадлежат военному ведомству, которое, кстати, их довольно плохо эксплуатирует. Из-за этого в стране почти нет гражданского радио.

И он изложил Председателю Совнаркома свои соображения по поводу передачи в ведение Наркомпочтеля всей радиосвязи в стране. В июне 1918 года уже было принято постановление Совнаркома о передаче из военного ведомства в ведомство Народного комиссариата почт и телеграфов нескольких радиостанций. В числе переданных Наркомпочтелю военных радиостанции были Ходынская, Царскосельская и Тверская.

Особое внимание народного комиссара привлекла Тверская радиостанция. И к этому имелось достаточно оснований.

Довольно мощные Ходынская и Царскосельская радиостанции, предназначавшиеся для международных сношений, были построены в конце 1914 года в рекордно короткий срок — за сто дней. Чтобы работа этих станций не могла мешать приему, на разном расстоянии между ними — в Твери — выстроили приемную станцию.

...В 1916 году на Тверскую станцию был прислан талантливый инженер поручик Михаил Александрович Бонч-Бруевич, настоящий энтузиаст радиодола.

С юношеских лет Бонч-Бруевич увлекался радиотехникой. Служа в истровых частях армии, он вскоре благодаря своим исследованиям истрового разряда был признан крупным специалистом в этой области. Получив назначение в Тверь, Бонч-Бруевич рассчитывал найти там благоприятные условия для экспериментальных работ. Но оказалось, что член Главного военно-технического управления профессор радиотехники полковник Муромцев, отличавшийся косностью взглядов и недоброжелательным отношением к молодым талантливым кадрам, запрятал Бонч-Бруевича на Тверскую радиостанцию, чтобы помешать ему заниматься научно-техническими исследованиями.

Однако полковник Муромцев ошибся в своих расчетах. Михаил Александрович Бонч-Бруевич, обходя Муромцева и не обращая внимания на косые взгляды начальника станции капитана Аристова, солдафона и рутинера, продолжал свои исследования. Добывая всеми правдами и неправдами простейшие приборы, он с большим трудом оборудовал у себя на квартире лабораторию и начал работать над созданием катодных ламп и разработкой схемы ламповых усилителей и генераторов.

После революции Бонч-Бруевич неумоимо продолжал свои

исследования, хотя ему и приходилось слышать, что неграмотным рабочим и крестьянам его работы не потребуются.

— Это нужно России, — отвечал Михаил Александрович Бонч-Бруевич.

А вскоре стало известно, что Муромцев удрал за границу.

В 1918 году на станцию пришел энергичный и деловой Владимир Михайлович Лещинский. Новый начальник сразу нашел общий язык с Бонч-Бруевичем, горячо одобрил его экспериментальные работы над созданием отечественных катодных ламп.

Опытный, любящий свое дело инженер, Лещинский подбирал работников для радиостанции среди радистов, с которыми он служил еще в искровых частях старой армии. И все, кто знал этого энергичного, чуткого человека, с удовольствием откликались на его вызовы. Так стали работать на радиостанции Петр Алексеевич Остряков, Иван Васильевич Селиверстов, Иван Алексеевич Леонтьев.

Почти одновременно с Подбельским в Наркомпочтеле начал работать Аким Максимович Николаев. Одногодок Подбельского, Николаев тоже прошёл большую жизненную и революционную школу. В Коммунистическую партию он вступил в 1904 году, участвовал в первой русской революции, а в годы реакции вынужден был эмигрировать. В Цюрихе Николаев познакомился с Лениным. В годы первой мировой войны он вел большевистскую агитацию среди солдат. В дни Октябрьского переворота состоял в «пятерке» по руководству восстанием во Владимире. Здесь он и работал с первых дней революции губернским комиссаром почты и телеграфа.

В Наркомпочтеле Николаеву было поручено познакомиться с положением радиодела в стране, — Аким Максимович был хорошим специалистом в области радио. В годы эмиграции во Франции окончил высшую радиотехническую школу, и ему приходилось даже работать в радиолaborатории одной из французских фирм. Еще тогда его волновала и возмущала мысль: его родина открыла миру радио, а какая была в России радиотехническая промышленность? По существу, никакой. Разве можно считать несколько небольших заводиков — на Шаболовке в Москве да на Лопухинке в Петрограде? Спустя два года после создания Айзенштейном завода в Петрограде его хозяином стала, по существу, фирма Маркони. Были еще заводы Сименса^[15], но ведь и ими владели иностранцы.

Николаев вскоре после назначения в Наркомпочтель отправился на Тверскую радиостанцию.

Познакомив его со станцией, Лещинский сказал:

— А сейчас я покажу вам нечто такое, что мы называем «для души»...

И он повел гостя в стоявший невдалеке тесовый барак.

— Это наша маленькая лаборатория. Здесь мои товарищи по службе занимаются исследованиями.

Он познакомил члена Коллегии Наркомпочтеля с небольшим коллективом лаборатории.

В тот же день Николаев докладывал Подбельскому о результатах своей поездки в Тверь и о положении в радиолaborатории.

— Да это ведь настоящие подвижники! А этот Бонч, как его там все называют, всех заражает своим энтузиазмом. У преподавателя физики местной школы он выманил воздушный насос, почти всю москательную лавку скупил для своей менделеевской замазки. В писчебумажном магазине не найти ни одной палочки сургуча — все скупил Бонч...

Вадим Николаевич рассмеялся.

— А из аптеки, — продолжал Николаев, — исчезли стеклянные и резиновые трубки. Говорят, чтобы добыть вольфрамовую проволоку, он покупал обычные осветительные лампы, ломал их и извлекал из них вольфрамовую нить.

В середине июня 1918 года Лещинский докладывал на Коллегии Наркомпочтеля о работах, выполняемых лабораторией, или, как ее официально именовали, мастерской. Коллегия признала весьма полезной деятельность лаборатории и утвердила для нее штат. Управляющим лабораторией был назначен Лещинский, а техническим руководителем — Бонч-Бруевич.

Прощаясь после заседания Коллегии с Лещинским, Вадим Николаевич Подбельский пообещал ему:

— Приеду посмотреть, как вы там живете.

И вот в конце июня 1918 года Подбельский поехал на Тверскую радиостанцию. Старомодный лимузин остановился у одиноких невзрачных бараков на Желтиковом поле на берегу Волги.

Приезда наркома на станции не ждали, поэтому никто и не встречал гостя.

Нарком предъявил пропуск и прошел на станцию. В первой же

комнате он представился:

— Здравствуйте! Я народный комиссар Подбельский. Зовут меня Вадим Николаевич.

Народный комиссар ходил из кабинета в кабинет, внимательно все осматривал.

— А это, наверное, то, что вы называете «для души»? — показал нарком на стоящий в отдалении тесовый барак. — Мне рассказывал Аким Максимович.

Лещинский повел его в лабораторию Бонч-Бруевича.

— Все наши люди в основном военные, — рассказывал Лещинский. — И работают они прямо-таки с остервенением.

От острого взгляда Подбельского ничто не ускользнуло. Он поразился, в каких тяжелых условиях работали люди... В комнате воздух был насыщен бензиновыми парами: под столом стоял бачок с бензином для питания горелок, а воздух нагнетался при помощи мехов. Оборудование выглядело убого. Закопченные стены лаборатории казались насквозь пропитанными маслами и бензином.

— Как это вы тут до сих пор не сгорели?

Нарком сразу оценил, какое огромное значение имеют работы по производству ламп. Во время поездок по стране он встречался с одним и тем же положением: нет катодных ламп, и станции часто выходят из строя.

Эти лампы в основном ввозили из Франции, стоили они дорого, работали же очень непродолжительное время. Те лампы, что изготавливает лаборатория, как утверждают Бонч-Бруевич и Лещинский, работают дольше, а если наладить их массовое производство, то и стоимость их будет невелика.

Тут же на улице у здания радиостанции нарком собрал всех работников лаборатории и повел разговор о возможностях увеличения выпуска ламп.

— Из-за их отсутствия у нас бездействуют военные радиостанции в армиях, на кораблях. Говорите, что вам нужно, чтобы выпускать побольше этих ламп.

— Сколько надо ламп? — спросил, в свою очередь, Бонч-Бруевич.

— Ну, скажем, тысячу в месяц.

— Прежде всего необходимо стекло. Нужно примерно двадцать килограммов.

— А взять его где?

— На «Дружной горке» под Гатчиной, — ответил Бонч-Бруевич.

— Еще что?

— Много еще нужно. И вольфрам, и никель, и вакуумная резина, и алюминий для электродов, — быстро перечислял руководитель лаборатории.

— А сейчас откуда вы это достаете?

Бонч-Бруевич вздохнул.

— С миру по нитке, Вадим Николаевич, — ответил за него Лещинский. — Достаем, где что можем: на заводе Айваза^[16] из отходов, в химических лабораториях, даже в местной аптеке.

— Н-да...

— Но главное — газ. На бензине трудно работать. Нужен газ. Хорошо бы построить здесь газовый завод.

— А это уже нереально, и вы сами это хорошо знаете. Надо искать другое решение, — ответил нарком.

— Пожалуй, можно найти и другое решение — возить сюда газ из Петрограда, — сказал Бонч-Бруевич. — Но как?

— У нас достаточно своего почтового транспорта, пусть транспортировка вас меньше всего беспокоит.

— Еще нужна электроэнергия, вставил Бонч-Бруевич. — Да и вода нужна. Нужно бы построить свою электростанцию...

— И это нереально, — так же решительно ответил нарком.

Немного подумав, Подбельский предложил:

— Вот что, товарищи. Я вижу, что дело вы делаете большое и очень нужное, планы у вас большие и хорошие. Но нам срочно необходимы лампы, а вы тут предлагаете заняться капитальным строительством. Не проще ли немедленно переехать вам в другой город и там наладить массовое производство ламп?

Не успели еще Лещинский и Бонч-Бруевич опомниться от неожиданности этого предложения, как нарком сказал, обращаясь к Лещинскому:

— Вот что, Владимир Михайлович. Завтра в двенадцать часов я буду ждать вас в наркомате. Надеюсь, вы адреса не забыли: Большая Дмитровка, двадцать два! Подготовьте список пообстоятельнее — все, что вам потребуется для расширения производства. Учтите: нам нужны свои лампы, и чем скорее, тем лучше...

По правде говоря, Бонч-Бруевич, Лещинский и другие работники лаборатории не особенно полагались на порыв молодого наркома. Ведь и год-полтора тому назад приезжали на радиостанцию представители Временного правительства, тоже интересовались работами по изобретению и изготовлению радиоламп, наобещали «с три короба», но так ничего и не

сделали. Не повторится ли и теперь то же самое?

И все-таки до глубокой ночи работники лаборатории составляли список необходимого оборудования. А утром следующего дня Владимир Михайлович Лещинский уже был на приеме у Наркомпочтеля,

Подбельский внимательно прочитал докладную записку и заявку Лещинского.

— Вот что, — сказал он начальнику лаборатории — к первой годовщине Октября должна быть готова первая партия ламп. Переезжайте, куда хотите. Место выбирайте сами. Я обещаю вам, со своей стороны, полное содействие...

Нарком открыл дверцу нестораемого шкафа, извлек оттуда довольно объемистый пакет и передал Лещинскому.

— Здесь вам на переезд и на первое обзаведение. И еще подумайте-ка о привлечении к работе специалистов, а если нужно» и ученых-консультантов. Денег на это мы вам дадим.

Лещинский робко взял пачки ассигнаций. Десять тысяч рублей! Да это же целое состояние! Значит, правительство не только придает серьезное значение производству радиоламп, но и возлагает большую ответственность на скромный коллектив лаборатории.

В Твери с нетерпением ждали возвращения Лещинского. С чем он вернется? Что сказал нарком?

И вот Лещинский вернулся. В этот вечер никто не покидал лабораторий.

А наутро Лещинский и Бонч-Бруевич уже мчались в Казань — в первый город, который показался им подходящим для устройства новой лаборатории. Но после внимательного знакомства с городом решили, что он не подходит — далековато от столицы. Кроме того, где-то поблизости идут бои с белогвардейскими генералами. Из Казани отправились в Нижний Новгород. Местные власти назвали несколько адресов. Длинные помещения казенных винных складов оказались очень неудобными. «Вдовый дом» имени Бугровых и Блинова на Монастырской площади хотя и был добротным, но тоже не подходил для мастерских лаборатории. Более всего отвечало необходимым требованиям совсем недавно оставленное семинаристами здание общежития на Набережной улице, расположенное на живописном высоком берегу Волги.

Здесь, на берегу великой Волги, и суждено было родиться радиотехнической лаборатории.

Уже через несколько дней в здании бывшего общежития семинаристов

работа шла полным ходом. Лещинский и Бонч-Бруевич торопились. Осталось всего лишь несколько месяцев до годовщины Октября, и надо было успеть наладить массовый выпуск ламп.

Волновался и народный комиссар, хотя он сразу же почувствовал, что эти люди не подведут. И не ошибся. К годовщине Октября первая большая партия отечественных радиоламп была готова.

В середине ноября нарком доложил об этом Владимиру Ильичу и предложил узаконить положение лаборатории.

2 декабря 1918 года Председатель Совнаркома подписал положение о радиолaborатории Наркомпочтеля. Надо, чтобы «лаборатория явилась первым этапом к организации в России государственного радиотехнического института...» — так записано в декрете правительства, подписанного В. И. Лениным.

Спустя несколько месяцев один за другим в лабораторию пришли крупнейшие ученые в области радио. С петроградского завода «Дека» перебрался в Нижний талантливый инженер Валентин Петрович Вологдин. В начале следующего года, когда развернулись бои с Юденичем под Петроградом, начальник Детскосельской радиостанции Александр Федорович Шорин вывез все оборудование и, взорвав помещение станции, переехал со всем ее штатом в Нижегородскую радиолaborаторию. В качестве консультанта был приглашен профессор Владимир Константинович Лебединский, который вскоре сделался душой лаборатории, стал редактором журналов «Радиотехника» и «Телеграфия и телефония без проводов». В лаборатории начались работы по созданию мощных ламп, радиопередатчиков, антенн, машин высокой частоты, ртутных колб, выпрямителей, закладывались основы пишущего радиоприема, телемеханики...

Первая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции была в стране отмечена как самый большой праздник.

6 ноября 1918 года связисты Москвы собрались в просторном зале Московского почтамта на праздничный митинг-концерт.

Ждали выступления наркома.

Вадим Николаевич Подбельский пришел на митинг к самому началу. Целый день он присутствовал на заседаниях VI Чрезвычайного съезда

Советов. Он целиком находился под впечатлением только что прослушанного доклада Ленина о первой годовщине Октябрьской социалистической революции и о дальнейших задачах советской власти.

Многолюдный зал бурно встретил Подбельского. И когда гул оваций немного смолк, нарком начал речь:

— Товарищи! Приветствую вас с годовщиной рабоче-крестьянской революции! Тяжелый путь оставили мы позади себя; потоками крови залит этот путь; тень голода и холода витала над нами непрерывно...

Во имя разрушения мира насильников и эксплуататоров, во имя победы труда, победы рабочих и крестьян должны были мы пережить этот период. И сегодня, в день годовщины пролетарской революции, я счастлив приветствовать вас именно с этой величайшей в мире победой...

Снова аплодисменты покрыли слова оратора.

— Дрогнули грозные до сих пор ряды империалистов. Международная буржуазия уже не может скрыть своего страха перед мировым большевизмом. Красный призрак делается неизлечимой болезнью ожиревшей в своем благополучии мировой буржуазии. И это мы должны признать для себя лучшим красным подарком, какой только могла нам поднести мировая история...

Российский рабочий класс и наше беднейшее крестьянство совершили величайшую в истории дерзость. Как же! Рабочие и крестьяне самой бедной, самой некультурной из европейских стран вздумали свергнуть вековое рабство помещиков и капиталистов и взять власть в свои трудовые руки. Какая дерзость!..

Целый год прожили мы вместе, перенесли на своих плечах все тяжелые испытания кровавой волны мировой социальной революции... За это время мы достаточно поняли друг друга, туман лжи и клеветы рассеялся под ударами самой жизни. И те-из вас, в ком действительно бьется горячее трудовое сердце, кто честно и искренне заблуждался, те пришли теперь к нам и сказали: «Наше место среди рабочих и крестьян!»

Зал встретил громовой овацией последние слова наркома.

Вслед за Подбельским выступили комиссар телеграфа Булак, заместитель наркома Любович.

Седьмого ноября яркое солнце с утра заливало улицы и площади Москвы.

Никогда еще столица не знала такого живого и радостного потока людей. Почтово-телеграфные работники впервые вышли на демонстрацию большой массой.

До площади Революции народный комиссар шел вместе с колонной

почтово-телеграфных служащих. Вместе с ними пел революционные песни, шутил, смеялся. На площади Революции Вадим Николаевич оставил колонну почтовиков. Предъявив пропуск, он прошел к импровизированной трибуне, у которой уже стояли Ленин, Свердлов, Дзержинский и другие руководители партии и государства. Здесь открывали памятник основоположникам научного коммунизма Марксу и Энгельсу. С речью к собравшимся обратился Ленин.

— ...Нас ждут еще тяжелые битвы. В общей борьбе будет сломан гнет капитала, будет окончательно завоеван социализм!

С площади Революции все двинулись на Красную площадь. У Кремлевской стены состоялось открытие мемориальной доски борцам Октябрьской революции. Снова выступил Владимир Ильич.

— Тысячи и тысячи гибли в борьбе с царизмом, — говорил он. — Их гибель будила новых борцов, поднимала на борьбу все более и более широкие массы.

...Перед их памятником дадим себе клятву идти по их следам, подражать их бесстрашию, их героизму.

Народ, запрудивший площадь, в напряженной тишине, слушал вождя, безмолвно повторяя за ним священную клятву.

В начале января 1919 года Владимир Ильич Ленин вызвал к себе Подбельского. Военная связь все еще действовала плохо. Необходимо было усилить помощь армии.

— Хочу поэтому поручить вам дело огромной важности: основательно просмотреть состояние связи не только на местах, но и в центре и даже в Штабе Реввоенсовета республики... Это поручение правительства и партии, и вам даются чрезвычайные полномочия. С вами будет комиссия — Халепский и Бакинский. Распределите сферу действия и немедленно приступайте к делу.

На следующее утро Подбельский уже был в Козлове, где размещался штаб Южного фронта.

Армии Южного фронта вели ожесточенные бои с войсками Деникина, сдерживая натиск противника, рвавшего к Москве и Царицыну.

Военную связь Южного фронта возглавлял член Реввоенсовета фронта Сергей Иванович Гусев. Старый большевик, вместе с Лениным и

Бабушкиным работавший в петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». Подбельский познакомился с Гусевым в августе 1917 года на VI съезде партии, делегатами которого они были.

Гусев помог Подбельскому представить яснее картину состояния связи на фронте. Оказалось, что существуют только должности начальников связи при штабах армий, но штатов при них никаких нет.

— Нам придано мало рабочих колонн, — говорил Гусев. — И они не успевают справляться с восстановлением даже постоянных линий, не хватает связистов, мастерских для ремонта телеграфного оборудования.

Подбельский обещал помочь.

— Надо только лучше оберегать оборудование и охранять линии связи, — посоветовал он. — На Тамбовском участке повсюду на дорогах валяются срубленные телеграфные и телефонные столбы, оборванные провода.

В тот же день по Тамбовскому участку фронта был издан приказ об охране телефонной и телеграфной сети. На всем протяжении линий связи Тамбовского участка фронта устанавливались специальные вооруженные сторожевые посты.

ОСОБОУПолНОМОЧЕННЫЙ ЦК и ВЦИК

В первых числах мая 1919 года Вадим Николаевич снова был направлен Центральным Комитетом партии в Тамбов.

Наступление Колчака на Восточном фронте чрезвычайно осложнило обстановку в стране. ЦК РКП (б) призвал всех трудящихся встать на защиту Родины. В апреле Совнарком объявил общую мобилизацию рабочих и крестьян. Чтобы помочь местным организациям провести мобилизацию, ЦК послал в ряд губерний крупных партийных работников. В Тамбове среди руководителей губернии Вадим Николаевич обнаружил некоторую растерянность. Надо было принимать срочные меры.

По предложению Подбельского 9 мая был создан мобилизационный центр. В него вошли: особоуполномоченный ЦК партии и ВЦИК, представитель губкома партии и губернский военный комиссар.

Центр прежде всего назначил уполномоченных по всем двенадцати уездам губернии. Подбельский вместе с губкомом партии кропотливо подбирал кандидатов на эту ответственную работу. Он тщательно

проинструктировал каждого уполномоченного.

В стране в это время была объявлена партийная мобилизация: «Коммунисты — на фронты гражданской войны!», «Коммунисты — в первые ряды защитников советской власти!» Призыв партии нашел горячий отклик во всех партийных организациях страны. По требованию ЦК Тамбовский губком через каждые три дня телеграфно сообщал о количестве мобилизованных. За две недели — с 11 по 24 мая — мобилизовано было 785 коммунистов. Мобилизация началась 11 мая, а уже 15 мая была сформирована и отправлена на фронт первая рота коммунистов. Кроме того, в особый отряд в Москву направлено 20 коммунистов, на командные курсы — 16. Союз молодежи мобилизовал 68 молодых тамбовцев.

Получив от революции землю и «замирение», крестьянство не хотело ничего слышать о мобилизации, о войне. Особенно сильны были эти настроения в районах, еще не испытавших белогвардейского вторжения. «Пусть воюет, кто хочет, белые, может, сюда и не придут, а если и придут, так, глядишь, они уж и не так страшны. Мое дело — землю пахать». Приблизительно так рассуждала часть крестьянства и уклонялась от мобилизации в Красную Армию. Кулаки, эсеры, белогвардейцы всячески поддерживали среди крестьян такие настроения, подкрепляя их самыми невероятными слухами. Дезертирство в начале 1919 года представляло серьезное бедствие.

Немало дезертиров встречалось и на Тамбовщине. Во многих волостных исполкомах засели кулаки. Они не только не вели с дезертирами никакой борьбы, но и укрывали их. В этом убедился Подбельский, объезжая уезды.

Вечером 28 мая 1919 года особоуполномоченный ЦК партии и ВЦИК продиктовал телеграмму в Москву:

«Следует издать специальное постановление Совета Оборона о привлечении к суровой ответственности вплоть до расстрела официальных представителей власти, которые потворствуют дезертирству».

Затем, беседуя с товарищами в губкоме партии, Подбельский как бы продолжил изложенную в телеграмме мысль:

— Дезертирство сейчас — один из самых опасных врагов. И пока не будут приняты меры во всероссийском масштабе, борьба с дезертирством не будет успешной.

...Положение в губернии с каждым днем обострялось. Кулаки пугали крестьян скорым крахом Советов, саботировали советские законы,

скапливали силы и готовились к решительной схватке. Назревала угроза крупного мятежа.

В деревне Малая Лазовка Тамбовского уезда в конце мая состоялась сходка. Председатель волостного исполкома вошел в сборную избу, когда она была уже переполнена. С ним был гость, но в темноте, за клубами дыма, никто его толком и не разглядел. Гость поздоровался. На минуту воцарилась тишина, и председатель объявил, что в село приехал народный комиссар из Москвы и хочет поговорить с крестьянами.

Подбельский — он был этим московским гостем — рассказал о тяжелом положении страны, о значении революции, о том, что она дает рабочим и крестьянам, о Ленине. Говорил он и о том, что весь народ сейчас должен подняться на разгром врага, и потому нельзя никак мириться с дезертирством.

К столу подошел бедняк Семен Яркин. Все знали, что он горой стоит за советскую власть. Знали, что он не из ленивых и не из трусливого десятка. Семен Яркин мял фуражку, пытаясь найти нужные слова.

— Так что считаю, что товарищ комиссар из Москвы правду нам сказал, — начал он. — Надо нам всем помочь новой советской власти всех генералов выгнать, а тогда у нас и спрос с власти большой будет...

Яркин закончил тем, что просил считать его добровольцем Красной Армии.

Вадим Николаевич подошел к Яркину, крепко пожал его большую заскорузлую руку.

— Спасибо, от всей нашей власти спасибо вам, товарищ Яркин. Только как же с вашей семьей, с детками?

Сходка зашумела. Послышались возгласы:

— Не дадим его жинку и детишек в обиду! Пускай только воюет, как положено...

Собрание решило построить семье Семена Яркина новую хату. Кроме того, записали в протокол собрания: в три дня всех дезертиров, которые скрываются в деревне, отправить на фронт, а кто не захочет пойти, тех предать властям как врагов республики.

Немало в те дни прошло подобных собраний по губернии. Разные были эти собрания. Где верх брали честные советские люди, а где и кулакам удавалось натравить людей на советскую власть. Но как бы то ни было, дезертиров с каждым днем становилось все меньше, а на фронт уходили все новые и новые отряды добровольцев, в первую очередь коммунистов.

Как уполномоченный ЦК и ВЦИК на Тамбовском участке фронта, Подбельский постоянно выезжал на переднюю линию фронта, на самые опасные его участки, много времени проводил среди действующих частей Красной Армии. Он видел, в каких неимоверно трудных условиях воюет Красная Армия. Вооружения и боеприпасов мало, не хватает обмундирования — шинелей, сапог и даже обмоток и портянок.

Подбельский хорошо знал, что в таком тяжелом положении находится и вся Красная Армия: молодое Советское государство не имеет еще ни средств, ни возможностей, чтобы за такой короткий срок обмундировать огромную армию.

И вот совсем неожиданно пришла мысль об изготовлении обмундирования для армии на месте, своими силами.

...Особоуполномоченный ЦК и ВЦИК возвращался с заседания губкома партии. На Инвалидной улице его внимание привлек небольшой свечной завод, принадлежавший когда-то тамбовской епархии. После революции доходы завода упали и «святые отцы» совершенно его забросили.

Подбельский решил посмотреть, что же сейчас там делается.

В помещении пахло кожей, вдоль стен лежали хомуты, седла, на низких табуретах сидели рабочие и тянули навощенные дратвы, что-то сшивая. Очевидно, он попал в шорную мастерскую.

А нельзя ли здесь наладить и обувное производство?

На следующий день Вадим Николаевич выяснил у председателя губисполкома Михаила Дмитриевича Чичканова, что еще в прошлом году эвакуированные из Оренбурга рабочие попросили передать им бездействующий свечной завод для организации седельно-сапожного производства.

— Производство это они организовали неплохо, — сказал Вадим Николаевич. — А сейчас нам нужно срочно наладить выпуск обуви. Нельзя ведь допустить, чтобы наши красноармейцы босиком воевали...

Вспомнилось, как и смешно и больно ему было слышать о том, что в губернии даже образован «Чеквалап» — Чрезвычайная комиссия по изготовлению лаптей. Мастерские «Чеквалапа» в Шацком и Спасском уездах изготовляли для армии и тыла сотни тысяч лаптей...

Вечером Чичканов и Подбельский долго беседовали с заводскими

представителями о том, как быстрее переключиться на производство обуви. Подсчитано было, что при наличии сырья завод сможет ежемесячно выпускать до двадцати пяти тысяч пар обуви.

Вадим Николаевич послал телеграмму Ленину. Он сообщил о возможности переключить бывший свечной завод на производство обуви. В тот же день пришел ответ:

«Подтверждаю ваше решение немедленно отдать свечной завод для производства обуви; также, чтобы тамбовский губкож выдал тамбовскому губвоенкому материал на 25 000 пар в месяц. Исполнение телеграфируйте.

Предсовоборона Ленин».

И завод за короткое время превратился в обувную фабрику. Губкож снабжал фабрику достаточным количеством юфти и подошвенной кожи. Выпуск обуви с каждым днем возрастал.

Одновременно в городе открылись артели, в которых шили обмундирование для Красной Армии. Но не хватало опытных швей, и тогда по предложению Подбельского рабочие заводов и железнодорожных мастерских послали в эти артели своих жен,

У особоуполномоченного ЦК и ВЦИК, кроме задачи организации тыла и оказания помощи фронту, была еще и другая, не менее важная задача. Как и в прошлом, 1918 году, Москва и весь север страны испытывали огромные продовольственные затруднения. Политбюро ЦК, назначая особоуполномоченных во все прифронтовые губернии, подчеркивало их роль в мобилизации излишков хлеба для голодающих губерний страны. Особенно это касалось южных губерний, где у зажиточной части крестьян был припрятан изрядный запас хлеба.

Стране был нужен хлеб — значит, необходимо забрать его у кулаков.

Губком партии созвал чрезвычайное заседание губернского и уездного комитетов, губернского и уездных Советов, правления губернского Совета профсоюзов. На заседание пригласили и представителей фабрик и заводов Тамбова. Первым выступил особоуполномоченный ЦК РКП (б) и ВЦИК.

— Это чрезвычайное заседание, — начал Подбельский, — созвано в связи с получением телеграммы от Председателя Совнаркома Владимира Ильича Ленина о голоде, царящем в Москве и Питере, и для обсуждения мер помощи, которую тамбовский пролетариат может оказать

голодающему пролетариату севера...

Как и чем может помочь Тамбов голодающей столице? На этот вопрос ответил губпродкомиссар Гольдин.

— Раньше, — сказал он, — из губернии вывозилось тридцать пять миллионов пудов излишков хлеба, а в этом году губерния дала только восемь миллионов пудов. Это чуть-чуть больше пятой части ее нормального вывоза. Следовательно, хлеб есть, но его припрятывают кулаки и запуганные ими середняки.

Снова Вадим Николаевич Подбельский взял слово:

— В этом зале собрался, если можно так выразиться, парламент труда. И я от лица Советского правительства и по поручению нашего вождя Владимира Ильича Ленина обращаюсь к вам с призывом: не медля ни минуты, прийти на помощь изнемогающему от кошмара голода пролетариату севера, который неизменно был на передовых постах революции, непрерывно выносил на своих плечах всю тяжесть революционной борьбы.

Как всегда, Подбельский говорил страстно, вдохновенно.

— В этот грозный час, когда к нам обращается наш великий вождь товарищ Ленин, мы должны поклясться, что сумеем создать настоящий аппарат пролетарской диктатуры, аппарат точного учета и мобилизации всех имеющихся у нас хлебных запасов. Расхлябанность должна быть в корне уничтожена. Тамбовским советским органам надо подтянуться. Реальная помощь северу может и должна быть оказана!

Резолюцию приняли единогласно:

«Приветствовать красных рабочих Москвы, Петрограда, которые, несмотря на тягчайшие продовольственные испытания, ведут титаническую борьбу на передовых постах революции. Братски поделиться с ними своим хлебным пайком, отчисляя ежедневно от каждого пайка четверть фунта впредь до реализации нового урожая...»

...В начале августа 1919 года ударный кулак Деникина на юге — конница Мамонтова, оторвавшись от основных сил армии, начала наступление на Тамбов и Козлов. 7 августа белоказаки переправились через реку Хопер, а 10 августа обрушились на левый фланг 8-й армии Южного фронта, занимавшей оборону на участке реки Савола — станция Колено. К

16 августа отрядам мамонтовской конницы настолько удалось приблизиться к Тамбову, что город и весь Тамбовский укрепрайон были объявлены на осадном положении.

Белоказаки забирали у крестьян хлеб, разрушали железнодорожные пути, сжигали железнодорожные станции, валили и сжигали телефонные и телеграфные столбы. На линии Тамбов — Козлов между станциями Сабурово и Селезни белоказаки взорвали мост и прервали связь со штабом Южного фронта...

Незначительные силы Красной Армии не могли сдержать натиск белогвардейских войск. Тактика командования заключалась в том, чтобы собрать под Тамбовом крепкий кулак Красной Армии и отсюда погнать врага, не давая ему передышки.

В полдень 17 августа после ожесточенного боя части Красной Армии заняли станцию Романовка. В это время особополномоченному ЦК партий и ВЦИК передали телеграмму.

«Прошу сообщить немедленно, — требовала от особополномоченного по поручению ЦК секретарь ЦК Елена Дмитриевна Стасова, — в каком состоянии Тамбовская бригада и остальные части Тамбовского гарнизона. Приняты ли все меры, чтобы встретить должным образом зарвавшегося противника? Мобилизованы ли коммунистические отряды Компрода, ЧК? Дана ли директива коммунистическим ячейкам и исполкомам на местах организовать задержку противника повсюду, где только можно... Противника необходимо всячески беспокоить и постараться истрепать его местными силами, пока главные силы не нанесут ему окончательного удара. Держите каждую пядь, ничего не отдавайте без упорного сопротивления».

Особополномоченный задумался над телеграммой. Все ли сделано, чтобы местными силами задержать наступление врага до подхода главных сил Красной Армии? Хорошо сражается Тамбовская бригада, основной костяк которой составляют коммунисты. Успешно проходит партийная мобилизация, и теперь в армию ежедневно вливаются десятки стойких и проверенных бойцов. На местах созданы партийные организации, а это тоже немалый фактор для укрепления влияния партии и Советов среди крестьянства. Налажен выпуск обмундирования для армии. Он сам участвует в формировании отрядов для отдельных наступательных операций. И все же местных сил еще недостаточно. Но тем не менее драться надо за каждую пядь земли.

Конница Мамонтова стремительно двигалась к Тамбову. И как бы героически ни дрались небольшие подразделения, стараясь сдерживать

натиск белогвардейской конницы, казакам все же удалось подойти к городу.

Ранним утром 18 августа 1919 года казаки ворвались в город.

Командование советских войск, местные партийные и советские органы, особоуполномоченный ЦК и ВЦИК обратились в этот день к воинам стоявших под Тамбовом частей Красной Армии и ко всему населению города с воззванием:

«Задача ясна и проста, — крепкой облавой нужно окружить деникинскую конницу, которая оторвалась от своей базы, и уверенной рукой затянуть аркан».

Хозяйничанье в городе казаки Мамонтова начали с арестов всех подозреваемых в принадлежности к большевикам, грабежей и насилий.

Казаки рыскали по городу в поисках большевиков и комиссаров, грабили продовольственные и вещевые склады. По улицам гарцевали конные казаки, обвешанные сапогами, шубами. Иной раз из-за вещей трудно было разглядеть человека. Делая «красивый жест», победители тут же раздавали часть награбленного местному населению. Нашлись среди жителей такие, кто за чистую монету принимал «щедрость» мамонтовцев и бросался на жалкие подачки.

Легкий ветерок разносил по городу пух, клочки детских тетрадей и книг. Слышались крики и стоны. В городе появились виселицы. Первыми жертвами оказались не успевшие уйти из города коммунисты и евреи.

Два дня хозяйничали казаки в Тамбове, два дня в городе лилась кровь и слезы, слышались стоны, пахло гарью пожарищ. Два дня тысячи жителей города жили в страхе и унижении.

Собрав в единый крепкий кулак лучшие свои части, Красная Армия разбила отряды мамонтовской конницы и вошла в Тамбов. Во главе войск шли коммунисты Тамбовского добровольческого полка. Вместе с армией пришел в город и особоуполномоченный ЦК и ВЦИК Вадим Николаевич Подбельский.

Жизнь входила в нормальную колею. Уже через две недели был созван съезд представителей культурно-просветительных учреждений. Еще через две недели в городе открылся народный университет, начались занятия в бесплатной музыкально-хоровой школе.

Особую заботу проявляли о детях. В городе были созданы детские столовые, оборудован первый детский дом, в который собрали детей из приютов и сиротских домов.

Подбельский успевал всюду. Зашел он однажды и в бывший институт благородных девиц, где разместился теперь детский дом. Как там живет

малышам? Надежным ли людям доверено их воспитание? Его встретила шумная ватага ребят. Узнав Подбельского, воспитательница смутилась и покраснела: она никак не ожидала увидеть такого гостя. Когда-то они были соседями, дружили в годы юности.

Вадим Николаевич заметил смущение воспитательницы.

— Ну, Ольга Алексеевна, не смущайтесь! Давайте будем, как прежде, — вы для меня Олюшка, а я для вас — Вадя. Идет? Показывайте-ка свое хозяйство.

Они прошли по спальням, столовой, заглянули в кладовые, осмотрели детскую одежду, просмотрели списки детей. Вадим Николаевич поговорил с ребяташками.

Собираясь уходить, он просил Ольгу Алексеевну составить список всего, что необходимо детскому дому, и завтра же прийти в исполком.

— Сбросьте с себя, Оленька, ненужное подобострастие, — сказал на прощание Подбельский. — Советская власть — она для всех равна: для рядового и для государственного деятеля. В этом смысл ее демократизма. Вы ведь помните, как мы об этом мечтали? А за то, что вы делаете, — большое вам спасибо от советской власти!

Не забывал Подбельский и непосредственных своих подопечных — почту и телеграф. Его удивляла огромная загрузка телеграфа. При проверке выяснилось, что учреждения посылают телеграммы по самым незначительным поводам.

«До каких же все-таки пор будет продолжаться эта телеграфная вакханалия! — думал нарком, просматривая длиннющие телеграммы. — Ведь дело доходит не только до глупостей, оно граничит иной раз с преступлением».

Народный комиссар выбрал наиболее вопиющие случаи и немедленно послал об этом корреспонденцию в «Известия». Пусть все знают, из-за каких глупостей задерживаются действительно срочные телеграфные сообщения.

Упорядочению работы телеграфа, разгрузке его от длинных бессмысленных телеграмм Подбельский уделял немало внимания и в дальнейшем. Он отдавал под суд работников, загружавших телеграф ненужными обстоятельными телеграммами и мешавших, таким образом, «обслуживать срочные военные, продовольственные и политические нужды...», сообщал об этом Ленину.

Член Коллегии Наркомпочтеля М. Д. Ходеев вспоминал: «Докладывая... Совету Народных Комиссаров, В. Н. Подбельский для

убедительности продемонстрировал несколько телеграмм, поданных присутствующими на заседании наркома. Стоя на стуле, он поднял на шесте до потолка телеграммы, отпечатанные на бумажных полосках длиной в 3–4 и более метров. Владимир Ильич с укоризной покачал головой...»

В июне 1919 года правительство поручило Народному комиссару почт и телеграфов установить в срочном порядке в Москве мощную радиостанцию и оборудовать ее современными машинами и механизмами.

Советские радисты давно мечтали увидеть Россию в лесах антенн; они мечтали, чтобы во всех крупных городах страны были свои передающие и принимающие радиостанции. А теперь им предоставлялась возможность соорудить станцию в столице.

Но для строительства такой станции нужны опытные специалисты — надо быстро ее спроектировать и построить.

На совещании в Наркомпочтеле председатель радиотехнического совета Аким Максимович Николаев заявил:

— Дело сейчас в антенне. Чтобы обеспечить надежную и постоянную радиосвязь центра с западными государствами и окраинами республики, нужны не только мощные и современные машины, нужна высокая башня для установки антенны. Нечто подобное херсонскому маяку, если вам привелось его видеть.

— А кто у нас строит такие сооружения? — спросил нарком.

— Инженер Шухов.

— Шухов? Не тот ли это Шухов, который изобрел знаменитые водотрубные котлы?

— Да, он, — ответил Николаев. — Владимир Григорьевич Шухов — специалист широкого диапазона. Он не только теплотехник, но и специалист в области мостостроения, нефтедобычи, а главное — в области строительной техники.

— Так вот, Шухову и поручите спроектировать башню-антенну, — предложил Подбельский.

...30 июля 1919 года Председатель Совета Рабоче-Крестьянской Обороны Владимир Ильич Ленин подписал постановление о строительстве радиостанции. Постановление не только обязывало снабжать стройку

всеми необходимыми материалами, транспортом и квалифицированными рабочими, но и приравнивало всех занятых на строительстве к красноармейцам; строителям выдавался красноармейский паек, они освобождались от призыва в армию. Для наблюдения за ходом работ была образована межведомственная комиссия из представителей Наркомпочтеля, Высшего Совета Народного Хозяйства, Государственного контроля и радиосекции профсоюза работников связи.

Местом для сооружения радиостанции был выбран большой пустырь на Шаболовке, в наиболее возвышенной части южной окраины столицы.

Инженера Шухова несколько смутило предложение Наркомпочтеля разработать конструкцию радиобашни-антенны и взять на себя руководство ее строительством, хотя опыт создания подобных сооружений у него был солидный. В начале 1896 года изобретатель закончил свои теоретические расчеты; с тех пор ажурные прямолинейные металлические башни Шухова уже красовались во многих городах страны. В Херсоне башня служила маяком, в Николаеве — водонапорной станцией. Новизна данного предложения заключалась в том, что башня для антенны должна была быть значительно выше всех ранее строившихся. Да и сроки для конструирования были весьма сжатые...

И все-таки Владимир Григорьевич Шухов дал согласие.

В напряженной работе проходили дни, недели, месяцы... В рекордно короткий срок изобретатель представил все статические расчеты, рабочий проект конструкции и организации монтажных работ.

Шухов рассчитал башню-антенну высотой в 350 метров. Это намного больше Эйфелевой башни!

Знакомясь с проектом, Подбельский сказал:

— Но ведь такое грандиозное сооружение потребует больших средств и огромного количества материалов.

— И сроки строительства намного затянутся, — добавил Николаев.

Инженер Шухов и сам это понимал. Но ему хотелось, чтобы его детище — башня-антенна первой советской радиостанции — было самым грандиозным сооружением в мире. Однако против доводов руководителей Наркомпочтеля возражать было трудно.

Через короткое время Шухов переработал свой проект. Теперь высота башни намечалась в 160 метров, считая и высоту наблюдательного пункта и траверс.

Глубокой осенью приступили к сооружению башни. Шухов неотлучно руководил работами: сборкой отдельных секций, механизацией их подъема.

Башня должна была состоять из шести ажурных гипербоидальных

секций, высотой в 25–30 метров каждая. Собирали секции на земле. Внутри первой секции собирали вторую, внутри второй — третью, и так далее. Затем при помощи лебедок и блочной системы секции ставили и укрепляли одна на другую.

Когда подняли третью секцию, огромное сооружение было видно со всех концов столицы. Не раз и Владимир Ильич из окна Кремля любовался постройкой.

Но случилось так, что при подъеме четвертой секции она неожиданно рухнула со стометровой высоты. Шухов строил немало подобных башен, и нигде такого не случалось...

При падении секция смяла верхнее кольцо предыдущей. Выпрямление кольца Шухов поручил наиболее квалифицированным рабочим. Но старого инженера подстерегала новая страшная беда: при разборке помятой конструкции был убит рабочий.

Работы были приостановлены.

О случившемся немедленно доложили Подбельскому.

— Инженера Шухова арестовали, — сообщил заместитель наркома Любович. — Товарищи из ВЧК считают это необходимой мерой предосторожности. Ведь все же Шухов — старый специалист...

— Так что же? Раз старый специалист, он обязательно должен быть вредителем? Я наблюдал за его работой, у меня почему-то не вызвала сомнений его лояльность. Вы видели, с каким юношеским задором и энтузиазмом он работал?!

Подбельский попросил ускорить следствие. Уже на следующий день стало известно, что несчастный случай произошел по неосторожности самого рабочего. Но Шухова еще держали под арестом.

Вадим Николаевич Подбельский доложил тогда обо всем случившемся с Шуховым Председателю Совнаркома.

— Арест может убить старого человека. Тем более если в этом нет его вины...

В тот же день Шухова освободили. Работы на Шаболовке возобновились.

Пробыв неделю-две в Тамбове и его уездах, на наиболее важных участках фронта, особоуполномоченный ЦК и ВЦИК на день-два

возвращался в Москву. Скапливалось много вопросов, которые следовало решать именно в Москве и именно при личных встречах с Владимиром Ильичем и руководителями ряда ведомств.

И всякий раз, приезжая в Москву с фронта, нарком считал своим долгом побеседовать с газетчиками. Кому, как не ему, опытному журналисту, было знать огромную роль печати в пропаганде и в своевременном освещении важных событий жизни!

В один из очередных приездов Подбельского, уже в одиннадцатом часу вечера, в его кабинет вошел корреспондент «Известий». Нарком устало поднялся ему навстречу. Он усадил представителя прессы у небольшого столика, покрытого малиновым сукном, не торопясь, стал отвечать на вопросы корреспондента.

— В прошлый раз, когда я говорил об обстановке, создавшейся на участках Южного фронта, соприкасающихся с Тамбовской и югом Саратовской губерний, положение было достаточно серьезное. И эта серьезность заключалась главным образом в том политическом и моральном развале, какой временно переживала в тот период южная Россия. В этом факте и заключалась главная опасность, так как Деникин сам по себе не был нам страшен. Его банды были бы нам страшны в том случае, если бы они встретили поддержку со стороны широких слоев крестьянского населения.

— Чем же в таком, случае вы можете объяснить тот факт, что Деникину за какой-нибудь недельный срок удалось из пределов Новохоперского уезда и севера Донской области перешагнуть через Балашов, Борисоглебск и непосредственно подойти к Мучкапу? А Мучкап — это ведь уже подступ к Тамбову!

— Совершенно законный вопрос. И ответить на него можно так: это могло случиться только потому, что в этом районе банды Деникина опирались на «зеленых», поднявшихся под влиянием кулацкой контрреволюционной агитации.

Так было две недели назад. Но сейчас в том же районе, на тех же самых участках положение коренным образом изменилось. В самый короткий срок мы отняли обратно у Деникина Балашов, Борисоглебск, Новохоперск, очистили от деникинских и «зеленых» банд весь прилегающий район. И теперь наше положение совершенно прочно.

Корреспондент «Известий» с трудом успевал записывать.

— Наше появление в местах, очищенных от временного господства казачьих и «зеленых» банд, дало нам возможность установить истинную картину того, при каких условиях удалось бандам белых временно

оккупировать юго-восточный район.

Мне больно об этом рассказывать, но, как выяснилось, белым и казакам наиболее активную поддержку оказали не только деревенские кулаки, но и так называемая деревенская интеллигенция.

Подбельский посмотрел на часы.

— Скоро полночь. Газета давно верстается. Если же вы хотите, чтобы наша беседа была опубликована в завтрашнем номере, поторопитесь в редакцию.

— В вас, Вадим Николаевич, говорит сейчас дух журналиста.

— Мне известно, как важно для газеты оперативно публиковать важные известия. Кроме того, я считаю это своим прямым долгом. Добавьте только в конце, что положение наше сейчас прочно. Правда, враг еще пытается, как говорят французы, «faire bonne mine à mauvais jeu» — «делать хорошую мину при плохой игре». Но скоро, очень скоро наша доблестная Красная Армия, пользующаяся поддержкой рабочего класса и всего трудового крестьянства, одержит решающую победу над полчищами врагов. Страна наша будет чиста от всяческих банд и, залечив свои тяжелые раны, приступит к строительству новой, счастливой жизни!

«ЧТОБЫ РВАЛИСЬ МУСКУЛЫ И СКРИПЕЛИ КОСТИ...»

Поездка в Тамбов в июле — августе 1919 года была у Подбельского последней. Положение в губернии несколько улучшилось и уже не требовало присутствия особоуполномоченного ЦК РКП(б) и ВЦИК.

В Москве Подбельского ожидали горькие вести. И следовали они одна за другой. Недаром, должно быть, гласит народная мудрость: «Как придет напасть, так хоть вовсе пропасть».

Пришло сообщение о гибели Григория Александровича Усиевича. Он был убит в Сибири в стычке с казаками под Камышловом. Какой это был убежденный, страстный и неугомонный человек! Сколько воспоминаний связано с ним, сколько бессонных ночей, сколько волнений пережито вместе в дни Октябрьского штурма!..

Прошло еще несколько дней — и снова тяжкая и горькая весть: английские войска вошли в Баку. В беду попали бакинские комиссары, а среди них лучшие друзья Подбельского — Ваня Фиолетов, Ян Зевин...

Почти в то же время пришло сообщение из Моршанска. Здесь на

Кулеватовской дамбе кулацкая банда подкараулила и убила возвращавшуюся из Тамбова группу местных активистов. Подбельский хорошо знал всех погибших и особенно близко Василия Петровича Лотикова, председателя Моршанского уездного комитета партии. Это был прекрасный организатор, опытный партийный работник.

В августе совершенно неожиданно Подбельский получил телеграмму о смерти Гавриила Васильевича Белоцветова. Он умер в небольшом городке Льгове, куда в первые дни после Октября уехал из Тамбова. Вечно мятущийся, что-то ищущий, он остался таким и до глубокой старости.

2

После освобождения Орла и Воронежа, в октябре 1919 года, положение на фронтах явно улучшилось в пользу Красной Армии, особенно на юге страны. Перейдя в стремительное наступление, войска; Южного и Юго-Восточного фронтов к началу 1920 года уже очистили от врага Донбасс. 3 января 1920 года Красная Армия изгнала деникинские войска из Царицына, еще через четыре дня Красная Армия вошла в Таганрог, а 8 января — в Ростов.

Теперь у наркома стало еще больше работы. Надо было продолжать оказывать помощь родившимся в огне боев войскам связи. Особого внимания требовало радиостроительство. А осуществление плана открытия почтово-телеграфных отделений! Ведь шутка ли сказать: за каких-нибудь два года надо открыть в стране три тысячи отделений.

А сколько еще и другой текущей работы!..

В конце 1919 — начале 1920 года почтовиков стали донимать посылки. На московских вокзалах скапливалось огромное количество неразгруженных почтовых вагонов. Не только посылки, но и мешки с письмами много дней лежали без движения. Этих посылок ждали жители Москвы и других городов. Воины Красной Армии и их семьи в городах и селах ждали писем. А вагоны все стояли неразгруженными: не хватало людей и не было сил, чтобы справиться с разгрузкой огромного потока посылок и писем.

В ряде пригородов Москвы были разрушены линии телеграфной и телефонной связи.

Вот когда выручили субботники и воскресники!

На заседаниях и пленумах Московского комитета партии Подбельский

не раз выступал в поддержку субботников и воскресников, названных Лениным «великим почином».

На воскресники связисты выходили организованно, как на праздничную демонстрацию. Брали с собой даже детей. Собирались обычно у Главного почтамта на Мясницкой. Отсюда колоннами расходились в разные стороны: кто отправлялся к вокзалам разгружать вагоны с посылками и письмами, кто шел на Москву-реку — к береговым дровяным складам для разгрузки барж с дровами, а кто очищал дворы от мусора в прилегающих улицах и переулках.

Ни один воскресник не проходил без участия наркома. Вместе с перевозчиками почты и проводниками почтовых вагонов, телеграфистками и техниками телеграфа, сортировщиками и почтальонами Главного почтамта и почтовых отделений города, монтерами телефонной станции он выходил на разгрузку почтовых вагонов, ехал на заготовки телеграфных столбов, так же умело, как линейные рабочие, ставил эти столбы. И везде он был душой коллектива.

Участники субботников обычно получали бесплатный обед — перловый суп, чечевичную кашу и полфунта хлеба. Нарком обедал вместе со всеми.

Поработав час, устраивали короткий «перекур». Эти минуты Подбельский использовал для бесед. Он рассказывал рабочим о положении в стране, рисовал яркие картины будущего России, говорил о перспективах развития социалистической связи.

— Теперь больше, чем когда бы то ни было, — говорил он, — необходимо помнить азбуку исторического материализма: экономика — все. Победим мы хозяйственную разруху — значит, полностью обеспечим профессиональные интересы трудящихся, поднимем на небывалую высоту культуру, нравственность, науку. Не победим хозяйственной разрухи — коммунистическая революция грозит быть раздавленной.

Но нарком не только участвовал в субботниках и воскресниках. Он выступал в печати со страстными призывами в поддержку «великого почина».

— Практикует ли сейчас революция нарушение профессиональных интересов? Конечно, практикует. Один из принципов профессионального движения требует для каждого трудящегося сплошного еженедельного отдыха в течение сорока двух часов, а мы устраиваем субботники и воскресники, где цвет рабочего класса — коммунисты после своих достаточно непосильных трудов снова напрягают нервы и мускулы на пользу торжества коммунизма. Кто-нибудь из печальников за «принципы»

профессионального движения поднимет по этому поводу свой негодующий голос. А если «великий почин» коммунистов увлечет за собой широкую беспартийную массу (а это и будет) и на субботники и воскресники станет являться большинство трудящихся, разве мы остановимся перед тем, чтобы после такой моральной победы обратить в сторону дезорганизованного меньшинства силу принуждения, чтобы заставить, их наравне со всеми трудящимися делить праздник и страду субботников?

3

Правительство проявляло большой интерес к состоянию связи. Владимир Ильич ценил энергию, знания, организаторский талант Подбельского, доверял ему, нередко давал особенно серьезные поручения. Как-то во время одного из заседаний Совнаркома Владимир Ильич снова требовал не ослаблять надзора за связью с югом, особенно с Харьковом и Курском. Только 10 января Подбельскому передали записку Ленина, в которой он спрашивал, энергично ли подталкивается и ведется надзор за постановкой телефона в Курск и Харьков и когда он будет готов. Наркома этот вопрос не застал врасплох.

«Три четверти вставок уже заменены на неделю раньше, чем ожидались, — ответил он Владимиру Ильичу. — С Курском уже можно говорить, кроме тех сравнительно редких моментов, когда телефон разобщается для ремонта».

17 января 1920 года Наркомпочтель Подбельский отчитывался на заседании Совнаркома о состоянии почты, телеграфа и телефона. Владимир Ильич, как обычно, внимательно выслушал немногословный деловой доклад Наркомпочтеля и сделал пометки на проекте постановления. Он подчеркнул пункт четвертый «поручить Наркомпути, Реввоенсовету Республики и Особому комитету по проведению военного положения на ж. д. принять решительные меры воздействия на агентов ж.-д. и военных сообщений, проявляющих преступную халатность в деле продвижения почтовых вагонов». Против этого важного пункта Председатель Совнаркома написал: «ВЧК». Значит, дело настолько серьезно и важно, что и Всероссийская Чрезвычайная комиссия должна, если нужно будет, вмешаться, чтобы не было задержки в продвижении почтовых вагонов.

Как всегда, Вадим Николаевич Подбельский пришел на субботник одним из первых. Он организовал работу по разгрузке посылок и сам ловко подавал посылки на машины. Он был весел и бодр, шутил и заражал всех энергией. Нарком подумал о том, что зря не ведут специального учета выполненной на субботниках и воскресниках работы связистов. «Что получается, — размышлял Вадим Николаевич, — учитывается, сколько заготовлено и погружено дров, сколько отремонтировано паровозов и вагонов и даже сколько сшито гимнастеров и обмоток. А письма? А посылки? Разве письмо или посылка согревают меньше, чем вязанка дров? В отчетах Московского комитета партии об итогах коммунистических субботников за одиннадцать месяцев значится, что, помимо разгрузки дров, погружено и разгружено почти две с половиной тысячи вагонов разных грузов. А ведь добрая треть этих вагонов разгружена и погружена тружениками почтово-телеграфного ведомства».

Все шло хорошо. Но неожиданно Вадим Николаевич поскользнулся и задел ботинком за гвоздь. Он с сожалением посмотрел на проколотый ботинок и продолжал работать, хотя одна из работниц предложила ему перевязать ногу.

— Чепуха! — ответил Подбельский. — Подумаешь, царапинка!..

Однако на следующий день он почувствовал недомогание: ныла нога.

К вечеру Подбельский слег. Врачи определили заражение крови. Больного перевезли в клинику. Периодически он впадал в забытие, терял сознание. В часы, когда ему становилось легче, он подзывал жену, которая постоянно дежурила в палате, и просил:

— Почитай-ка, Аннушка, газету. Что-то там на фронтах творится?..

Его навещали товарищи из Наркомпочтеля. В короткие минуты свиданий он жадно расспрашивал о делах, успевал давать указания, советы.

— Не забывайте помогать Халепскому. Людей, людей давайте ему и материалы, если потребуются.

— Подготовьтесь хорошенько к съезду администраторов.

— Советуйтесь с Владимиром Ильичем, он всегда поможет...

Болезнь продолжала прогрессировать.

Подбельский умирал. Его уже ничто не могло спасти. За несколько часов до кончины, в бреду и в жару, он подозвал товарищей и попросил записать то, что он будет говорить.

Больной употребил последние усилия, чтобы немного приподняться. Анна Андреевна подложила еще одну подушку и, обняв, поддержала его.

— Пишите... — хрипящим голосом произнес нарком.

И вдруг голос его обрел силу, и он начал:

— «Рабочие, работники и крестьяне! Смотрю и вижу спасенье в вашей всегда мудрой и стихийной силе...»

Больной замолк. Анна Андреевна уложила его на подушки. Она уже не могла удержать слез, как не могли их удержать и товарищи, пришедшие проститься с ним...

В ночь с 25, на 26 февраля 1920 года Подбельского не стало...

А 2 марта 1920 года Москва проводила Вадима Николаевича Подбельского в последний путь. Вся Тверская была запружена народом. Море знамен и венков, траурные мелодии оркестров. Боевые товарищи и друзья несли на руках гроб, за которым следовал окруженный красноармейцами артиллерийский лафет. За гробом шли в траурном молчании тысячи рабочих и воинов Красной Армии.

В своей пламенной прощальной речи Анатолий Васильевич Луначарский сказал:

«Вадим Подбельский является невиданным примером министра, который... сам разгружает вагоны, ставит телеграфные столбы... Он был героем трудового фронта, так как он отдавал делу свои силы без всякого счета... Ему хотелось так работать, чтобы рвались мускулы и скрипели кости...»

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. Н. ПОДБЕЛЬСКОГО

1887, 13(25) ноября — В Багаразском улусе Якутии в семье политссыльного Папия Павловича Подбельского и политкаторжанки Екатерины Петровны Сарандович родился третий ребенок — Вадим.

1900 — После скитаний по городам Сибири (Минусинск, Кустанай и др.) семья Подбельских-Белоцветовых поселилась в Тамбове.

1901 — Вадим Подбельский переезжает из Саратова, где он некоторое время жил у дяди Николая Павловича, в Тамбов.

1904 — Начало революционной деятельности Вадима Подбельского среди учащейся молодежи. Участие во Всероссийском съезде учащейся молодежи в Москве.

1905, октябрь — Первый арест Вадима Подбельского. Вступление Вадима Подбельского в партию большевиков.

1905–1906 — Активная работа Вадима Подбельского среди учащихся, рабочих-железнодорожников Тамбова и губернии» руководство социал-демократическими кружками.

1906, август — В. Н. Подбельский эмигрирует на юг Франции, в Ментону.

1907, июнь — В. Н. Подбельский нелегально возвращается из Ментоны в Тамбов.

14 октября — Арест В. Н. Подбельского вместе с 16 другими участниками социал-демократического кружка, которым он руководил.

3 декабря — Высылка В. Н. Подбельского в административном порядке в Саратов.

1908, 3 июня — Вернувшийся нелегально в Тамбов В. Н. Подбельский арестован в третий раз.

20 октября — В. Н. Подбельский на три года выслан в Вологодскую губернию.

1908–1911 — Ссылка в Вологодскую губернию.

1911–1915 — Работа В. Н. Подбельского в Тамбове в прогрессивных газетах: «Тамбовский листок объявлений», «Тамбовская жизнь», «Тамбовские отклики».

1915, 17 августа — Приезд В. Н. Подбельского в Москву.

1915–1916 — В. Н. Подбельский — сотрудник газеты «Русское слово». Активное участие в работе московской организации большевиков.

1917, февраль — октябрь — Активная революционная деятельность В. Н. Подбельского в Москве. Подбельский — член Московского комитета партии, гласный Московской городской думы и думы Краснопресненского района Москвы, техник-организатор в редакции большевистской газеты «Социал-демократ».

8–16 августа — В. Н. Подбельский, как делегат московской организации, участвует в работе VI съезда партии и выступает на съезде с сообщением о работе московской организации большевиков.

25 октября — Избрание В. Н. Подбельского в состав Партийного центра по руководству Октябрьским вооруженным восстанием в Москве.

27 октября — Назначение В. Н. Подбельского московским комиссаром почты и телеграфа.

2 ноября — Назначение В. Н. Подбельского московским комиссаром по делам печати.

24 ноября — Назначение В. Н. Подбельского комиссаром Московского отделения Петроградского телеграфного агентства.

1918, 11 апреля — Постановлением ВЦИК В. Н. Подбельский утвержден Народным комиссаром почт и телеграфов республики.

Июнь — август — Участие В. Н. Подбельского в ликвидации эсеровских мятежей в Тамбове, Москве и Ярославле.

1919, 18–23 марта — Участие В. Н. Подбельского в качестве делегата от тамбовской партийной организации в работах VIII съезда партии.

1919, май — август — В. Н. Подбельский — особоуполномоченный ЦК РКП (б) и ВЦИК на Тамбовском участке Южного фронта.

1920, 25 февраля — Смерть В. Н. Подбельского.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Ленин В. И., Сочинения, тт. 16, 19, 20, 29, 34, 35.
«Ленинские сборники» XII, XVI, XX, XXII XXIX, XXXV, XXXVI.
«История Коммунистической партии Советского Союза». М., Госполитиздат, 1960.
«Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы». М., Госполитиздат, 1958.
«Восьмой съезд партии. Протоколы». М., Госполитиздат, 1960.
Подбельский В. Н., Дело связи в Советской России. М., Госиздат, 1919.
Подбельский В. Н., Почта, телеграф и телефон в связи с социалистическим строительством страны. М., Госиздат, 1927.
Абрамович Н. Я., «Русское слово». П., 1916.
Андреев В. Д., 1905 г. Крестьянское движение в Тамбовской губернии. Тамбов, 1925.
Анисимова Е., Яковлев В., Шорр Я., 1917 год в Москве. М., «Московский рабочий», 1957.
«Борьба рабочих и крестьян под руководством большевистской партии за установление и упрочение советской власти в Тамбовской губернии (1917–1918 годы). Сборник документов». Тамбов, 1957.
«Дело о преступной пропаганде в среде с. — петербургских рабочих (1881)». — «Былое» № 1 (январь), 1907, стр. 288–294.
«За власть Советов!» Сборник воспоминаний. Тамбов, 1957.
«Красная книга ВЧК», ч. I. М., 1920.
«Крестьянское движение в Тамбовской губернии». Сб. документов. Тамбов, 1957.
Николаев А. М., Ленин и радио. М., Госполитиздат, 1958.
Остряков П. А., Михаил Александрович Бонч-Бруевич. М., Связьиздат, 1953.
«Полвека для книги»: Сб. М., 1916.
«Почтово-телеграфный журнал», части официальная и неофициальная за 1917–1920 гг.
«Пролетарий связи» за 1918–1919 гг.
«Пятый Всероссийский съезд Советов». М., 1918.
«Работник почты, телеграфа, телефона» за 1918–1920 гг.
«Радиотехника» за 1918–1919 гг.
Иванов А. П., Установление советской власти на Тамбовщине».

Тамбов, 1958.

Филиппов Д., Черменский Н., 1905 год. Рабочее движение и развитие социал-демократии в Тамбовской губернии. Тамбов, 1926.

Черменский Н. П., От крепостного права к Октябрю. Тамбов, 1928.

Черменский Н. П., 1905. Хроника революционных событий Тамбовской губернии. Тамбов, 1925.

«Якутская трагедия. 22.III/3. IV/ 1889 г.». Сб. воспоминаний и материалов. Изд. Общества политкаторжан. М., 1925.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Дом Монастырева в Якутске, во дворе которого 22 марта 1889 года был убит Папий Подбельский.

Папий Павлович Подбельский — отец Вадима Подбельского.

Екатерина Петровна Сарандович — мать Вадима Подбельского.

Семья Подбельских-Белоцветовых. Третий слева — Вадим. 1901 г.

Вадим Подбельский после возвращения из эмиграции 1907 г.

Группа большевиков Яренской колонии политических ссыльных. 1910 г. Во втором ряду в центре — В. Н. Подбельский, слева от него — О. Банникова. В верхнем ряду: А. А. Ланина (первая слева), И. Г. Фиолетов (третий слева), Я. Д. Зевин (первый справа). Внизу (первая справа) — Х. Л. Гольдина,

Иван Фиолетов

Ольга Банникова (Фиолетова).

Яков Зевин.

Анна Ланина, Вадим (в центре) и Юрий Подбельские.

Тамбовские газеты, в которых сотрудничал В. Н. Подбельский.

Дом на Варваринской площади в Тамбове, в котором жила семья Подбельских-Белоцветовых.

В. Н. Подбельский — Народный комиссар почт и телеграфов РСФСР.
1919 г.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Парти́йныя.

В помещеніи клуба Городского района Р. С. Д. Р. П. в пятницу, в 7 часов вечера состоится лекція товарища Подбѣльскаго на тему: «Финансово-экономическая разруха Россіи». Билеты можно получить в помещеніи клуба (Цвѣтн. бульв., д. 25, 2-е Сухар. уч.), от 11 до 9 час. веч.

в 7 часов вечера Союз молодежи траивает лекцію тов. Подбѣль-Русскія социалистическія партіи нал. Адрес: Клуб Городского й бульвар, № 25, во дворѣ. 10 коп. Просят членов Союза в клуб и взять билеты для

Во вторник, в 7 час. вечера, состоится лекція т. Подбѣльскаго на тему: «Муниципальная платформа и революціонная социал-демократія». Лекція бесплатная. Клуб ул., Новови-ская ул., Новови-ская ул.

19-го іюля, в 8 ч. веч. состоится лекція т. Подбѣльскаго на тему: «Россійская революціи и пересмотр программ Россійских социалистических партій» в помещеніи Женскаго медицинскаго Института, Кудринская пл., № 8 (3-ья аудиторія). Билеты 30 коп.

Сегодня, 23 августа, в 7 ч. веч. общее собраніе членов Городского района Р. С.-Д. Р. П. Тов. Подбѣльскій сдѣлает доклад о партійном съѣздѣ (Политехнический музей, аудиторія № 4).

Лекціи и митинги

В воскресенье, 3-го сентября, в 3 час дня в Коммерч. Институтѣ (аудиторія Марка) собраніе по жилищному вопросу. Будут выступать члены Гор. Думы: Фрадкин, Усіевич, Подбѣльскій и др. Плата за вход 20 коп.

Объявления в газете «Социал-демократ» о выступлениях В. Н. Подбельского. 1917 г.

В. Н. Подбельский среди красноармейцев. 1919 г.

Подбельскому.
1) Интересно ли подготавливать
(и кадрировать) за постановкой-де-
мостов, в Курск и Харьков?
2) Когда будет готов?

3/4 вставки уже заложены
на неделю раньше, чем
отидеалов. С Курском уже
можно говорить кроме того,
сравнительно редкая монета
когда телеграф разобьется
для ремонта
пути

Записка В. И. Ленина В. Н. Подбельскому и ответ последнего.

И. А. Халепский, друг и товарищ В. Н. Подбельского по работе в Наркомпочтеле.

А. М. Николаев, член Коллегии Наркомпочтеля.

А. М. Любович, первый заместитель Наркома почт и телеграфов.

В. Н. Подбельский демонстрирует телеграмму, переданную из Ташкента.

В. Н. Подбельский после возвращения с фронта. Август 1919 года.

Похороны В. Н. Подбельского. Москва, 2 марта 1920 года.

---

notes

Примечания

Министр просвещения Сабуков в ответ на протесты учащихся обещал изменить правовое положение студентов, предоставить им право собраний, объединения в кассы взаимопомощи, свободного выбора литературы для чтения и т. д. Обещание свое Сабуков не выполнил. В ответ на это центральный студенческий кружок «Народной воли» при Петербургском университете февраля 1880 года организовал протест.

Партийная кличка Розалии Самойловны Землячки, профессиональной революционерки, в 1905 году — секретаря Московского комитета РСДРП, который осуществлял руководство и тамбовской организацией.

Никодим — партийная кличка выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства, крупного ученого Александра Григорьевича Шлихтера.

П. Орловский — псевдоним В. В. Воровского, партийного деятеля и литератора.

Санин — герой одноименного романа М. П. Арцыбашева, вышедшего в 1907 году. В «Санине» наиболее ярко воплотились характерные для реакционной литературы эпохи «безвременья» циничный нигилизм, проповедь аморализма, сексуальной распущенности, полное отвращение к общественным идеалам.

С. Г. Кишкин — редактор «Тамбовского края», реакционный деятель.

В северной части города, на Козловской улице, в Тамбове находилась тюрьма.

Степан — партийная кличка Ивана Присягина.

«Железка» — так называли постоянный паспорт.

Ныне Пушкинская площадь.

Ныне площадь Свердлова.

Ныне Советская площадь.

Б. М. Волин был не только сотрудником «Социал-демократа», но и деятельным работником Московского комитета партии.

Реакционные деятели Тамбова.

Заводы Сименса и Гальске были в Петрограде и в Москве.

Завод Айваза в Петрограде. Теперь завод «Светлана».